

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ
ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ

XX-XXI

1939

СО Д Е Р Ж А Н І Е

Гайто Газданов. — Полет (Роман)	3
И. Одоевцева. — Стихотворенія	63
А. Присманова. — Шарлотта Бронте (Стихотвореніе)	64
А. Федоров. — Жемчужина (Разказ)	66
И. Кнорринг. — Стихотворенія	79
А. Бенуа. — Воспоминанія о балетѣ. — 5. Заключение	82
П. Милюков. — Роковые годы. — 17. Столыпин приглашает Шипова возглавить кабинет роспуска. — Шипов защищает перед царем кадетскій кабинет Муромцева и Милюкова. — Недѣля оптимизма и поворот 4 июня. — Моя попытка предупредить аграрное обращеніе Думы. — Зигзаги и слухи. — Моя роль в Выборгском манифестѣ. — Депутаты в Выборгѣ	96
А. А. Гольденвейзер. — Американскій нейтралитет (Письмо из Нью - Йорка)	112
Е. Юрьевскій. — От національнаго хозяйства к мировому	122
М. Вишняк. — 1789 — 1917 — 1939	133
П. Карин. — Тайная экономика (к 20-лѣтію монополіи внѣшней торговли)	146
Конрад Гейден. — Несчастнѣйшій человек (Портрет Адольфа Гитлера)	160
П. Биццали. — Пушкин и Россія в польском литературовѣдѣннн	171
Х р о н и к а. — Перед войной (Словесная дуэль и рѣшительные шаги). — Важнѣйшія событія за июль и август	179
Б и б л и о г р а ф і я. — С. Осокин: Софія Прегель «Полдень». — Марія Вега «Мажор в минорѣ». — Илья Никонов «Путешествіе на Джербу». — Б. С.: А. Гефтер «Игорь и Марина». — В. С. Я.: С. К. Максимов «Чудо Рюмина». — Я. Л.: Д. С. Мережковскій «Данте». — В. Д.—н: Georges Duhamel «Mémorial de la guerre blanche». — М. В.: «Нашествіе Наполеона на Россію. 1812 год». — П. Берлин: «Итоги выполненія второго пятилѣтняго плана развитія народнаго хозяйства Союза ССР»	200

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЭТОЙ КНИГИ БЫЛА ОТПЕЧАТАНА ДО КАТАСТРОФИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ СОБЫТІЙ, — ВСЛѢДСТВИЕ ЧЕГО УДАЛОСЬ ДАТЬ ЛИШЬ НѢСКОЛЬКО СТАТЕЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСВѢЩЕНІЕМ ПРОИСШЕДШАГО.

ANNALES RUSSES

REVUE MENSUELLE

РУССКІЯ ЗАПИСКИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

под редакціей П. Н. МИЛЮКОВА

АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ

XX-XXI

П А Р И Ж

1939

« Русскія Записки », 51, rue de Turbigo, Paris.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

Гайто Газданов. — Полет (Роман)	3
И. Одоевцева. — Стихотворенія	63
А. Присманова. — Шарлотта Бронтэ (Стихотвореніе)	64
А. Федоров. — Жемчужина (Разказ)	66
И. Кнорринг. — Стихотворенія	79
А. Бенуа. — Воспоминанія о балетѣ. — 5. Заключение	82
П. Милоков. — Роковые годы. — 17. Столыпин приглашает Шипова возглавить кабинет роспуска. — Шипов защищает перед царем кадетскій кабинет Муромцева и Милокова. — Недѣля оптимизма и поворот 4 іюня. — Моя попытка предупредить аграрное обращеніе Думы. — Зигзаги и слухи. — Моя роль в Выборгском манифестѣ. — Депутаты в Выборгѣ	96
А. А. Гольденвейзер. — Американскій нейтралитет (Письмо из Нью - Йорка)	112
Е. Юрьевскій. — От національнаго хозяйства к міровому	122
М. Вишняк. — 1789 — 1917 — 1939	133
П. Карин. — Тайная экономика (к 20-лѣтію монополіи внѣшней торговли)	146
Конрад Гейден. — Несчастный человек (Портрет Адольфа Гитлера)	160
П. Бицилли. — Пушкин и Россія в польском литературовѣдѣніи	171
Х р о н и к а. — Перед войной (Словесная дуэль и рѣшительные шаги). — Важнѣйшія событія за іюль и август	179
Б и б л и о г р а ф і я. — С. Осокин: Софія Прегель «Полдень». — Марія Вега «Мажор в минорѣ». — Илья Никонов «Путешествіе на Джербу». — Б. С.: А. Гефтер «Игорь и Марина». — В. С. Я.: С. К. Максимов «Чудо Рюмина». — Я. Л.: Д. С. Мережковскій «Данте». — В. Д.—н: Georges Duhamel «Mémorial de la guerre blanche». — М. В.: «Нашествіе Наполеона на Россію. 1812 год». — П. Берлин: «Итоги выполненія второго пятилѣтняго плана развитія народнаго хозяйства Союза ССР»	200

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЭТОЙ КНИГИ БЫЛА ОТПЕЧАТАНА ДО КАТАСТРОФИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ СОБЫТІИ, — ВСЛѢДСТВИЕ ЧЕГО УДАЛОСЬ ДАТЬ ЛИШЬ НѢСКОЛЬКО СТАТЕЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСВѢЩЕНІЕМ ПРОИСШЕДШАГО.

П О Л Е Т

Сереза почти не разставался с Лизой в то знойное лѣто; он засыпал и просыпался рядом с ней, они вмѣстѣ купались, вмѣстѣ гуляли и жили вдвоем, почти не замѣчая ничего окружающаго. Но однажды, когда они вернулись к обѣду, они застали в столовой Егоркина, который пришел, не думая, что может оказаться некстати, и простодушно об'яснил, что ему иногда становится невольно, как он сказал, от постоянного и безвыходнаго одиночества. Сереза смотрѣл на его жилистую, худую шею с выдающимся кадыком, на узловатые его руки, на штаны, которые сидѣли на нем мѣшком, и, несмотря на то, что обычно ему было жаль этого челювѣка, в тот вечер испытывал к нему почти что ненависть. Лиза за столом все время молчала; два или три раза обращалась к Серезѣ по-англійски и тотчас небрежно извинялась перед Егоркиным, ссылаясь на невольную привычку; и как ни был наивен и простодушен Егоркин, даже и он, никогда не предполагавшій, что его присутствіе может кого - нибудь стѣснить, — так же, как его не могло стѣснить ничье присутствіе, — даже он замѣтил, наконец, что всѣм тягостно и неловко. Он поднялся и, желая как-нибудь сгладить непріятное впечатлѣніе, сказал, что пришел, собственно, узнать, не пріѣзжает ли в скорости Сергѣй Сергѣевич. Лицо Лизы стало точно каменным. Сереза отвѣтил, что ничего не знает по этому поводу.

— А то вам без него, я думаю, скучновато иногда, — сказал Егоркин со своей широкой и простодушной, как всегда, улыбкой. — Ну, будьте здоровы.

Лиза кивнула головой. Сереза вышел проводить Егоркина до ворот, избѣгая смотрѣть на Лизу.

— Ты понимаешь, Сережа, — сказал Егоркин, — я почему Сергѣя Сергѣевича жду, у меня кое какіе этюды есть, так вот, я хотѣл ему предложить.

Сережа вдруг подумал, что Егоркину навѣрное пришлось совсѣм плохо. Он вспомнил, как художник за ужином ѣл, с нарочитой медленностью, но сѣдал все до послѣдняго куска хлѣба, которым он проводил по тарелкѣ, — и Лиза смотрѣла всторону, а Сережѣ очень хотѣлось сказать, что так не нужно дѣлать. Он подумал, что Егоркин обѣдал сегодня по настоящему, может быть впервые за долгое время, и ему вдруг, чуть не до слез, стало жаль этого человѣка.

— Вам, Леонид Семенович, навѣрное, деньги нужны? — сказал он, преодолев стѣсненіе.

Егоркин улыбнулся.

— Деньги мнѣ, Сережа, всегда нужны. Только ты мнѣ ничего не должен.

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро сказал Сережа, — вы меня не поняли, Леонид Семенович. Понимаете, папа у вас навѣрное купит картины, так не все ли равно, кто заплатит?

— Это вѣрно, конечно.

— Подождите меня минутку, — сказал Сережа, — я сейчас приду.

— Постой, куда ты?

Но Сережи уже не было. Он прибѣжал наверх, в свою комнату и открыл ящик письменнаго стола. От тысячи франков, которую он размѣнял недѣлю тому назад, оставалось двѣ бумажки, одна в пятьсот, другая в сто. Он взял пятьсот франков, но подойдя к дверям, остановился, вернулся, захватил еще оставшіеся сто и побѣжал вниз. В свѣтѣ яркой луны он увидѣл художника, который сидѣл на придорожной тумбѣ и смотрѣл на море. Услышав бѣгушіе шаги Сережи, он поднял голову.

— Красота какая, — сказал он очень громко, — сколько лѣтъ живу, не могу налюбоваться.

— Вот, Леонид Семенович, — пробормотал Сережа, протягивая ему деньги, — вот пока что... Если вам будет еще нужно, вы мнѣ дайте знать.

Егоркин неторопливо развернул деньги, потом крѣпко пожал Сережину руку.

— Ну, спасибо, — сказал он, точно в раздумьи.

— Я увѣрен, что папа у вас купит ваши этюды.

— Конечно, купит, — сказал Егоркин. — А если бы я кусок дерева ему принес, так он бы и дерево купил, развѣ я не понимаю? И Сергѣй Сергѣевич знает, что понимаю. Одним много дается, другим мало. Ну, спокойной ночи, Сережа.

И он ушел быстрой походкой. Сережа пошел домой. Песок хрустѣл под его медленными шагами. Он остановился на секунду и вспомнил звук своих шагов по этому же песку — в тот первый вечер, когда они шли с Лизой вдвоем и когда он потерял сознание от ея поцѣлуя. С того времени, казалось, прошла цѣлая жизнь. Для того, чтобы понять огромное, несравненное, как думал Сережа, счастье, он напряженно искал объясненія тому, как все это могло произойти и каким образом получилось, что все, бывшее до сих пор, оказалось как бы подготовкой к теперешнему его существованію. Все, что Сережа знал и любил до сих пор, все оказалось заслоненным узкой тѣнью Лизы — как в тот раз, когда как-то ночью она поднялась с кровати и подошла к открытому окну, и Сережа смутно, сквозь начинавшійся сон, видѣл ея голое тѣло в темном воздушном пролетѣ этого окна; и когда он встал и подошел к ней вплотную, из-за ея плеч и спины, на которую спускались ея черные волосы, вдруг медленно и неожиданно появилось море, берег с деревьями, ночная неподвижная листва, низкая звѣзда на далеком небѣ и вздрагивающая полоса луннаго свѣта на водѣ. Так и теперь из-за Лизы было видно то, что до сих пор отдѣляло его от нея, — мама, отец,

ощущение теплой воды в ваннѣ, — давно, когда он был маленьким и когда смуглыя руки Лизы вынимали его оттуда и особенный ея голос говорил, — а теперь, Сереженька, спа-а-ать. Что было еще? Были смѣшныя, дѣтскія вещи, ка-сторка, соль, которую ему запрещали ѣсть и которая была такой замѣчательно вкусной, потом воображаемая путеше-ствия по книгам, по географическим атласам, — Огнен-ная Земля, Гвіана, Таити, берега Миссури, Аляска, Австра-лія, Мадагаскар, Сибирь и сѣвер Россіи. Потом книги, мно-жество разных книг, потом лицей, футбол, бѣг, плаваніе, потом прогулки по Парижу с товарищами, кинематограф, экранныя красавицы с глазами в пол-аршина діаметром и глицериновыми слезами, потом посѣтители отца, среди ко-торых были знаменитые и почтенные люди, потом музыка и гулкій воздух концертнаго зала и, за всѣм этим, всегда — мать, отец, Лиза. Отца Сережа не понимал до конца; ему казалось странным, как можно было жить вот таким образом, — всегда шутя, посмѣиваясь над всѣм рѣшительно, не волнуясь, не переживая. Был період времени, когда Сережа считал, что Сергѣй Сергѣевич, — это была непри-ятная мысль, потому что он все же очень любил его, — просто никогда не задумывался ни над чѣм; все, чѣм дру-гіе люди мучаются, от чего они болѣют, старятся и умира-ют, все это прошло мимо него; и не зная никогда ни нуж-ды, ни каких бы то ни было лишеній, он просто с удоволь-ствием жил и не использовал своих досугов хотя бы для чтенія. Сережа был огорчен этим, ему хотѣлось, чтобы его отец во всѣх вопросах оказался на высотѣ положенія, а до сих пор он обнаруживал несомнѣнную компетенцію толь-ко в коммерческих дѣлах и биржевых курсах, в которых Сережа ничего не понимал, да еще в спортѣ, — Сергѣй Сергѣевич помнил в частности, всѣ рекорды. Но однажды Сережа услышал разговор отца с каким-то знаменитым и совершенно высохшим старичком о развитіи религіозной философіи, и было очевидно, что в этой области Сергѣй Сергѣевич чувствовал себя так же свободно, как в спортѣ.

Тогда Сережа вообще перестал понимать, что же, в концѣ концов, представлял из себя его отец. Он знал, что мать называла его машиной, что когда Лиза говорила о нем, у нея, сквозь всегдашнее ея спокойствіе, чуть-чуть сквозила либо насмѣшка, либо раздраженіе. Что онѣ могли имѣть против этого очаровательнаго человѣка, с которым никогда не было скучно и который всегда на все соглашался? Получалась парадоксальная вещь: любили отца люди, в сущности почти не знавшіе его, — прислуга, Нил, который очень цѣнил Сергѣя Сергѣевича, Егоркин, — а мать и Лиза относились к нему с холодком, который, вообще говоря, был для них не характерен. И почему мать всегда оставалась ему чужой — и когда она говорила: надо сказать Сергѣю Сергѣевичу, надо спросить Сергѣя Сергѣевича, — всегда казалось, что рѣчь идет о каком-то хорошем знакомом? И почему выходило так, что Сергѣй Сергѣевич, хозяин своего дома и владѣлец своего состоянія, разсматривался ближними не как активный участник их жизни, а как довольно цѣнный, правда, и довольно пріятный совѣтник по разным дѣлам, но без котораго, в сущности, можно было бы обойтись? Сережѣ очень хотѣлось поговорить об отцѣ с Лизой, но в данный момент это было невозможно, так как рѣчь непременно коснулась бы того, что сейчас происходило, и Сережа боялся этого, тѣм болѣе, что и Лиза до сих пор ни словом не обмолвилась об этой самой трагической в концѣ концов проблемѣ, перед которой они оба очутились. Мысль, что Лиза — сестра его матери, все не могла дойти как слѣдует до сознанія Сережи, вѣрнѣе, она была только на поверхности и затѣм гдѣ-то глубоко - глубоко внизу, гдѣ Сережа ощущал ея тревожное присутствіе; и он инстинктивно избѣгал думать об этом. Рано или поздно, этот вопрос должен бы конечно быть разрѣшен, но до этого еще было, быть может, далеко.

И опять-таки, впервые за всю свою жизнь Сережа оказался перед вопросом о своей собственной судьбѣ, о своей

роли в событіях. До сих пор он почти не существовал в домѣ Сергѣя Сергѣевича, как самостоятельная величина, — в том смыслѣ, что его жизнь и его присутствіе не могли никаким образом вліять на общій ход событій и на отношенія между членами этой семьи. Сергѣй Сергѣевич мог быть недоволен — в принципѣ, так как на самом дѣлѣ свое недовольство он никогда не обнаруживал, — Ольга Александровна в свою очередь могла поссориться с Лизой, Лиза могла разсердиться на Сергѣя Сергѣевича, но во всѣх этих случаях интересы Сережи совершенно не затрагивались; и независимо от того, что происходило, всѣ трое относились к Сережѣ с той неизмѣнной ласковостью, к которой он привык с дѣтства, и лишь Сергѣй Сергѣевич изрѣдка посмѣивался над ним, но тоже только в тѣх случаях, когда знал, что это его не обидит. Но тот же Сергѣй Сергѣевич однажды сочувственно выслушал сорокаминутную рѣчь Сережи о международном положеніи. Случилось это так: Сергѣй Сергѣевич проходил мимо комнаты Сережи; из-за неплотно закрытой двери доносился громкій голос его сына:

— *Donc, je crois, messieurs, que nous sommes tous d'accord en ce qui concerne ce côté du problème. Mais pour être efficaces les mesures que nous envisageons...*

Сергѣй Сергѣевич постучал в дверь; наступило молчаніе и потом совсѣм другой, почти дѣтскій голос сказал:

— *Entrez...* Пожалуйста.

— Ты с кѣм это говоришь, Сережа? — спросил Сергѣй Сергѣевич, садясь на диван.

— Да так, глупости.

— Нѣтъ, а все таки?

— Видишь ли, — довърчиво сказал Сережа, — представь себѣ, что я подумал, как бы я, если бы я был министром иностранных дѣл, понимаешь, произносил бы рѣчь на очередной сессіи Лиги Націй.

— Ага. По какому поводу, собственно?

— Вообще, о международном положеніи.

— Хорошо, — сказал Сергѣй Сергѣевич. — Если ты можешь себѣ представить, что ты министр иностранных дѣл, то меня разсматривай, как благородное собраніе, что не болѣе неправдоподобно. Произноси рѣчь, а я буду оппонировать.

— Ты не шутишь?

— Нѣтъ, нѣтъ, серьезно.

— Ну, хорошо. Я продолжаю. На каком языкѣ?

— А ты министр какого государства, собственно?

— Об этом я как-то не думал, — откровенно сказал Сережа.

— Ну, хорошо, это не важно. Говори, скажем по-французски, а я тебѣ буду отвѣчать, как представитель форен-офиса, то-есть, тоже по-французски, но ты должен будешь извинить акцент. Ну, поѣхали.

— Tant que l'Allemagne — продолжал Сережа, — restera meurtrie, que les puissances européennes se désintéresseront complètement ou presque complètement de sa situation intérieure, nous ne pourrons aucunement compter sur elle comme sur un facteur de l'équilibre européen, ce même équilibre au rétablissement duquel nous avons sacrifié des millions de vies humaines et au nom duquel la plus atroce des guerres s'était déclenchée...

— Je me permets de rappeler à Monsieur le Président, — сказал Сергѣй Сергѣевич с честным англійским акцентом — que c'est bien l'aveugle et criminelle politique de l'Allemagne qui a provoqué la guerre.

— Messieurs, — громко сказал Сережа, — nous ne sommes pas ici pour analyser les causes de la guerre ni pour chercher le coupable. La vengeance de l'histoire, d'ailleurs, a été impitoyable. Mais je tiens à vous rappeler que nos efforts ne doivent pas être ménagés pour la construction de l'Europe nouvelle qui — je suis le premier à l'espérer — ne ressemblera nullement à celle qui s'est ensevelie sous les ruines fumantes, dans le sang et la souffrance.

И послѣ того, как Сергѣй Сергѣевич, всесторонне обсудив международное положеніе, ушел, Сережа улыбнулся

ему вслѣд и был очень рад, что нашел достойнаго собесѣдника.

Все это было так давно! Все теперь измѣнилось — и вмѣсто исторических и философских проблем, вмѣсто Сергѣя Сергѣевича, Ольги Александровны и той, прежней, Лизы, возникло нѣчто новое, бесконечно болѣе важное и отвѣтственное и чье существованіе невольнo и непоправимо заслонило весь этот дорогой и далекій теперь мір. Сережа видѣл это мгновенное удаленіе; казалось, что все это осталось на своих мѣстах, люди были тѣ же и то же пятно на полу его комнаты, образовавшееся от того, что его тогда на полу его комнаты, образовавшееся от того, что тогдашняя нянька, вышедшая на минуту, оставила на этом мѣстѣ электрической уют — и вернулась через полчаса, — тот же ровный, темный блеск перил его лѣстницы, тот же Нил, та же итальянка; но Сережа, тѣм не менѣе, вопреки очевидности, ощущал это так, точно эти люди и вещи, окружавшіе его теперь, принадлежали далекому прошлому, о котором он не мог не жалѣть, — и это сожалѣніе было одним из элементов его счастья, этого полета в неизвѣстные края, гдѣ Бог вѣсть что ожидает его. Но для того, чтобы понять это счастье, он должен был сопоставить его с тѣм, что было раньше, и только тогда, только так, увидѣть его необыкновенность. Тѣнь Лизы не оставляла его; даже когда ея не было, все было полно ея присутствіем и ожиданіем ея возвращенія, как воздух был полон отзвуками ея голоса, как музыка была полна ея интонаціями, как вода была полна ея дрожащим отраженіем, как в прикосновеніи морского вѣтра Сережа явственно ощущал приближеніе к своему лицу ея теперь всегда полуоткрытых губ. Это безпрестанное и напряженное ея присутствіе во всем, — от бессознательной усталости, послѣ которой Сережа засыпал крѣпчайшим сном каждую ночь, — стоило того, чтобы ради него пожертвовать всѣм, чѣм угодно. Это жадное счастье заключало в себѣ необходимость какой-то непремѣнной жер-

твы, нужно было поступиться чѣм-то очень важным и дорогим, чтобы заслужить его. И так как никаких измѣненій в жизни Сережи пока не происходило, то вмѣсто них возникло чувство потери того міра, в котором он жил до сих пор.

Но у Сережи было мало времени, чтобы думать обо всем этом; вѣрнѣе всего, эти мысли не успѣвали дойти до его сознанія, точно так же как вопрос о том, что все это должно кончиться каким-то самым важным, быть может, в жизни Сережи рѣшеніем. Он этого не мог не знать; но он не думал об этом. Он вспоминал о прошлом и чувствовал настоящее; что будет потом, этого нельзя было предвидѣть, хотя бы потому, что до сих пор ничего похожаго на свое теперешнее состояніе он не знал; и жизнь, которой он теперь жил, была ему совершенно вновь.

И единственным и неизмѣнно сильным напоминаніем о том, что предшествовало теперешнему періоду его жизни, было воспоминаніе о его матери, котораго не могла заслонить даже вездѣсущая тѣнь Лизы. Сережа очень любил Ольгу Александровну; и хотя он знал уже, что ея личная жизнь далеко не была безупречной, это знаніе оставалось само собой и никак не затрагивало его матери. Это была все та же вкусная и мягкая мама, со своей ласковой скороговоркой, со своими нѣжными руками, и та женщина, которой она была для других, чужих людей, нерѣдко покидавшая свой дом, мужа и сына, — эта женщина не имѣла никакого отношенія к мамѣ, хотя теоретически мама и она были одно и то же лицо. Он вспоминал ея трогательное похищеніе его из отцовскаго дома в Лондонѣ: Сережа мой миленькій, Сережа мой маленькій, Сережа мой бѣленькій, — вспомнилось вдруг ему. И когда он подумал послѣ этого, что Лиза — сестра его матери, им на секунду овладѣло отчаяніе, тревожный и далекій холодок внутри; что она скажет, когда узнает об этом?

Они лежали вдвоем на берегу небольшой песчаной

заводи. Высоко над ней шла аллея, проходящая мимо их дома, справа был ровный, почти вертикальный обрыв берега, слѣва их маленькая бухта. Был двѣнадцатый час дня, солнце стояло высоко. Сережа перекатился нѣсколько раз и, когда оказался совсѣм рядом с Лизой, сказал:

— Вот, Лиза, мы теперь вдвоем с тобой, нас никто не слышит, и я еще раз хочу тебѣ сказать: самая лучшая, самая замѣчательная.

— Самый глупый, самый сумасшедшій, в тон ему отвѣтила Лиза.

— Смотри, Лиза, как поразительно, — сказал он. — Самое главное, это вѣдь не слѣпое счастье. Смотри, вот там, в Парижѣ, напримѣр, десятки тысяч людей задыхаются, ненавидят, умирают; другія тысячи лежат на больничных койках, еще другіе старики, еще другіе за всю жизнь ни разу не знали, что такое любовь. И есть люди, которые никогда не видѣли моря. И есть вообще мір, который населен другими. И вот, наряду с этим, но внѣ этого, в таком безконечном и незаслуженном счастьѣ, я лежу здѣсь рядом с тобой, развѣ это не чудо?

Лиза погладила мокрые волосы Сережи.

— Ты часто молчишь, Лиза, почему?

— Это хорошее молчанье, Сережа, не огорчайся.

— Я не огорчаюсь. Но ты знаешь настолько больше меня, ты настолько умнѣе...

— Нѣт, Сереженька. Вѣдь мы знаем то, что было. То, что было, никогда не повторяется. А когда наступает новое, то ты и я одинаково беззащитны. Потом мы будем знать, как это было, и будем радоваться или жалѣть. Теперь мы ничего не знаем, Сереженька; мы чувствуем — это разные вещи.

— Нѣт, вѣдь я говорю об'ективно, Лиза, не потому что я тебя люблю. Ты всегда, всю жизнь была одинаковой, — такая же чистая, такая же безупречная и такая замѣчательная! Только ты и ничего внѣ тебя, — понимаешь? Вся жизнь, всѣ мысли, все, Лиза, все.

— Мой милый мальчик!

— Я всегда был эгоистом, Лиза, ты знаешь, но вот для тебя, мнѣ кажется, — нѣтъ ничего, чего бы я не сдѣлал. Ну вот, если бы мы остались вдвоем, одни, без денег, я бы работал для нас двоих, все, что угодно, хоть в шахтах, — и был бы попрежнему счастлив. Вообще, все. Я никогда не знал, что могут быть такія вещи. Знаешь, я теперь понимаю: рожденію міра предшествует любовь, и я понимаю почему это так.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Я только одного не понимаю: вот разные люди там любят друг друга, женятся, страдают и так далѣе. Это мнѣ кажется нелѣпым: как можно любить кого-нибудь кромѣ тебя, какую-нибудь другую женщину? Вѣдь ни одна из них ничего общаго с тобой не имѣет, и это опять таки, не мое личное мнѣніе, а просто реальность, которую я констатирую.

— Для тебя, Сереженька, для тебя.

— Хорошо, для меня. Но я же нормальный мужчина, как другіе.

Теперь улыбнулась Лиза.

— Ты не мужчина, Сереженька, ты мальчик еще.

— Я им был недавно, — сказал Сережа, покраснѣвъ, — но теперь я не мальчик, ты это отлично знаешь и видишь. Лиза, подожди, куда же ты?

Но Лиза уже встала и вошла в воду; потом она упала на спину и поплыла, сдѣлав Сережѣ прощальный жест рукой, Сережа бросился за ней, нырнул и вдруг его голова показалась из воды на уровнѣ ея плеч. Тогда она повернулась на грудь и стала уплывать, он плыл рядом с ней, на секунду останавливался, кричал своим звонким голосом: — не уйдешь, Лиза, никогда не удастся, никогда! — и в то время как кричал, отставал на два метра, а потом снова догонял ее, прыгая в водѣ и кувыркаясь, как дельфин.

Подплывая к берегу, они увидѣли Егоркина, который, в вылинявшем купальном костюмѣ, стоял по колѣни в мо-

рѣ и брызгал на себя водой: Сережа издали видѣлъ его худое тѣло с рѣзко выступающими ребрами и пучком сѣрых волос на груди, выбивавшихся из под трико.

— Здравствуйте, Леонид Семенович, как живете? Купаться пришли? — кричал Сережа.

— Здравствуйте, Елизавета Александровна. Здравствуй, Сережа, — сказал Егоркин, выпрямившись и поклонившись. — Хорошо купались?

— Спасибо, Леонид Семенович, — сказала Лиза болѣе привѣтливым голосом, чѣм обычно. — Развлеклись немного.

— А вот я никак не могу научиться, — сказал Егоркин, — боюсь воды все. Как подумаю, что под ногами дна нѣтъ, страх берет.

— Я вас научу, — сказал Сережа. — Прежде всего научите голову под водой держать.

— Господь с тобой, Сережа, как же я дышать буду?

— А вот смотрите. Вы набираете воздух, потом погружаете голову в воду и выпускаете воздух ноздрями в водѣ. Вот так.

Сережа погрузил голову в воду, стоя на колѣнях, и пузырьки воздуха с бульканіем поднимались на поверхность. Егоркин, наклонившись, внимательно смотрѣлъ.

— Нѣтъ, уж, если я так окунусь, меня потом откачивать будут, — сказал он.

— Да это же просто.

— Я не говорю, Сережа, что не просто. Умереть то вѣдь тоже не сложно.

— Ну хорошо, собирайтесь, Леонид Семенович, — сказал Сережа; Лиза уже сдѣлала нѣсколько шагов по направлению к дому. — Идемте к нам завтракать.

Сережа подождал, пока Егоркин одѣлся, и вдвоем они вошли на террасу. По дорогѣ, встрѣтив шефа, Сережа попросил его сказать матери, что будет завтракать еще один человѣкъ. Егоркин остался один на террасѣ, Сережа ушел

к себѣ одѣваться. Черезъ десять минут, они втроем сѣли за стол.

— Вот, странно все выходит, — сказал Егоркин. — Рос я почти что на Волгѣ, у меня в Саратовѣ тетка замужем за ветеринаром была. И вот, ходил я с ребятами на рѣку, всѣ плавали, а я так и не научился. И здѣсь живу столько лѣтъ и тоже никак. Не пловец я, ничего не подѣлаешь.

Лиза молчала. Сережа сказал:

— Так вы, значит, в Саратовѣ были? Вот я, Леонид Семенович, русскій, а Россіи не видал почти что. Так, как сквозь сон, Крым помню немного.

— Нѣтъ, я Волгу хорошо знаю, — сказал Егоркин. — Тетка у меня была милая женщина, только на руку чуть-чуть тяжела.

— В каком смыслѣ?

— Да смысл-то ясный, — сказал Егоркин, улыбаясь своей откровенной и простодушной улыбкой. — Нас, дѣтей, она никогда не трогала, а мужу вот попадало.

— За что?

— Да он, как это сказать, пил немного. Ну, она женщина все-таки нервная была, и вот, бывало, и стукнет его нѣсколько раз. Она его все попрекала: тоже, говорит, ветеринар, ты, говорит, до того допиваешься, что лошадь от коровы, говорит, не отличаешь во хмѣлю.

— А он часто пил?

— Нѣтъ, раз в мѣсяц на два дня запивал, — сказал Егоркин. — Тихій был человек, рыболов, все рыбу ловил. А рыбы в Волгѣ сколько угодно. Уж я на что не-спеціалист, и то однажды щуку в пятнадцать фунтов поймал.

Сережа засмѣялся. — Чему ты? — спросил Егоркин. — Вы не обижайтесь, — отвѣтил Сережа, продолжая смѣяться, — я просто сегодня в очень хорошем настроеніи. Вы сказали щука, так я вспомнил охотничьи и рыболовныя исторіи.

— Ничего не исторія, — сказал Егоркин, — хорошее дѣло исторія. Я едва жив из-за нея остался.

— Из-за шуки?

— Из-за шуки, конечно. Она, проклятая, так дергала, что я в воду упал, как был, одѣтый.

— Ну, и что-ж?

— Ну, а удочку не выпустил и схватился за дерево, над водой росло. Потом ребята пришли, помогли вылѣзть, и тут-то я ее вытянул.

— Пятнадцать фунтов, сколько это на кило?

— Почти что восемь кило выходит.

— А каких вы еще рыб ловили, Леонид Семенович?

— Разных, Сережа, только я мало ловил. Дядюшка мой, тот всю жизнь на этом провел, знал всякую рыбу и ея привычки, и мѣста, гдѣ она водится, и как лучше всего ее брать. Он дѣйствительно, был специалист.

— Терпѣніе адское нужно, я думаю, — сказал Сережа.

— Не терпѣніе, а характер. У нас считают, что рыболов, он как бы поврежденный немного челоуѣк. Он неопасный, конечно, немного поврежденный. Да по моему, лучше уж рыбу ловить, чѣм в кабакѣ сидѣть.

— Это несомнѣнно, Леонид Семенович, — сказала молчавшая до сих пор Лиза.

Егоркин смутился, как смущался почти всегда, когда Лиза вступала в разговор. Лиза была единственным челоуѣком из всѣх, кого он знал, чье присутствіе ему было почти тягостно, он всякій раз как-то терялся и начинал чувствовать себя неуютно, хотя со стороны он очень цѣнил ея ум и красоту, как он говорил. Она явно принадлежала к другому міру, в который ему не было доступа; и в той степени, в какой это различіе казалось ему незначительным и неважным, когда дѣло касалось Сергѣя Сергѣевича или Ольги Александровны или Сережи, в такой же степени это становилось ясно по отношенію к Лизѣ. Он не понимал, чѣм это об'яснялось, но это чувство его было неизмѣнно вот уж много лѣт. В ея присутствіи он вдруг вспоминал,

что не так, может быть, одѣт, как слѣдует; не то говорит, что нужно; не так сидит за столом и вообще не тот, каким он должен был бы быть, чтобы не чувствовать этого стѣсненія. С Сережей, напротив, он чувствовал себя легко и свободно. Чтобы переменить разговор, он стал вспоминать, как продал свои первыя картины Сергѣю Сергѣевичу.

— Вы помните, Елизавета Александровна, — сказал он, — это в тот год было, когда вы вдвоем с Сергѣем Сергѣевичем пріѣзжали к нам в первый раз сюда на лѣто. Тебѣ, Сережа, навѣрное лѣт семь было, не больше, я тебя только на слѣдующій год увидѣл. А Сергѣй Сергѣевич и Елизавета Александровна тогда вдвоем здѣсь полтора мѣсяца прожили.

Глаза Лизы расширились, она, повидимому, хотѣла что-то сказать, но промолчала.

— Я тогда еще думал, — продолжал Егоркин, — когда вас вдвоем увидѣл, — неужели русскіе? Потом, — шел сюда, когда вы гуляли, слышу, говорят не по-русски и не по-французски; думаю, значит, ошибся. А потом Сергѣй Сергѣевич вдруг сказал: „все это невѣжественныя выдумки” — по-русски. Я тогда обрадовался.

И Егоркин рассказал, как он впервые разговаривал с Сергѣем Сергѣевичем. Был пасмурный день, рѣдкій для этого времени года: Егоркин сидѣл на пустынной тропинкѣ, разложив ящик с красками и рисовал. Шаги, которые он слышал уже нѣсколько секунд, остановились за его спиной. Он обернулся и увидѣл того человѣка в бѣлом костюмѣ, который пріѣхал сюда нѣсколько дней тому назад с молодой женщиной в блестящем новом автомобилѣ и который говорил о невѣжественных выдумках.

— Море рисуете? — спросил по-русски Сергѣй Сергѣевич. — Как видите, — сказал Егоркин, размахисто повернувшись на самодѣльном табуретѣ, у котораго одна ножка была значительно короче других, отчего он был чрезвычайно неустойчив; и от рѣзкаго движенія Егоркин

упал на землю вмѣстѣ с табуретом. Сергѣй Сергѣевич, не удерживая смѣха, помог ему встать.

— Табуретку гдѣ заказывали? — сказал он улыбаясь, — с центром тяжести она не в ладах.

— Сам дѣлал, вот в чем секрет, — отвѣтил Егоркин.

— Вы из каких мѣст? — спросил без перехода Сергѣй Сергѣевич.

— Тамбовской губерніи, — отвѣтил Егоркин.

— Далеко заѣхали, — сказал Сергѣй Сергѣевич. — Вы, вообще, художник или так, любитель?

Егоркин об'яснил, что он художник, что здѣсь он одно время специализировался на иконах, на которыя у русских большой спрос, преимущественно на самага національнаго святого, Николая Чудотворца. Сергѣй Сергѣевич засмѣялся.

— Чему вы?

— Николай-то грек был, — сказал Сергѣй Сергѣевич. — Ну, ничего, продолжайте. Так, говорите, на божественные сюжеты спрос?

Егоркин рассказал, что иконы он рисовал по памяти, какими их в русских церквах видѣл. Затѣм он перешел на портретную живопись, которая, однако, не удовлетворяла ни его, ни заказчиков. Его, потому что ему не удавалось достичь нужнаго сходства, а заказчиков и, главное, заказчиц, потому что они неизмѣнно хотѣли быть гораздо красивѣе на портретѣ, чѣм в дѣйствительности. Особенное огорченіе Егоркину доставила одна бывшая знаменитая писательница, — как фамилія? — спросил Сергѣй Сергѣевич, Егоркин отвѣтил, — помню, — сказал Сергѣй Сергѣевич, — писала порнографическую дребедень, дальше?—которая сказала Егоркину, что она лично знала Рѣпина и Врубеля, что Егоркин с ними сравниться не может и что портрет ужасный и она ему ничего не заплатит, потому что он не так нарисовал. И показала ему фотографію, снятую двадцать лѣт тому назад, гдѣ она была довольно привлекательной сорокалѣтней дамой с вѣером в правой, сильно

изогнутой рукѣ, и сказала, что вот ея точный портрет, и просила убѣдиться Егоркина, что его произведение не имѣет ничего общаго с этой фотографіей, что дѣйствительно было очевидно. И когда Егоркин сказал, что фотографія была Бог вѣсть когда снята, она накричала на него и не заплатила денег; но портрет все же остался у нея. Егоркин не получил ни копѣйки, хотя затратил на работу много времени и усилій. Из его рассказов становилось ясно, что дѣла его вообще были катастрофически плохи, хотя Егоркину и в голову не приходило жаловаться на это, — это было его естественное состояніе. Сергѣй Сергѣевич в концѣ разговора сказал Егоркину, что сам он любитель оригинальной живописи и что с удовольствіем пріобрѣлъ бы нѣсколько картин, если есть продажныя. — Помилуйте, — внѣ себя от радости сказал Егоркин, — да все, что хотите! На слѣдующій день он принес Сергѣю Сергѣевичу пять картин, которыя тот тотчас же пріобрѣлъ за очень незначительную сумму. Но потом, понизив голос, он сказал художнику, что надо просить всегда дороже, что люди, обычно покупающіе картины, чаще всего ничего не понимают, а судят по цѣнѣ: если дорого, стало быть хорошо. Впослѣдствіи, однако, этот принцип Егоркин примѣнял с успѣхом только по отношенію к Сергѣю Сергѣевичу, на остальных цѣны производили устрашающее дѣйствіе; да еще однажды молодой студент одного из калифорнійских университетов, выигравшій крупную сумму в Монте - Карло и почти не протрезвлявшійся трое суток, на второй день этого безпримѣрнаго пьянства купил у Егоркина, не торгуясь, почти всѣ его картины, послѣ чего Егоркин с'ѣздил в Париж и остановился в гостиницѣ, гдѣ его обокрали; он все же успѣлъ повидать Лувр и только не знал, как ему возвращаться на юг, но потом сообразил, — разыскал Сергѣя Сергѣевича и тот снабдил его деньгами на путешествіе. Вторая половина его временнаго состоянія хранилась у Егоркина на югѣ, и, пріѣхав туда, он прожил ее за два года: он был скромным и нетребовательным че-

ловѣком, котораго никак нельзя было назвать расточительным, но, подобно многим безкорыстным людям, обращаться с деньгами не умѣл.

Завтрак давно кончился, а Егоркин все рассказывал. Сережа слушал его с интересом, но Лиза скоро ушла и через полчаса явилась, переодѣвшись в городской костюм. Сережа с удивленіем на нее посмотрѣл.

— Ты забыл, что нам нужно в Ниццу, — сказала она.

— Как, ты собираешься в Ниццу? Мнѣ казалось, что мы никуда не ѣдем.

— Это доказывает, что у тебя плохая память. Иди одѣваться, Леонид Семенович нас извинит, я надѣюсь.

— Помилуйте Елизавета Александровна, помилуйте... Всего хорошаго, я и так засидѣлся.

Когда Сережа спускался вниз, шеф отозвал его в сторону и попросил разрѣшенія поѣхать с ним до Ниццы.

— Конечно, — сказал Сережа. — У тебя дѣла в Ниццѣ?

— У меня свиданіе, — сказал шеф, — ты меня должен хорошо понимать.

— Почему именно я? — спросил Сережа, покраснѣв.

— Потому что если ты меня считаешь слѣпым, то ты ошибаешься, — сказал шеф.

— Хорошо, ты ѣдешь с нами, — крикнул Сережа, направляясь к гаражу.

Они довели шефа до Ниццы, гдѣ он слѣз; они поѣхали дальше. Когда Сережа спросил Лизу, зачѣм она хотѣла ѣхать в Ниццу, Лиза отвѣтила, что в Ниццу она дѣйствительно не собиралась, что придумала это путешествіе, чтобы избавиться от безконечнаго Егоркина.

— Почему ты его не любишь? Он хорошій человек, очень простой.

— Да, уж простоты хоть отбавляй, конечно. Но он меня раздражает.

— Он такой смѣшной, такой простодушный и очень добрый, — сказал Сережа. — Я помню, как он приходил со мной играть, приносил мнѣ конфеты, а вѣдь денег у него

никогда не было. Он, может быть, не обѣдал, чтобы купить мнѣ что-нибудь, это очень для него характерно.

— Я этого не отрицаю. Я только не нахожу его общество интересным. Всѣ эти глупѣйшіе рассказы о Волгѣ, о щукѣ, о теткѣ, которая была замужем за ветеринаром, от всего этого челюсти сводит.

— Лиза, мнѣ надо с тобой поговорить, — сказал Сережа. Губы Лизы дрогнули, но Сережа не замѣтил этого.

— Я слушаю.

— Лиза, у меня есть основаніе думать, ты знаешь... Как это тебѣ сказать?

— Nous y voilà, je crois. Говори, мой мальчик.

— Понимаешь, я думаю, что наши отношенія...

— Вот чего я больше всего боялась, — сказала она со вздохом. Лицо ея сдѣлалось блѣдным, она с трудом дышала. Невольная ея тревога передалась Сережѣ.

— Лиза, как все это будет?

— Не знаю, Сереженька. Знаю только, и не хочу от тебя скрывать, что самое страшное впереди. Чорт возьми! — вдруг сказала она, поднимая голову, — я тоже имѣю право на мою собственную жизнь и не хочу об этом думать. Не будем говорить, Сережа, об этом. Поцѣлуй меня.

Сережа прижал ея голову к плечу и поцѣловал ее.

— Будем осторожнѣе немного, вот и все. А когда придет время за все отвѣтить, — я отвѣчу за все. Не думай об этом.

— Хорошо, Лиза.

Но поздно ночью, когда Сережа заснул, Лиза не могла спать, и, не переставая, думала обо всем том, о чем условилась не думать, о чем запретила думать Сережѣ. Собственно, начало этих размышленій было вызвано, как в прошлый раз, неловким поведеніем Егоркина, который поминутно упоминал Сергѣя Сергѣевича в своем разговорѣ, не подозрѣвая в какой степени это мучительно для Лизы. Лиза отдавала себѣ отчет в том, что она дѣйствительно и сильно любит Сережу. Ей казалось, даже, что это ея чув-

ство непохоже на другія, предшествовавшія ему. Она не могла не быть увлечена такой полной любовью Сережи, для котораго все существовало только через нее и, дѣйствительно, ничего не было внѣ ея. Вмѣстѣ с тѣм, она спрашивала себя, способна ли она на такое полное перерожденіе, такой полный отказ от прошлаго. В данный момент в этом не возникало сомнѣній, но что будет через пять лѣтъ, через десять лѣтъ?

Она до сих пор не знала такой всеобъемлющей, такой счастливой любви, — все всегда было временно, случайно, ненадолго, все, за исключеніем ея долготѣтней связи с Сергѣем Сергѣевичем, который, в концѣ концов, был, дѣйствительно, не человѣком, а именно машиной; и она подчас начинала его ненавидѣть за то, что в нем идеально отсутствовала непосредственность, все было обдуманно, не было ничего неожиданнаго, — всѣ эти фразы, насмѣшливые отвѣты, насмѣшливыя размышленія. — Машина, машина, — говорила она. Даже физически — каждый мускул дѣлал именно то, что полагалось, с точным и как будто рассчитанным напряженіем. Он ни разу за все время не сдѣлал ей больно, ни разу не сказал того, что могло бы ее по настоящему обидѣть, хотя несомнѣнно, при желаніи, нашел бы нужныя для этого слова; и вот это джентльменство без усилій всегда раздражало. *Il n'a pas de mérite*, — говорила она себѣ. — *il n'a rien à vaincre*. Как громадное большинство женщин, Лиза мечтала всю жизнь об исключительной любви, это было почти безсознательное желаніе: испытать чувство, в котором можно раствориться, почти что исчезнуть, почти что умереть и забыть себя; но для этого был нужен какой-то могучій толчек, мягкій вихрь, непреодолимое движеніе, невозможность жить иначе. Тогда она стала бы женственной, исчезла бы ея рѣзкость, ея любовь к самостоятельности, ослабѣли бы и стали нѣжными ея не-женскіе мускулы, вообще было бы полнѣйшее и счастливое перерожденіе, и та, прежняя Лиза, с ея постоянным сдержанным раздраженіем — оттого, что

это все не приходит, а время идет,—с ея неудачными и случайными романами, в каждом из которых она чувствовала свое превосходство над мужчиной, с этой постоянной душевной оскоминой от Сергѣя Сергѣевича, — эта Лиза перестала бы существовать и возникла бы другая, непохожая на эту, и безконечно болѣе счастливая.

И вот теперь это произошло. Лиза знала уже давно о чувствах Сережи, она была слишком женщиной, чтобы не понимать того, в чем он сам, конечно, не отдавал себѣ отчета. И оттого, что Сережа тянулся к ней, она сначала испытывала только сладкую тревогу; но наступил момент, когда она не могла сопротивляться собственному желанію, — на второй вечер, послѣ их прїѣзда сюда. Когда она поцѣловала Сережу, и он потерял сознание, она знала уже, что теперь начинается самая замѣчательная, самая важная часть ея жизни. Помимо того, что она любила Сережу внѣ каких бы то ни было соображеній о том, подходит он ей или не подходит, она не могла остаться равнодушной к его романтическому и наивному обожанію, к его совершенной неповторимости, к его душевной незащитности. Далеко за этими чувствами, совсѣм в тишинѣ и глубинѣ был еще темный и соблазнительный привкус чего-то запретнаго. Это не было внѣшнее, очевидное соображеніе о том, что роман тетки с племянником сам по себѣ этически недопустим. Нѣтъ, это было нѣчто неопредѣлимое, но почти физическое, нѣчто вродѣ ощущенія несравненной терпкости этой любви. Никакія нравственныя личныя соображенія не волновали Лизу, — и по одному этому она поняла, что Сережу она дѣйствительно любит. Она думала о том, что будет впослѣдствіи, и больше всего боялась его потерять. Несмотря на всю свою власть над ним, она не могла бы сказать, как поступит Сережа, если узнает, что Лиза уже много лѣтъ любовница Сергѣя Сергѣевича. Кромѣ того, она боялась также реакціи Сергѣя Сергѣевича, которому она все-таки, в данном случаѣ, не довѣряла. Ну, хорошо, она об'яснит ему, что это ея счастье, ея жизнь, что без этого

она умрет, что ни при каких обстоятельствах она не разстанется с Сережей. На Сергѣя Сергѣевича это не подѣйствует, он может сказать, что во всяком другом случаѣ он был бы рад за нее, но теперь... С другой стороны, скрыть от него связь с Сережей невозможно, — она еще была бы способна на это, но Сережа настолько прозрачен, что вот уж теперь об этом знают окружающіе. Что дѣлать? Уѣхать с ним? Но вѣдь это значит исковеркать всю его жизнь, он должен осенью начать учиться в Лондонѣ, он еще мальчик. Уѣхать — и на какія средства жить? Давать уроки языков — и потом через десять лѣтъ, с померкшими глазами, с плохо покрашенной сѣдиной в волосах, понять, что из-за этой пожилой женщины Сережа загубил свою жизнь? Да, конечно, Сергѣй Сергѣевич предложит присылать деньги, но вѣдь на это не согласится Сережа. Она почувствовала прилив ненависти к Сергѣю Сергѣевичу. Этот человек знал, что дѣлал: все-таки, что бы ни говорили, всѣ они зависѣли от него, — ни у Лизы, ни у Ольги Александровны собственных денег не было, и хотя Сергѣй Сергѣевич никогда им ни в чем не отказывал, но за деньгами все же нужно было обращаться к нему.

Лиза боялась Сергѣя Сергѣевича. Она, даже она, не знала, в концѣ концов, что скрывается за его официальной и всегдашней снисходительностью. Он мог сдѣлать много зла, у него были большія возможности. Он никогда, ни разу в жизни не воспользовался ими по отношенію к Ольгѣ Александровнѣ или Лизѣ. Но он ревниво сохранял их всегда и, удерживая их всю жизнь, он в любую минуту мог пустить их в ход; эта угроза, к которой он не прибѣгал, — он засмѣялся бы, если бы ему об этом сказали, — была в его руках, и, так или иначе, он ее не выпускал. Лиза знала, что его доброта происходила скорѣе от равнодушія, чѣм от чего-либо другого; он не испытывал никогда сильных страстей. Но она прекрасно понимала, что Сергѣй Сергѣевич — если предположить, что в нем вдруг вспыхнет ненависть, — будет ей болѣе страшен, чѣм кто бы то ни было.

И какая глупая мысль — назвать сына своим собственным именем! А вмѣстѣ с тѣм в этом втором имени—Сереза,— казалось бы точно похожем на первое, звучали тѣ интонаціи, которыя невозможно было даже предположить; казалось невѣроятным, что в этом же самом словѣ сначала — только гулкая пустота и ожиданіе, а потом, во втором, настоящем... Что во втором? ручей, зеленая трава, далекій серебряный колокольчик, легкій вѣтер над поверхностью мягкаго моря — самая лучшая, самая чистая любовь. Над чѣм это смѣялся Сергѣй Сергѣевич — как всегда? груз прошлаго? С необыкновенной ясностью Лиза вдруг увидѣла далеко сверкающій на солнцѣ Крым, Симеиз, красный грунт тенниснаго корта, свое бѣлое платье на голом тѣлѣ, бѣлый костюм Сергѣя Сергѣевича и его насмѣшливые глаза, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не мутнѣли, а оставались ясными, не перестающими понимать происходящее, — и это же ей, в припадкѣ откровенности, однажды сказала Леля, ея сестра, как будто бы она сама этого не знала. — Ты всегда все видишь, все понимаешь? — спрашивала его Ольга Александровна. — Всегда, Леля, но с неизмѣнной доброжелательностью, — отвѣчал он. — Ты всегда все видишь, всегда все понимаешь? — спрашивала Лиза. — Я вижу твои глаза, вѣдь это значит видѣть все, — говорил Сергѣй Сергѣевич. И потом, через нѣсколько дней, держа Серезу, которому тогда было два года с небольшим, Лиза сказала: неужели и он таким будет? и быстрые глаза ребенка внимательно посмотрѣли на тетку, и маленькая, пухлая рука схватила ее за щеку.

— Очень надѣюсь, — сказал Сергѣй Сергѣевич, — посмотри, какой он хорошій. Сереза начал прыгать на руках у тетки.

Это было почти пятнадцать лѣтъ тому назад. Груз прошлаго? Да, потом берлинскій музыкант, цвѣты на концертѣ, ночь в гостиницѣ и рѣшившій все разговор, что он создан для искусства, и что он не может связать свою жизнь, которая... Только позже он узнал, что Лиза была *belle-sœur*.

Сергѣя Сергѣевича, что он упустил, быть может, большія деньги, и стал писать письма, на которыя она никогда не отвѣчала, потому что ей было противно. Затѣм швейцарскій студент, такой замѣчательный лыжник, такой прекрасный атлет и такой удивительно плохой любовник, сознававшій это и оттого очень робкій, — Лизѣ было всегда жаль его. Потом англичанин, морской офицер, погибшій во время пожара на коммерческом пароходѣ, он ѣхал на нем в качествѣ простаго пассажира, возвращался из Индіи в Европу, гдѣ его ждала Лиза, проведенная мучительную недѣлю в лондонской гостиницѣ, в первом этажѣ, мимо окна котораго однажды прошел ничего не знавшій Сергѣй Сергѣевич, прѣхавшій в Англію на два дня и шедшій рядом с бывшим британским послом в Константинополь, любителем ходьбы, — Сергѣй Сергѣевич знал его еще по Турціи. Лиза быстро отошла тогда от окна. Это была еще одна оборвавшаяся тогда жизнь; был сентябрь мѣсяц, отвратительная погода, дождь и холод, — и затѣм она вернулась в Париж, в дом Сергѣя Сергѣевича, который ей сразу показался осиротѣвшим, хотя Роберт — его звали Роберт — не только никогда не был в нем, но даже не знал о его существованіи. А в домѣ все было попрежнему, та же вѣчно влюбленная в очередного поклонника Ольга, звонившая по телефону, уѣзжавшая, посылавшая телеграммы в страницу, то же милое лицо Сережи с такими чистыми и хорошими глазами — ему было тогда двѣнадцать лѣтъ, он читал „Машину времени“ Уэлса, — и та же душевная оскомина, она не могла найти другого выраженія, от присутствія Сергѣя Сергѣевича. Сколько раз за все это время она пыталась его полюбить по настоящему, — и никогда это не получалось: он был слишком хорош, слишком все понимал, слишком добр, слишком благожелателен, слишком насмѣшлив, всегда рѣшительно. И то непосредственное, почти дѣтское, смѣсь материнскаго и ребяческаго, что всегда было в Лизѣ, — не могло проявиться; по отношенію к нему это казалось всегда неумѣстно, и, чтобы защищаться от этого,

Лиза дѣлала вид, что она тоже насмѣшлива, как он, что она тоже ничего не принимает в своих отношеніях с ним всерьез, что она так же олимпійски безразлична ко всему. Не желая, быть может, этого, он много лѣтъ медленно и безжалостно деформировал ея жизнь и заставлял ее всегда играть одну и ту же комедію, всегда притворяться, всегда бессознательно лгать. Все существованіе этого человѣка было построено на лжи. Ложь — его доброта, ложь его великодушіе, ложь его любовь, одно только не ложь — его насмѣшка. Но вѣдь нельзя построить жизнь и уже совершенно невозможно построить любовь на этом одном отрицательном качествѣ. И вмѣстѣ с тѣм, если бы в его жилах текла кровь, обыкновенная человѣческая кровь, а не тот идеально приготовленный физиологическій раствор, который наполнял его крѣпкое и гибкое тѣло, не знавшее усталости, — он был бы человѣком, о котором можно только мечтать. Но вот этого ему хватало. Это нельзя было понять, — можно было только почувствовать, и только будучи женщиной и только будучи его любовницей. Это знали сестры — Ольга и Лиза. Ольга, впрочем, может быть забыла это, она слишком давно не имѣла никакого отношенія к мужу. Лиза знала, однако, что ее, Лизу, Сергѣй Сергѣевич дѣйствительно любил. *Seulement ce n'est jamais grand chose* — этот непонятно, нищенски-малый максимум того душевнаго богатства, которое ему отпустила природа. И это опять — таки заключало в себѣ загадку: Лиза была увѣрена, что для нея Сергѣй Сергѣевич сдѣлал бы все, что мог, а мог он очень много, — почему же это ее оставляло равнодушной? Потому, что все, дававшееся другим трудом и жертвами, ему давалось легко и без усилій? Лиза была увѣрена, что Сергѣй Сергѣевич ей не измѣнял, — но и в этом не было заслуги ему не нужно было бороться с соблазном, у него его не было. Он об'яснял это ей, он говорил, что это результат длительной спортивной культуры, рационально функционирующій организм, — да, пожалуй, как у швейцарскаго студен-

та; но все же Сергѣй Сергѣевича никак нельзя было сравнить с ним, у того был недостаток физическій, у Сергѣя Сергѣевича — душевный. Так же он воспитывал Сережу, который, если бы его предоставить самому себѣ, никогда бы спортом не заинтересовался; но уже в пятилѣтнем возрастѣ, Сергѣй Сергѣевич его бросал в воду на глубоком мѣстѣ, Лиза кричала ему — ты с ума сошел! — и собиралась броситься за ним, но спокойная рука Сергѣя Сергѣевича ее удерживала: ничего, Лизочка, так нужно—утонуть я ему не дам, можешь быть спокойна, — и, дѣйствительно, Сережа барахтался и держался на водѣ. Но как можно было смотрѣть спокойно в его жалобные, дѣтскіе глаза, наполненные слезами? Тогда ей начинало казаться, что Сергѣй Сергѣевич вообще лишен человѣческих чувств; и, задумываясь над этим, она представляла себѣ, что он, как герой фантастическаго романа, плод невѣроятной и жестокой фантазіи, существо с быстрым и необыкновенно развитым разумом, мгновенно понимавшим то, постиженіе чего другим давалось слезами и страданіем, — ему ничего этого не нужно было. Он понимал, наприимѣр, что Егоркина нужно жалѣть и над ним не слѣдует смѣяться, Лиза это допускала теоретически, но между теоретическим понятіем и чувством у нея была вся ея жизнь, через которую она не могла пройти, а у Сергѣя Сергѣевича, вмѣсто этого, было сверкающее пустое пространство, в котором не было ни одного призрака. И во всем это было так. Вспоминая Сергѣя Сергѣевича за всѣ годы, Лиза с удивленіем подумала, что, кажется, никогда он не выразил своего волненія, тревоги или радости, — что бы ни случилось. Очень давно, когда кончилась гражданская война и Сергѣй Сергѣевич послѣ своих драматических, казалось бы, приключеній и полного крушенія того міра, в котором, собственно, прошла его жизнь, пріѣхал в Лондон, гдѣ давно уже была его семья, он явился с новенькими чемоданами, в прекрасном, только что выглаженном костюмѣ, чисто выбритый и смѣющийся — веселые синіе глаза, ослѣпительно бѣлый ворот-

ничек, — так, точно он ѣздил куда-нибудь по близости по дѣлам; и когда зашла рѣчь о Россіи, и Ольга Александровна говорила: Боже, какой ужас, Сережа! — он сказал, Лиза очень хорошо запомнила эту фразу: да, да, так жаль этих бѣдных, милых генералов. Послѣ покушенія на него в Афинах, когда полиція задержала стрѣлявшаго — и промахнувшася, буквально в двух шагах, — Сергѣй Сергѣевич рассказывал потом Лизѣ — знаешь, так пріятно было видѣть среди всѣх этих разбойничьих и смуглых греческих фізіономій такое милое, русское лицо — нос картошкой, глаза этакого отчаяннаго дурачка, ну, просто, одно удовольствіе. — Мимо! мимо! — говорила Ольга Александровна Лизѣ, — развѣ ты не видишь, Лизочка, что он всегда и говорит, и идет мимо жизни, как насмѣшливый лунатик, который все понимает? И связать свое существованіе с этим человѣком, все — жажду настоящей любви, глаза, которые хотѣли бы раствориться в чем-то втором и единственном взорѣ, сильное и гибкое тѣло, руки с длинными пальцами и розовыми ногтями, все — в жертву этой машинѣ?.. И вот теперь, когда эта Лиза, созданная для блистательной и несравненной любви, наконец, нашла то, без чего уже невозможно дальше существовать, теперь — точно она хочет идти к Сережѣ и вдруг у двери видит знакомый широкій силуэт и металлическая, неживая рука, поперек пролета двери, загораживает ей дорогу. А сколько раз Лиза была остановлена в своем увлеченіи Сергѣем Сергѣевичем, в лучших своих чувствах, в лучшія минуты — как тогда, напримѣр, когда она цитировала ему тѣ свои любимыя строки, лежа рядом с ним и глядя в его глаза: — Ты помнишь это, Сережа?

Мы два коня, чьи держит удила
Одна рука, одна язвит их шпора,
Два ока мы единственнаго взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

— Как это замѣчательно, Сережа! — Да, очень. — И

только? — Есть досадная неточность; правда, в поэзии... — Ну, Сережа...—Нѣтъ, вѣрно, Лизочка: как же—два коня и одна шпора? Одну шпору носят только ѣздовые в артиллерии. И потом удила — это же не поводья, Лизочка. Удила это во рту у лошади, а не в руках всадника, хотя бы и с одной шпорой. Почему такая скупость в экипировкѣ, — вмѣсто четырех шпор всего одна? Но зато двѣ послѣднія строчки — гениальны.

Он не любил ничего замѣчательнаго, ничего героическаго, ничего достигающаго вершин человѣческаго вдохновенія. Во всем он находил что-нибудь смѣшное и тогда мог это разсматривать свысока, — что это такое? Защитный рефлекс? — как он сказал бы, может быть, сам — или жестокость? Первое, что он произносил, говоря о ком-нибудь, было: — какой очаровательный человѣкъ! какая очаровательная женщина! И потом он прибавлял еще нѣсколько слов — о самом досадном недостаткѣ этого человѣка или этой женщины и выходило, что первый оказывался мерзавцем, а вторая дурой. — Но они все-таки милѣйшіе люди. Милые, очаровательные — это были любимыя его слова, — а вмѣстѣ с тѣм ничье очарованіе на него не дѣйствовало: горох об стѣну. Ради чего жил этот человѣкъ? Жил — и душил своей жизнью других. — Никогда, ни за что! опять в эти неживыя об'ятія! — думала она. — Никогда, ни за что! Он исковеркал жизнь Ольги, он почти исковеркал ее, Лизу, он еще не успѣл погубить Сережу, — и этого ему не удастся сдѣлать. Но он не должен ничего знать, иначе, эта машина придет в дѣйствіе и ее нельзя будет остановить.

А вмѣстѣ с тѣм, если бы вдохнуть в него жизнь, какой это был бы замѣчательный человѣкъ! Но об этом ей было неприятно думать. — Что же мы будем дѣлать, Сереженька? — сказала она шопотом, наклонившись над Сережей. Глаза его были закрыты, он ровно дышал во снѣ, у него было совсѣм дѣтское лицо. Лиза вспомнила, как они вдво-

ем с сестрой уходили на цыпочках из дѣтской, послѣ того, как мальчик засыпал, и Леля шептала:

— Спи, моя любовь, спи, мой котик, спи мой бѣленькій.

И потом появлялся Сергѣй Сергѣевич, который говорил:

— Ну, как, дѣвочки, ѣдем мы в цирк, или не ѣдем? Представь себѣ, Лиза, там выступает знаменитый итальянскій жонглер Курачинелло, и жонглируя пылающими факелами, наизусть цитирует монолог Раскольниковова, потом монолог Свидригайлова. Хочешь посмотрѣть и послушать?

И вот теперь, вмѣсто этого неправильнаго, ненастоящаго существованія, — такая замѣчательная жизнь с Сережей. Ей иногда хотѣлось кричать полным голосом, драться, возиться, бѣгать, — и она, обычно медлительная Лиза, стала непохожа на себя. Когда они однажды засидѣлись в лѣсу и нужно было торопиться к обѣду, и до дому оставалось еще два километра — по красноватой вьющейся аллеѣ, все время вниз, — они пробѣжали их вдвоем с Сережей, и ей показалось, что ей опять восемнадцать лѣтъ, и вновь, как тогда, жадно и быстро в лицо бьют лѣтніе запахи горячей земли, раскаленных сосен, и дорога послушно убѣгает из-под ног. И рядом с ней, задерживая постоянный, стремительный разгон, бѣжал Сережа, подхватывая ее, под руку на поворотах: потом длинные прыжки с небольших уступов, мгновенные полеты в остановившемся воздухѣ и запах собственнаго тѣла, свѣжо и сильно разгоряченнаго бѣгом. Ей нравилось все: и постоянная застѣнчивость, и неловкость Сережи, и неумѣлые его поцѣлуи, и то, как он беспомощно путался в ея платьѣ, а она не могла удержаться от смѣха, всячески мѣшая ему, хватая его за руки, — и во влажной ея улыбкѣ блестѣли ея зубы. Какая глупость — жить столько лѣтъ и не знать ничего об этом! Вдвоем они мечтали вслух о том, как они жили бы на островѣ, в лѣсу, на берегу зеленой лагуны с прозрачной водой и песчаным дном, как спали бы в пещерѣ, как укрывались

бы там во время тропического ливня. Большую часть дня они проводили обычно внѣ дома — в морѣ или, послѣ обѣда, в Ниццѣ, в Вильфранш, вечером снова уходили гулять и, когда возвращались, все в домѣ спало уже глубоким сном. И только однажды они провели сутки, не выходя даже на террасу, — утром того дня Лиза проснулась от ощущенія холода, подошла к окну, чтобы притворить его и, вставая с кровати, услышала сильный шум дождя. Она приподняла деревянную штору; непрерывно обрушивающаяся водяная стѣна струилась и падала перед ея глазами; шел сильнѣйшій дождь. Все пространство, которое она видѣла перед собой, было полно брызг и водяного тумана, мягко и грозно шумѣл вѣтер, с мокрым и звучным шуршаніем непрерывно сыпалась галька на берегу; сквозь разнообразныя шумы слышалось быстрое и одновременное журчаніе нѣскольких ручьев, все было, всхлипываніе, влажный треск и чмоканіе размягченной земли, и, прорѣзывая тяжелый и сырой воздух, гдѣ-то неподалеку кричал пѣтух. Лиза не могла отойти от окна. Впервые, быть может, в жизни время исчезло из ея представленія; давно, в страшной пропасти исчезнувших тысячелѣтій, неоднократно было то же: тот же неистовый дождевой вихрь, тѣ же звуки, шум огромной земли и рѣзкій крик пѣтуха — и если бы представить себѣ мифическаго титана, который заснул под шум этого дождя крѣпким сном и проснулся из каменнаго вѣка в христіанской эрѣ, — все было бы то же: водяная стѣна, влажный туман, рѣзкій крик птицы в сырой, наполненной брызгами мглѣ. Сережа проснулся, — как бы крѣпко он ни спал, он всегда, через нѣкоторое время, ощущал ея уход, — поднялся и стал рядом с ней. — Посмотри, мой мальчик, — сказала она, положив руку на его голое плечо. Они стояли оба, дрожа от утренняго холода, и оба, не отрываясь, смотрѣли перед собой.

— Знаешь, Лиза, что мнѣ это напоминает?

— Что, Сереженька?

— Сотвореніе міра. Вот такой же космическій хаос и

там, чуть - чуть выше, огромная тѣнь Саваофа, над этим клубящимся и дымным міром. Ты представляешь себѣ это? А вокруг него, конечно, дождя нѣт и сухо, он в такой колоссальной водяной дырѣ, — ты понимаешь? Посмотри, Лиза, может быть он там? Вот ты всматриваешься, и тебѣ кажется, что далеко в воздухѣ стелется линія гор, — а это не горы, Лизочка, это его неподвижная каменная рука.

— Там, направо, наверху, Сережа?

— Да, Лиза, приблизительно там.

— А я думаю другое, Сережа.

— Что именно?

— Я о времени. Как ты это говоришь — тяжелый полет?

— Да, если хочешь.

— Так вот, ты чувствуешь в эту минуту, что времени нѣт? Ты понимаешь, как нелѣпо, — Егоркин, шеф, Париж, Лондон, — вѣдь этого ничего не существует сейчас, а есть мы с тобой, небо, земля, волны на морѣ и дождь. И вот то, что нам холодно, и то, что я тебя люблю. Давай кричать вмѣстѣ: времени нѣт!

Они прокричали это, их голоса тонули в шумѣ дождя. Затѣм Лиза сказала:

— Надо еще спать, мой мальчик, иди ложись.

И он поднял привычным движеніем ея тѣло на руки, и, как всякій раз, она говорила, — ты с ума сошел, ты уронишь меня, я вѣшу почти шестьдесят кило, ты с ума сошел, ты слышишь — но крѣпко держалась руками за его шею и не отпускала его.

Цѣлый огромный мір, в котором до сих пор проходила ея жизнь, смѣстился и исчез. Лиза вспоминала теперь о нем, но от него остались только самыя элементарныя представленія: холод, тоска, пустота и то, что как будто бы всѣ звуки потонули в нем, не получая отклика: этот мір был почти безмолвен и безжизнен, и никакое могучее дыханіе

не оживляло его. В нем так же, казалось бы, звучала музыка, лились рѣки, скрипѣл снѣг, плескалось море, но все это было как на давно примелькавшейся картинѣ, в нѣмом размахѣ чьего-то беззвучнаго и угасающаго вдохновенія. Она иногда начинала думать — в тѣ, далекія времена, — что это об'яснялось, помимо всего, отсутствіем неисполнимых желаній матеріальнаго и географическаго порядка: она была дѣйствительно, совершенно свободна, могла дѣлать, что хотѣла, ѣхать куда хотѣла, одѣваться как хотѣла, — для этого рядом был Сергѣй Сергѣевич, с неизмѣнной охотой удовлетворявшій ея желанія. Ей ничего не хотѣлось тогда; конечно, заход солнца над женевским озером был красивѣе, чѣм разсвѣт в Парижѣ, конечно, на итальянских озерах было лучше, чѣм в Лондонѣ, но это были несущественныя подробности, которыя не могли измѣнить главное. А главнаго не было, и не могло быть.

Теперь она все видѣла по иному, так, точно у нея были другіе глаза, сохранившіе прежніе размѣры, прежній цвѣт, прежнюю точность перспективы, — но в тѣх же пейзажах, на которые она смотрѣла теперь, все расцвѣло и измѣнилось: над головой развернулось гигантское и далекое небо, заблестѣла вода, черно-бѣлыя скалы, которыми кончался правый берег *Сар-Феррат*, точно впервые возникли над морем в их двухцвѣтной хаотической красотѣ. И над этим всѣм, в буйном и почти утомительном соединеніи разных красок, из многоцвѣтной тишины все время звучала далекая музыка, лишенная мелодической стройности, — вѣтер в деревьях, всхлипываніе воды в бухтѣ, крик цикад, гул волн, бьющих в узкіе и длинные проходы между скалами, — но живая, ни на секунду не прекращающаяся и невыразимо прекрасная. Ея зрѣніе стало острѣе и внимательнѣе, она впитывала в себя все, что видѣла, и все замѣчала — и шаркающую походку стараго итальянца, который шел к своему огороду, и мускульное усиліе человѣка, который крѣпил парус под легким вѣтром на довольно большом разстояніи от берега, и небрежно гибкій прыжок обезьяны,

жившей на длинной цѣпи, в одном из ближайших садов, и непостижимо быстрый полет ласточки, взмывавшей непосредственно от поверхности земли к колокольнѣ мѣстной церкви, и стремительное движеніе уплывавшей из под нея рыбы, и медленное раскачиваніе подводных водорослей, и плавный размах смуглаго тѣла Сережи в водѣ, когда он, с разбѣгу отдѣлившись от дамбы, бросался в море. Ей казалось, что ея состояніе было похоже на чувства чловѣка, который был тяжело болен, не мог двигаться, долго лежал и не надѣялся, что когда - нибудь встанет, но потом поднялся и ощущал, как вновь наливается его тѣло, пальцы обрѣтают волшебную, давно утраченную гибкость, и все начинает жить и неудержимо двигаться вокруг него. Та же разница была и в других ея ощущеніях — от перваго, нѣжнаго прикосновенія Сережи у нея начинала чуть - чуть кружиться голова, и глаза ея сразу мутнѣли, эта вторая и единственно настоящая жизнь началась с того вечера, когда она впервые поцѣловала Сережу.

Несмотря на то, что она обычно всегда поступала в своей жизни расчетливо — в том смыслѣ, что старалась учитывать всѣ послѣдствія того или иного своего поступка и заранѣе принимала мѣры, которыя должны были устранить могущія возникнуть препятствія или соображенія, — на этот раз она почти не задумывалась над тѣм, что будет дальше, хотя в данном случаѣ это было болѣе необходимо, чѣм когда бы то ни было. Ей было слишком хорошо,—и внутренній, безошибочный в каждую данную минуту ея инстинкт, которому было чуждо понятіе о временной перспективѣ, удерживал ее от размышленій по этому поводу. Она чувствовала, однако, что чѣм дальше, тѣм невозможнѣе для нея станет разлука с Сережей. Во всяком случаѣ, не думая о будущем, она знала чувством, что, если с ея стороны в дальнѣйшем потребуются какія угодно жертвы, она не остановится пред ними.

И вот, несмотря на это неожиданное и безспорное обогащеніе Лизы — в смыслѣ большого количества чувств и

ощущений, которыя до сих пор ей были извѣстны только из книг, — нельзя было не замѣтить, что, в чисто духовном своем обликѣ, она несомнѣнно потускнѣла. Книги, любимыя ея книги, которыя она изрѣдка пыталась читать — ея терпѣнія теперь хватало на полчаса, не больше, — стали казаться ей скучными. Она еще отдаленно цѣнила их замѣчательность, ей еще казались убѣдительными нѣкоторыя логическія построенія, но онѣ потеряли ту утѣшительную силу, которой обладали раньше. Главное, становилось ясно, что ей до этого нѣтъ, в сущности, никакого дѣла. — Искусство, Лизочка, изобрѣтено для неудовлетворенных, — говорил ей давно Сергѣй Сергѣевич, и тогда она бурно возражала ему и утверждала, что его заставляет так думать только внутренняя пошлость. Теперь она не могла бы с ним не согласиться. Когда они однажды поѣхали — вмѣстѣ с Егоркиным — на очередную выставку картин в Ниццѣ, Лиза не запомнила ни одной из них; остались только цвѣтныя пятна, потому что все время рядом с ней был Сережа, который держал ее под руку и его присутствіе занимало всецѣло все ея вниманіе. Даже наружность ея измѣнилась. Ей и раньше случалось идти по улицѣ и замѣчать, как люди оборачиваются, чтобы посмотреть на нее; но теперь это не только стало повторяться гораздо чаще, но среди тѣх, кто оборачивался, было много простых людей — рабочих, рыбаков; они раньше на нее не обращали вниманія, потому что было слишком явно, что это была дама, которая не имѣла и не могла имѣть к ним никакого отношенія. Теперь она как-то приблизилась к ним — может быть, потому, что было слишком несомнѣнно, было видно по ея лицу и глазам, по всему ея чуть-чуть огрубѣвшему и отяжелѣвшему облику, что главную роль в ея теперешней жизни играло то эротическое начало, в значеніи котораго ни один мужчина не мог ошибиться. Она понимала это, — но пониманіе ея, как и все, что не относилось непосредственно к ея личной жизни в данное время, было чѣм-то отдаленным, посторонним и не существенным. Она была

счастлива тѣм, что в ея возрастѣ она еще не ощущала никакой физической разницы между той, какой была много лѣтъ назад, когда держала на руках маленькаго Сережу, и той, которой была теперь; и она не думала и не вспоминала, что этим тоже была обязана Сергѣю Сергѣевичу, который заставлял ее заниматься спортом, и говорил: — потом меня же благодарить будешь. Но в этом он ошибся, — по крайней мѣрѣ, для даннаго времени; никакой благодарности по отношенію к нему Лиза не чувствовала, это было меньшее, что можно было сказать. Ее радовало, что она была почти так же сильна, как Сережа, и он неизмѣнно этому удивлялся, — тѣм болѣе, что, в силу счастливаго устройства ея тѣла, мускулы были невидны. Сережа удивился однажды, когда Лиза как-то задержалась в дорогѣ, — он вышел ей навстрѣчу и узнал, что у нея лопнула шина, и она мѣняла колесо. — Как, сама? — Вот глупый, конечно сама, — сказала она. — А как же ты гайки отвинчивала? — Вот так, Сереженька, — она сдѣлала вращательное движеніе правой рукой. — И у тебя хватило сил на это? — Она засмѣялась и потом предложила ему состязаніе, которое было основано именно на мускульном напряженіи руки и из котораго он вышел побѣдителем, но с таким трудом, что все лицо его густо покрылось капельками пота. — И то, я немного устала, — сказала она, — а если я буду свѣжая, то тебѣ не сдобровать. И это ей было пріятно — в состязаніи с Сережей чувствовать его гибкую сопротивляемость; в том же упражненіи с Сергѣем Сергѣевичем ее ждало разочарованіе, — там не было ни сопротивленія, ни гибкости, была только застывшая, неживая рука, которую она не могла сдвинуть с мѣста, — и кончила тѣм, что укусила, послѣ чего Сергѣй Сергѣевич спокойно сказал: — это не входило в программу, Лиза.

Лиза до сих пор не подозрѣвала в себѣ возможности того непрестаннаго физическаго томленія, которое теперь почти не покидало ее. Сережа не мог не поддаться ему; и за нѣсколько дней он похудѣл и лицо его вытянулось, не-

смотря на то, что ъл очень много и спал нѣсколько часов непробудным сном.

Он очень возмужал за первую же недѣлю, у него стало рѣзче лицо, точнѣе обрисовывался разрѣз чуть - чуть потемнѣвших глаз, все-таки еще очень свѣтлых на загорѣвшем лицѣ. Послѣ того дня, когда Лиза сказала ему: обѣщай мнѣ не думать об этом Сережа, — он послушно подчинился ей; для него вообще не было большаго наслажденія, чѣм исполнять ея желанія, какія бы они ни были. Но он думал обо всем усиленно и напряженно и до этого запрещенія и теперь не мог помѣшать тому, что время от времени, в солнечном блескѣ, утром на берегу моря или в мягкой и точно прозрачной темнотѣ южнаго вечера, — перед ним появлялось лицо матери, все то же милое лицо с большими темными глазами, над которыми не было рѣсниц, с чистым лбом без морщин, с легким запахом духов, который возникал, как только она наклонялась над ним. Собственно, нельзя было бы сказать, что Сережа думал, это было бы невѣрно: не было мыслей, как логично построеннаго разсужденія; было нѣсколько зрительных сопоставленій, которыя иногда бывали мучительнѣе, чѣм любая мысль. Ему до сих пор никогда не удавалось связать все, что он думал, видѣл и чувствовал, в ту послѣдовательную и постепенно развивающуюся систему, какой обычно была представлена человѣческая жизнь в книгах, которыя он читал. Он не думал о том, что она всегда бывает условна и искусственна, ему только казалось, что он просто сам не способен к такому творческому возсозданію. Он очень много знал и читал для своего возраста и до самаго послѣдняго времени думал, что теоретически в мірѣ нѣтъ вещей, которыя он не мог бы понять; и огорчился однажды, когда отец ему сказал, говоря о какой-то житейской проблемѣ, что Сережа не может ее постигнуть. Он сказал это, ничего не об'ясняя сначала; тогда Сережа спросил, считает ли Сергѣй Сергѣевич его совершенным олухом. Сергѣй Сергѣевич потрепал его по щекѣ с нежн-

данной ласковостью и отвѣтил, что, наоборот, он им очень доволен, что лучшаго наслѣдника он себѣ не хотѣлъ бы; но наслѣдник, по его словам, был слишком молод, чтобы понимать нѣкоторыя вещи.

— Не потому, Сережа, что ты глупѣ какой - нибудь накрашенной пожилой дамы, которая, вообще говоря, дура - душой; однако она это может понять, а ты — нѣтъ, хотя она не читала и десятой доли тѣх умных книг, которыя...

— В чем же дѣло?

— В душевном опытѣ, Сережа, понимаешь? Трудно объяснить и ненужно. Потом. Вот тебѣ придется столкнуться с чѣм-нибудь, о чем ты читал тысячу раз, — и тогда ты увидишь, что читать одно, а чувствовать и понять другое. Что такое каждая этическая проблема? Попытка схематизации коллективнаго душевнаго опыта, — это главное, потом идет утилитаризм, цѣлесообразность и т. д.

А Лиза говорила, что об этом не стоит думать — не вообще не стоит думать, а ему, Сережѣ, не слѣдует на этом останавливаться, для него это не важно. Лиза всегда была для Сережи воплощеніем всѣх добродѣтелей, и это его представленіе о ней не только не потерпѣло никакого измѣненія теперь, но стало еще болѣе отчетливым. Конечно, нехорошо и ужасно, что она сестра его матери; вот бы только одно это небольшое измѣненіе — и все было бы даже с этической точки зрѣнія замѣчательно. Эта сторона вопроса, однако, была тяжела для Сережи не потому, чтобы он лично испытывал из-за этого какія-либо неудобства, стѣсненія или неловкость, — нѣтъ, только потому, что он предвидѣлъ ужас в глазах матери, когда она узнает об этом. Он совершенно не мог себѣ представить реакцію отца, но знал, что и отец, конечно, отнесется к этому отрицательно. О Сергѣѣ Сергѣевичѣ можно было подумать именно так: отнесется отрицательно; по отношенію к Ольгѣ Александровнѣ эти слова звучали дико: она могла бы ужаснуться, — это, пожалуй, было вѣрнѣе всего. Но при мысли о том, что в результатѣ этого может пострадать Лиза, кровь при-

лила к его лицу; все, что угодно, но только не страданія Лизы — такой замѣчательной, такой чистой и нѣжной.

Все, что думал Сережа, он думал до разговора с Лизой — и тогда это было мучительно и неразрѣшимо. Послѣ этого разговора, ему сразу стало легко на душѣ, — он, дѣйствительно, перестал ставить себѣ вопросы о том, в какой степени все это возможно или невозможно, — точно между ним и всѣми этими мучительными недоразумѣніями возник непрозрачный экран, и остались только Лиза и любовь — и больше ничего во всем огромном мірѣ, существующем рядом с ним.

Похороны Пьера, мужа Лолы Энэ, были исключительно удачны и необычно для лѣтняго времени многолюдны. Всѣ многочисленные друзья и знакомые Лолы, большинство которых полагало, что ея брак был мезальянсом и не любило Пьера при жизни, теперь как будто бы вдруг поняло, что это был замѣчательный человек. И брак Лолы, всегда осуждавшійся при жизни, получил, таким образом, общественную сочувственную санкцію, в которой были даже одобрительныя ноты. Лолѣ пришлось выслушать множество соболѣзнованій, чаще всего ей говорили: я не имѣл — или не имѣла — счастья близко знать вашего мужа; но в тѣ два раза, когда я его видѣл, он произвел на меня самое лучшее впечатлѣніе — и повѣрьте, я всецѣло раздѣляю... Лола кивала головой и отвѣчала: мой дорогой друг, я никогда не сомнѣвалась в ваших чувствах. На похоронах были люди самых разных возрастов, преобладали, однако, старики, которых влекло туда двойное и противорѣчивое чувство: с одной стороны, неприятная мысль, что собственная смерть тоже не за горами и все, к несчастью, приближается; с другой, побѣждающая эти грустныя соображенія и явственно осязаемая радость, что умер вот этот самый Пьер, а они остались живы; они вообще приходили на всѣ похороны, чтобы получить совершенно не-

отразимое доказательство своего собственного, хотя и временного, бессмертія. Один из друзей Лолы, ея старшій современник, который был безконечно стар, но бодрился до послѣдней степени и даже носил корсет, доставлявшій ему постоянныя мученія и тихо похрустывавшій при каждом движеніи, автор книги, получившей нѣкоторую извѣстность пятьдесятъ шесть лѣтъ тому назад, в январѣ мѣсяцѣ того незабываемаго года, академик и чрезвычайно почтенный человѣкъ со скромным сѣдым париком на дрожащей головѣ, вначалѣ церемоніи сочувственно бесѣдовал с Лолой и говорил, что все проходит; под конец, он снова подошел к ней и на этот раз прибавил, что, как это ни грустно — слезы стояли в его глазах и он вообще устал и расчувствовался, — но вот, нельзя не констатировать, что многих из их с Лолой современников уже нѣтъ в живых; вот и этот бѣдный Пьер... Лола с неподвижно - грустным лицом внимательно его слушала, хотя он говорил совершенный абсурд, так как Пьер ни в какой степени не мог считаться их современником: во времена расцвѣта их славы, его еще не было на свѣтѣ; кромѣ того, разговор об этих давно прошедших временах был, вообще, непріятен Лолѣ, так как напоминал ей об ея возрастѣ. Она обычно отвѣчала на такія вещи одной неизмѣнной фразой: — да, я едва помню это, я вѣдь была совсѣм ребенком, — и собесѣднику ея оставалось только вѣжливо улыбнуться в отвѣтъ и вспомнить про себя, что у ребенка был в тѣ времена уже пятнадцатый любовник, тратившій на нее свои деньги и готовый драться из-за нея на дуэли по обычаю той безвозвратной и исключительно героической эпохи.

Множество автомобилей темнаго цвѣта слѣдовало за похоронной процессіей, и гармонію нарушала только одна свѣтло - сѣрая открытая машина, которой правил очень молодой человѣкъ в лѣтнем костюмѣ и без шляпы, с неподдѣльно огорченным лицом; зато рядом с ним сидѣла идеально - траурная пожилая дама, очень подходившая к общему, нѣсколько старинному и торжественно - покойному

тону. Появленіе молодого человѣка и огорченное его лицо об'яснялись тѣм, что его тетка, опоздав попасть в официальный кортеж, и, по жестокой своей скупости, пожалѣвшая денег на наемный автомобиль, поймала его в ту минуту, когда он проѣзжал мимо угла той улицы, гдѣ она жила, и заставила везти себя на похороны: ему не оставалось ничего другого, и среди всѣх присутствующих он был единственным человѣком, горе котораго было совершенно искренно, — *Lola Ainée, ma tante?* — сказал он — *mais c'est une vieille toupie...* — *C'est une interprète remarquable de Racine et de Corneille,* — сказала тетка с негодованіем, — *et il faut avoir une grandeur d'âme, qui est inconnue maintenant pour être à la hauteur de ces rôles.* — *Pour la grandeur d'âme, matante,* — безутѣшно бормотал он, — *je vous l'accorde, mais celle des spectateurs est encore plus remarquable.* — *Tu n'es qu'un imbecile,* — холодно сказала тетка, — *suis donc ce triste enterrement et tais-toi.* На перекрестках шествіе иногда задерживалось, молодой человѣк каждый раз едва не вѣзжал в ѣдущій перед ним почтенный Рольс-Ройс и вмѣсто того, чтобы выругаться, был вынужден проглатывать слова и, слѣдуя совѣту тетки, прилично молчать.

Лола была очень довольна похоронами и искренне рада, что все вышло так трогательно и хорошо. Та толпа, которая сопровождала гроб ея мужа, была составлена из поклонников ея таланта, это была все та же, только болѣе приличная и сдержанная *foule qui l'a toujours adorée.* Лола была настолько глупа, что никогда никакія сомнѣнія по этому поводу не приходили ей в голову, и вмѣстѣ с тѣм было очевидно, что людьми, пришедшими на похороны, руководили чаще все самыя разнообразныя причины, нерѣдко имѣвшія особенныя и личныя основанія внѣ какого бы то ни было отношенія к сочувствію Лолѣ в глубоком горѣ, котораго она не испытывала. Здѣсь было нѣсколько журналистов, которые, сразу разыскавъ друг друга, шли группой всѣ вмѣстѣ, и один из них, специалист по некрологам, рассказывал товарищам послѣдніе анекдоты, и они

кусали себѣ губы, чтобы не смѣяться; были люди — и их было очень много, — которым вообще было нечего дѣлать и которые воспользовались возможностью побывать на похоронах; были такіе, которые считали, что нельзя не быть на похоронах Пьера, как нельзя не быть на премьерѣ в Оперѣ и на скачках в Лоншан, и их было громадное большинство, и в глубинѣ души наименѣе глупым из них были безразличны и премьеры, и скачки, и похороны; были такіе, которые пришли устроить свои собственныя дѣла, пользуясь тѣм, что потом их никак нельзя будет обвинить в навязчивости — и такой удачный подход: дорогой друг, я никак не думал, что мы встрѣтимся с вами в таких печальных обстоятельствах, какая ужасная смерть! Простите, но, между прочим, один вопрос: тѣ акции, о которых вы так любезно... Был очень бойкій и очень хорошо, по траурному, одѣтый сорокалѣтній мужчина с сіяющим лицом, выраженіе котораго совершенно не вязалось с похоронами, — он один из первых подошел к Лолѣ и долго с ней разговаривал, усиленно здороваясь со всѣми, и вообще дѣйствовал таким образом, что присутствіе его никак не могло пройти незамѣченным; говорил всѣм, что его жена, к сожалѣнію, не могла придти, так как нездорова; потом он скрылся с неожиданной быстротой и в самом концѣ процессіи сѣл в послѣдній автомобиль, в котором его ждала необыкновенно пышная блондинка лѣтъ двадцати двух, которая тихо сказала ему — „*alors on est libre, c'est fini les condoléances?*” — и автомобиль сначала отстал, потом свернул направо и исчез.

Нельзя было сказать, чтобы Лола не готовилась к этим похоронам; она примѣряла много платьев, затѣм, оставшись одна в комнатѣ, ходила особенной, похоронной походкой и усиленно упражнялась, стараясь придать своему лицу нужное выраженіе, — торжественная церемонія не застала ее врасплох; послѣ похорон много говорилось и писалось о царственном достоинствѣ знаменитой артистки и о благородствѣ ея печали. Вмѣстѣ с тѣм, в жизни Лолы не

было, кажется, событія, которое бы доставило ей столько удовольствія, сколько похороны ея мужа.

Все сразу измѣнилось в ея домѣ. Прислуга, привыкшая за послѣднее время подчиняться Пьеру, а не ей, стала вновь такой, как была раньше, до замужества Лолы, и потеряла то неуловимое пренебреженіе в отвѣтах и интонаціях, которое так раздражало Лолу. Бюгати была срочно продана и вмѣсто нея появился Делаж, как двѣ капли воды похожій на прежній, — с тѣми же мягкими и упругими подушками, с тѣми же чудесными рессорами, и, ѣдучи в нем, Лола не ощущала того, что преслѣдовало ее, когда она изрѣдка ѣздила в низком Бюгати, — именно, что кто-то тянет ее за ноги вниз, и мотор всхлипывает и ревет послѣ поворота, когда дергающаяся в неумѣлых руках Пьера машина скачками набирает скорость. По ночам опять стало тихо, исчезли многочисленныя и случайныя подруги Пьера, и в глубокой этой тишинѣ Лола, просыпаясь, слышала иногда, как шумит вѣтер в деревьях сада, в который выходило окно ея спальни. Этот звук напоминал ей давно прошедшія, давно забытыя, казалось, вещи: ея дѣтство в деревнѣ, дождливый лѣтній вечер, звучное хлюпанье коровьих копыт по мокрой землѣ и удивительный и любимый запах навоза, с которым не могли сравниться никакіе другіе запахи. Она видѣла себя такой, какой она была, пятнадцатилѣтней деревенской красавицей, с упругими мускулами ног, на которых были сабо, с большими черными глазами, с бѣлым и крѣпким тѣлом, не знавшим в тѣ времена ни одной операціи. Она засыпала, улыбаясь этим воспоминаніям.

Она была теперь совершенно свободна; цѣлыми днями просиживала в креслѣ и, когда ей хотѣлось спать, она опускала голову на грудь и засыпала, так как не было никого, перед кѣм ей нужно было притворяться. Она раскладывала пасьянсы, гадала себѣ на картах и даже позволила себѣ в теченіе первой недѣли своей обрѣтенной свободы, отступить от жестокой діеты, — ѣла жареную курицу, мясной

бульон, потом пообѣдала однажды вечером совершенно одна у Прюнье, который находился неподалеку от ея дома, и через нѣсколько дней все-таки заболѣла, так что потом пришлось поголодать и принимать лѣкарства; но все это она переносила с легкостью, которая ее самое удивляла, и обяснялось, конечно, инерціей того же прилива счастья, начавшагося непосредственно в тот вечер, когда ей позвонили по телефону, сообщая о смертельной ранѣ ея мужа.

Но как только прошло это первое, счастливое состояніе, прежняя энергія опять пробудилась в Лолѣ. Она знала по длительному своему опыту, что не должна оставаться в тѣни, что как можно чаще ея имя должно появляться в газетах, — все равно, по какому поводу. Она заказала нѣсколько интервью, из послѣдовательнаго чтенія которых можно было заключить, что Лола собирается, послѣ пережитаго потрясенія, уѣхать отдохнуть на юг, в свою виллу возлѣ Ниццы; что она остается в Парижѣ, гдѣ усиленно работает над главной ролью в пьесѣ, которую не хочет еще называть; что она отклонила предложеніе крупнѣйшей американской фирмы, предлагавшей ей контракт в Холливуд; что она в ближайшем будущем уѣзжает в турнэ по средней Европѣ; что она уѣзжает в турнэ по Южной Америкѣ; что она уѣзжает в турнэ по Сѣверной Америкѣ; что намѣчены ея выступленія в Голландіи; что, вопреки распространившимся слухам, она отказалась от проекта поѣздки в Румынію и Грецію. Никаких слухов о ней никто не распространял, но это опроверженіе несуществующих слухов было обычным ея приѣмом, и всѣ эти интервью и сообщенія не имѣли рѣшительно никаких основаній, кромѣ судорожнаго желанія самой Лолы не изгладиться вдруг не то, чтобы из памяти современников,—это был свершившійся и непоправимый факт, так как большинства ея современников уже давно не было в живых, и тѣ, которые были, с ужасом ждали смерти и только об этом и думали, — а из памяти теперешняго общества, которое слѣдовало

за ней на разстояніи полувѣка. Затѣм, когда всѣ эти возможности были исчерпаны, Лола начала свои личныя выступленія в печати, к которой, еще со времен перваго своего покровителя, она питала почти такую-же слабость, как к театру. Она, конечно, ничего не писала сама, она была для этого недостаточно грамотна, — у нея был постоянный сотрудник, которому она теперь вынуждена была платить деньги, что ее очень огорчало: еще нѣсколько лѣтъ тому назад, не так давно, в сущности, она никогда не расплачивалась за услуги деньгами. Теперь ей пришлось примириться с тѣм, что времена измѣнились. Ея теперешній литературный псевдоним был молодой человек, дѣлавшій газетную карьеру и писавшій небольшія статьи об искусствѣ; но так как статьи об искусствѣ давали незначительный доход, на который было невозможно прожить, то он специализировался на статьях депутатов, общественных дѣятелей, пѣвцов и актеров; это была очень неприятная работа, особенно потому, что большинство людей, обращающихся к нему, имѣло совершенно абсурдныя представленія о стилѣ и пред'являло требованія, которыя было бы невозможно выполнить, не рискуя вызвать насмѣшки читателей. Из всѣх своих кліентов он очень цѣнил только одного, стараго сенатора, который ему говорил - *écoutez, mon petit*, — и заказывал статью на какую-нибудь тему, причем не только не требовал, чтобы она была написана так, а не иначе, но даже и не читал ее до сдачи в печать, а прочитывал начало уже в газетѣ или журналѣ, причем и тут у него никогда не хватало сил дочитать до конца. Он смотрѣлъ на мутныя буквы, разбирая нѣсколько первых фраз и потом неизмѣнно говорил, — прелестно, мой юный друг, прелестно, — и платил лучше всѣх других; и то, что печаталось за его подписью, его совершенно не интересовало. В кругу людей, читавших его статьи, он считался проницательным и смѣлым политиком, неустанно слѣдившим за всѣми измѣненіями текущей дѣйствительности. Вначалѣ выполнять такую работу было неприятно, потом сотрудник Лолы на-

столько к этому привык, что совершенно не удивился, когда узнал, что унылый и лысый мужчина с измятым и усталым лицом, котораго он часто встрѣчал в редакціи одной из крупных газет, и был, оказывается, той самой Mathilde Marigny, которая давала многочисленные совѣты читательницам по самым разнообразным вопросам, начиная с ухада за лицом и тѣлом и кончая любовными невзгодами и недоумѣніями: „я думаю, что мой муж измѣняет мнѣ, — должна ли я оставить его и уйти с моим ребенком к челоувѣку, который доказал мнѣ свою любовь неоднократно?..”

Лола встрѣтила его с дѣловым видом, сказала, что им нужно поговорить, и вдвоем они стали обсуждать планы ея газетных выступлений. Дѣло было в том, что Лола, наконец, рѣшила осуществить свою давнишнюю мечту — написать мемуары. Сотрудник ея — его фамилія была Дюпон — неувѣренно кашлянул: этот род работы был особенно непріятен. — Я очень польщен вашим довѣріем, мадам, — сказал он, — но...

— Условлено, условлено, — быстро сказала Лола. — С вашим талантом...

— Дѣло в том, что я боюсь... в концѣ концов у меня так мало времени...

— Но, мой милый друг, это так не трудно. Я все расскажу все, все, все, понимаете?

— Мнѣ кажется...

— Увѣряю вас, что это будет работа, которая, кромѣ удовольствія, вам ничего не доставит.

— Я в этом не сомнѣваюсь.

— Ну вот. А с изданія книги вы получите процентное отчисленіе от издателя.

Но от этого Дюпон отказался самым категорическим образом. Он настаивал на том, что хочет имѣть дѣло только с Лолой; и как это ни было ей непріятно, она вынуждена была согласиться. О содержаніи книги мемуаров Лолы разговор должен был произойти позже, через нѣсколько дней. В ближайшее же время слѣдовало подготовить для

печати, во-первых, нѣчто вродѣ пространнѣйшаго письма в редакцію, в котором Лола выражала свою благодарность всѣм, кто пришел на похороны ея мужа; во-вторых, — статья: „Почему я пишу свои мемуары”. — Через два дня текст обѣих статей был представлен Лолѣ; она сдѣлала в них нѣкоторыя поправки, но в общем осталась довольна. Первая статья, редактированная в сдержанно скорбных выраженіях, заключала в себѣ наиболѣе пріятную для Лолы фразу о том, что люди привыкли считать, будто знаменитости как-то не так живут и страдают, как простые смертные — *Helas! nous ne sommes, nous autres, que de simples mortels, doués peut être d'un pouvoir qui...* и так далѣе; одним словом, все было хорошо и трогательно — все вплоть до благодарности газетѣ, которая это помѣстила, за „великодушный жест”... Особенно пріятно было, что в том же номерѣ появилась послѣдняя по времени статья знаменитой писательницы о Лолѣ, — но это выяснилось лишь позже и было результатом случайности. Наконец, „Почему я пишу свои мемуары” — была статья, написанная с нѣкоторым косвенным вдохновеніем Дюпоном, который в тот день был, повидимому, в ударѣ. „Мы представляем из себя хронологически непостижимое соединеніе двух эпох столь, казалось бы, различных; и этому неповторимому соединенію суждено быть раскрытым только в том случаѣ, если мы рѣшимся снять с себя наши театральныя одежды и предстать перед вами, дорогіе читатели, такими, каковы мы в дѣйствительности. И вы убѣдитесь тогда, что многочисленныя и воображаемыя драмы нѣкоторых исторических женщин, которыя вы привыкли себѣ представлять воплощенными в нашей интерпретаціи, — что онѣ не прошли, быть может, безслѣдно; и в одном поворотѣ головы я ловлю себя на том, что это — жест Сафо и в рѣзко - вытянутой рукѣ — поза Селимены”...

Работа над мемуарами очень интересовала Лолу — она сводилась, правда, с ея стороны, только к подробному разсказу, и Дюпон лишь говорил время от времени: да, пони-

маю, конечно... и дѣлал замѣтки в своем блок-ноутѣ. Жизнь Лолы была представлена, как ровное в своей неизмѣнной гениальности существованіе, лишенное каких бы то ни было скользких мѣст. На этом настоял Дюпон, исключившій из разсказов Лолы всѣ сколько-нибудь рискованные пассажи; и хотя получилось нѣсколько странное положеніе, при котором выяснилось, что до брака с Пьером Лола знала лишь платоническую любовь к нѣкоторым замѣчательным людям, основанную на взаимной страсти к искусству, и хотя должно было показаться неправдоподобно, что она до старости, в сущности, оставалась дѣвственной, — настолько, что сама Лола замѣтила это и сказала это Дюпону — он все же настоял именно на такой редакціи мемуаров. — Всѣ поймут, что и у вас должны были быть увлеченія, — сказал он, — но оцѣнят вашу скромность. — Нѣтъ, нельзя же так преувеличивать, — замѣтила Лола. — Всѣ поймут, что это невозможно, — спокойно возразил Дюпон, — но зачѣм же на этом настаивать? Вѣдь мы не пишем, что окна существуют для того, чтобы пропускать свѣтъ, открываться и затворяться; мы не теряем времени, чтобы объяснить это читателю, мы надѣемся, что он это знает сам. Здѣсь тоже самое, мадам. — Зато Дюпон много раз описал заходы и восходы солнца в Оверни, гдѣ молодая дѣвушка, глядя с террасы дома, в котором она родилась, мечтала о Парижѣ и о счастьи. Семья Лолы сразу разбогатѣла в мемуарах, и родители ея из обыкновенных крестьян превратились в помѣщиков. В воображеніи Дюпона возникло — и переселилось в мемуары Лолы — множество никогда не существовавших и чаще всего трогательных людей: старый учитель французской литературы, говорившій ей, — дитя мое, берегите ваш удивительный дар; мэр ближайшаго города, плакавшій в день любительскаго спектакля при ея появленіи на сценѣ; тетка, которую Лола помнила морщинистой, пожилой женщиной с грубыми руками и которая ее учила, как надо себя вести в Парижѣ с хозяевами, — превратилась в свѣтскую красавицу, удалившуюся на покой

в свои овернскія владѣнія оплакивать смерть своего горячо любимаго мужа. Дойдя до Парижа, повѣствованіе приняло совершенно патетическій тон. Здѣсь во многом взгляды Дюпона и Лолы совпадали, они оба считали, что Париж лучший город в мірѣ и им обоим казалось, что оттого только, что какое-либо событіе происходит в Парижѣ, оно тѣм самым приобретает особенное значеніе, котораго не имѣло бы, если бы случилось в другом мѣстѣ. Рѣчь шла преимущественно о театральных премьерах, об успѣхах Лолы, о том, как тот или иной человек, чаще всего, государственный дѣятель или президент, приходил с громадным букетом цвѣтов и благодарил Лолу за ея выступленіе. Особенно много писалось об умерших людях, которые не могли опровергнуть ничего рѣшительно. Но несмотря на праздничныя описанія этой театральной жизни, Дюпон не мог не замѣтить, что все получалось нѣсколько монотонно, и запас торжественных слов, из которых чаще всего повторялось слово „тріумф“, давно уже истощился. Тогда он прибѣгнул к новому приему — вовлеченіе во все это простых людей; и вот появились маляры и плотники, которые отказывались брать с Лолы деньги за отдѣлку ея квартиры, консьержки, прачки, трубочисты и извозчики, которые тоже бесплатно возили ее.

Книга Лолы должна была произвести впечатлѣніе одновременно — интереснѣйшаго мемуарнаго матеріала, и вмѣстѣ с тѣм стилистическаго шедевра. Сама Лола была очень довольна ею. Дюпон работал по много часов в день. Выходило, однако, хотя в общем хорошо, но не замѣчательно, и он не мог понять причины этой частичной неудачи.

Она заключалась в том, что он не любил и презирал Лолу — и сам был убѣжден в полной ея бездарности. В этом для него не могло быть сомнѣнія. Он знал уже давно — в его литературной работѣ ему нерѣдко приходилось сталкиваться с этим, — что множество очень знаменитых и почтенных людей ни в какой степени не заслуживали ни

своей репутации, ни своей славы. В большинствѣ случаев было даже непонятно, каким образом могло возникнуть и продолжаться в теченіе десятилѣтій то недоразумѣніе, в силу котораго, напримѣр, Лола считалась замѣчательной артисткой, такой-то — прекрасным ученым, такой-то — великим писателем. В очень ограниченном кругѣ, среди профессионалов, оцѣнки были правильны и безпощадны, но онѣ никогда или почти никогда не доходили до широкой публики, которая слѣпо вѣрила всему, что писалось. Дюпон не сомнѣвался, что мемуарам Лолы, которые он придумал сам, будут так же вѣрить, как всему остальному, и его иногда, когда ему удавалось отрѣшиться от своих непосредственных забот, очень огорчало — так как он был еще молод, — это удивительное отсутствіе пониманія у читателей и слушателей. Вмѣстѣ с тѣм вѣдь было очевидно, что Лола была очень дурной актрисой, даже не понимавшей того, что она играла. Правда, никто не плакал от волненія на ея спектаклях, но всѣ признавали ея громадный талант. Откуда? Почему? Он этого не мог понять.

Он описывал ее в условно торжественных тонах, чувствуя, однако, что жить так, как жила в его мемуарах Лола, не могла бы ни одна женщина, это было невозможно. Но этого никто не замѣтит, никто, — и сама Лола, совершенно забываясь, говорила Дюпону: я удивляюсь, дорогой друг, как вы хорошо поняли всю мою жизнь, — и он вѣжливо улыбался в отвѣтъ, хотя ему хотѣлось сказать, что он описывает нѣчто похожее на раскрашенный картон и что поэтому ея любезныя фразы заранѣе лишены какого бы ни было смысла.

Но Лола мало-по-малу проникалась мыслью о том, что ея жизнь дѣйствительно была такова, какой ее описал Дюпон. Она знала, конечно, что фактическая часть книги содержала в себѣ много неточностей, — в частности, особенно туманной ей казалась первая глава, посвященная ея дѣтству, — да и в остальном все было совсѣм не так, как в книгѣ. Но здѣсь впервые она очутилась как бы перед сво-

им собственным психологическим портретом. Она никогда не задумывалась над тѣм, что она из себя представляет, чѣм ея жизнь отличается от жизни других людей, — что такое смерть, что такое желаніе, что такое страсть, — всѣ эти вещи, которыя всегда волновали людей, ей не приходили в голову. То внутреннее „я“, о котором она иногда читала и которое нерѣдко фигурировало в пьесах ея репертуара, у нея просто не существовало. Она начинала рѣзко реагировать на что-либо, только тогда, когда оно приносило ей ощутительный вред: она могла считать, что такой-то антрепренер плохой человѣкъ, так как не сразу заплатил ей деньги: что такая-то актерка дурная и развратная женщина, так как благодаря интригам получила роль, которую должна была играть она, Лола; но, как в политикѣ и в общественной жизни, так и во всем остальном, то, что ея непосредственно не касалось, не вызывало в ней никакого отклика, — хотя бы это были самыя замѣчательныя или самыя возмутительныя событія. У нея точно также совершенно не было того, что в прерывистых формах проявлялось у других людей и что они называли принципами, убѣжденіями, взглядами, вкусом, всѣми этими словами, которыя оказывались идеально бесполезными в примѣненіи к Лолѣ. Дюпон убѣдился в этом, подолгу слушая ея рассказы, и каждый раз, выходя от Лолы, он не мог отдѣлаться от трудно опредѣлимаго, но чрезвычайно непріятнаго чувства, над которым ему не хотѣлось даже задумываться. Но, работая над мемуарами Лолы, он должен был поневолѣ возвращаться к этому и в один прекрасный день он понял, как ему показалось, все до конца. Он не мог в тот вечер работать и ушел из дому, продолжая думать о том, что такого страшнаго примѣра душевной нищеты ему никогда еще не приходилось видѣть. Он думал об этом почти с ужасом, — такая долгая жизнь без единой мысли, без какого бы то ни было сомнѣнія, без секунды пониманія! Лола казалась ему холодным и глупым животным, достаточно выдрессированным, но не приобрѣтшим

от этого ничего человѣческаго. Все, что она говорила, состояло из шаблонных и неправильных выражений, которыя она когда-то прочла в газетном фельетонѣ или вспомнила из чьего-то разговора.

И вмѣстѣ с тѣм в своих мемуарах она должна была казаться другой, и Дюпон с нѣкоторым увлеченіем описывал эту, никогда не существовавшую женщину, — и картонная ея прелесть доставляла ему извѣстное удовлетвореніе, она приобрѣла черты конфетной красавицы, появлявшейся то в полѣ, то в лѣсу, то в парижских салонах, то на сценѣ — со своим раз навсегда раскрашенным и, в сущности, мертвым лицом; только это была веселая покойница, — в отличіе от настоящей Лолы, у которой вмѣсто души была холодная дыра. Нѣсколько раз Дюпон, несмотря на то, что ему уже много лѣтъ пришлось быть профессиональным фальсификатором и писать самыя разнообразныя вещи, начиная от политических рѣчей противоположнаго содержанія и кончая статьями об археологіи, балетѣ, театрѣ, живописи, музыкѣ, и подписываться самыми разнообразными и преимущественно знаменитыми именами; несмотря на то, что это именно он, Дюпон, написал двѣ толстых политических книги и полторы тысячи передовых, не считая множества устных выступленій, одним словом, вынес на себя всю политическую карьеру одного богатѣйшаго чловѣка, который был не болѣе грамотен и умен, чѣм Лола, и никогда не мог написать болѣе или менѣе толковой фразы, а о социальных доктринах не имѣл даже отдаленнаго представленія, но издавал газету и занимался общественной дѣятельностью, довольно бурной, до тѣх пор, пока не умер в один прекрасный день от разрыва сердца, — несмотря на этот свой опыт, Дюпон нѣсколько раз хотѣлъ отказаться от продолженія мемуаров Лолы. Он отказался бы, но его дѣла не позволяли это сдѣлать — он, как всегда, сидѣлъ без денег. Со злобой думал он иногда о том, что в смыслѣ интеллектуальной цѣнности, он один стоит двух десятков знаменитостей — он это твердо знал — и, тѣм не

разсмотрѣть в полутемном залѣ его лицо? Это надо измѣнить.

— Хорошо, — сказала Лола, — можно посадить его ближе. „Он был бѣден, но на послѣднія деньги”...

— Нѣтъ, это невозможно, — сказал Дюпон, теряя терпѣніе, — сколько же у него было в таком случаѣ послѣдних денег для того, чтобы каждый день сидѣть в первых рядах? Стало быть, он не мог быть бѣден.

— Но он был дѣйствительно бѣден, — простодушно сказала Лола.

— Да, конечно, я понимаю. Но тогда нужно сдѣлать это иначе.

— Хорошо, — согласилась Лола, — тогда мы просто напишем, что я замѣтила его горящіе глаза и что он каждый день бывал в театрѣ, а о том, что он был бѣден, напишем потом.

Дюпон едва сдерживал себя, — он все-таки никогда не сталкивался с таким упорным непониманіем элементарных вещей; даже покойный государственный дѣятель, извѣстный своей легендарной глупостью, был болѣе сообразителен. Он вздохнул и стал пространно об'яснять Лолѣ, почему так написать нельзя. Но Лола вдруг обидѣлась и стала твердить, что это просто его каприз и что, в концѣ концов, он может дѣлать, как хочет. Дюпон понимал, что она давно, может быть уже нѣсколько недѣль, мечтала об этой части мемуаров, об этом убогом великоманіи „блѣднаго лица и горящих глаз” и что ей было до слез жаль разстаться с этим. Но в этом он ошибался.

Через час оживленнаго и непрекращающагося разговора они сошлись на том, тоже, в сущности, маловѣроятном положеніи, что Пьеру досталось небольшое наслѣдство, — гроши, каких-нибудь десять, двѣнадцать тысяч франков, — и что он, в тот період, когда Лола замѣтила его горящіе глаза, тратил их на то, чтобы не пропустить ни одного ея выступленія, — и Лола осталась очень довольна Дюпоном

и сказала ему нѣсколько комплиментов об его умѣ и знаніи женской души.

Лола, однако, все чаще и чаще вспоминала о Пьерѣ, — и тот фактъ, что она торопилась включить его в свои мемуары, отнюдь не был случайным. Если бы она умѣла анализировать свои чувства и хоть сколько — нибудь разбираться в них, она бы замѣтила, что память ея тщательно избѣгла всѣх неприятных сторон ея жизни с Пьером. Въѣсть съ тѣм неприятным было почти все, а пріятным очень немногое, и именно об этом немногом она и вспоминала. Неожиданно для себя самсй, однажды ночью, вспомнив о нем, она прослезилась. Через нѣкоторое время даже Дюпон замѣтил в ней какую-то несомнѣнную перемѣну в выраженіи глаз и лица и причины ея он никак не мог понять; но он не очень задумывался над этим, потому что это его не интересовало; он только с облегченіем констатировал, что с Лолой легче стало сговариваться. Она сама этого измѣненія в себѣ не знала и в этом вдруг стала похожа на других женщин, которыя упорно не хотят признать, что возникшее в них чувство заставляет их видѣть все другими глазами, чѣм до сих пор, — им кажется, что в этом есть нѣчто унизительное, нѣчто уменьшающее их замѣчательность и, сколь это ни было бы очевидно, онѣ продолжают это отрицать.

Лолѣ ничего отрицать не приходилось, с ней никто по этому поводу не говорил; но было тѣм не менѣе несомнѣнно, что в силу какой-то нелѣпой и невѣроятной случайности, в ней теперь с совершенной, казалось бы, неправдоподобностью возникла любовь к Пьеру, которой не было при жизни. Она родилась из безсознательной и глубокой благодарности к этому человѣку за то, что он умер и таким образом вернул ей свободу и отдых, которых она была лишена так долго. И так как теперь он ничѣм уже не мог ее стѣснить и, перестав быть живым человѣком, сдѣлался украшеніем ея трогательнаго романа в мемуарах, она впервые, как ей казалось, поняла, что это был дѣйствительно

настоящій роман. — Если бы вы знали, как я любила этого человѣка! — сказала она Дюпону и была при этом искренна; в ту минуту она говорила с убѣжденіем. — У него были нѣкоторые мелкіе недостатки, конечно, но у кого их нѣтъ? — Дюпон в сотый раз с раздраженіем замѣтил, что девять десятых фраз, которыя произносила Лола, были общими мѣстами, — но он так любил меня!

И вот теперѣ, в первый раз за очень много лѣтъ, Лола начала переживать этот посмертный и чудовищный по своей неестественности роман. — *Le pauvre petit!* — неизмѣнно говорила она, когда рѣчь заходила о Пьерѣ. Мало-по-малу и в ея воспоминаніях и в ея разсказах Пьер совершенно измѣнился, перестал пить, перестал развратничать, стал вѣжлив, нѣжен и мил; и загробная его привлекательность все увеличивалась. — Я думаю иногда, — говорила Лола, — что я как нѣкоторые рѣдкіе люди, которые любят раз в жизни. Да, конечно, у меня бывали увлеченія, — но у кого их не было? Но любила я толькo Пьера — и, вот, я все не могу привыкнуть к мысли, что его нѣтъ в живых. *Pauvre petit!*

Несмотря на крайнюю свою скупость, которая стала проявляться в ней, однако, только в самые послѣдніе годы, точно это был такой же признак старости, как сѣдые волосы или артеріо - склероз, — до этого она была расточительна и небрежна в деньгах, чѣм и об'яснялось то, что она была сравнительно небогата, — она заказала роскошный памятник Пьеру с надписью: „моему дорогому супругу от простого и вѣрнаго сердца Лолы Энэ”.

И вот, так же, как мѣняется лицо и выраженіе глаз человѣка, когда для окружающих становится ясно, что он должен умереть, с такой же несомнѣнностью в Лолѣ произошло глубокое и послѣднее перерожденіе, особенно поразительное для ея возраста. Дюпон, приходившій к ней каждый день, с удивленіем замѣтил, что от прежняго его раздраженія не осталось слѣдов, и свой очередной визит к ней он перестал разсматривать, как непріятнѣйшую обя-

занность. Однажды, когда она наливала ему кофе, — он писал в это время в блокнотъ — и сама размѣшала ему сахар в чашкѣ, у него вдруг мелькнула мысль, которая в прежнее время показалась бы дикой, что эта женщина, в сущности, могла бы быть его матерью. Было впечатлѣніе, что в мертвом ея обликѣ вдруг стали проступать человѣческія черты. Во всяком случаѣ, всѣ, кому приходилось с ней встрѣчаться в это время, не то, чтобы замѣтили происшедшую с ней перемѣну, — для этого они были слишком ненаблюдательны и, как громадное большинство людей, вообще думали слишком мало и рѣдко, — но почувствовали ее; и, когда они потом говорили друг другу, что каждый из них нашел Лолу очаровательной, — в этом было нѣчто болѣе искреннее и соотвѣтствующее их подлинным впечатлѣніям, чѣм всегда.

С Лолой произошло то, что произошло бы с другим, очень старым человѣком, который в послѣдней части своей жизни, во время долгих старческих досугов, обдумал и вспомнил всю свою жизнь и пришел к нѣкоторым выводам, единственно возможным: что нужно, прежде всего, прощать людям их невольно дурные поступки, не нужно никого ненавидѣть, нужно знать, что все непрочно и невѣрно, кромѣ этого тихаго и пріятнаго примиренія, этой нетребовательной любви и нѣжности к ближним, независимо даже от того, заслуживают ли они их или не заслуживают. Лола теперь вела себя именно так, как если бы она поняла всѣ эти вещи, но разница заключалась в том, что она об этом не думала; и, как всю свою жизнь она дѣйствовала и говорила, не размышляя, а подчиняясь какой-то внутренней необходимости и не зная, в сущности, почему она дѣйствует так, а не иначе и, в общем, правильно для достиженія выяснявшейся лишь потом цѣли, так и теперь никакія мысли не предшествовали этому измѣненію в ея манерѣ жить и в обращеніи с людьми.

Это был ея послѣдній и поздній расцвѣт, и человѣкъ, который захотѣлъ бы имѣть о Лолѣ сколько — нибудь пра-

вильное сужденіе и изучил бы всю ея жизнь, но не знал бы о нѣскольких послѣдних мѣсяцах ея существованія, получил бы неправильное и одностороннее представленіе о ней. И для того, чтобы это произошло, нужно было, оказывается, чтобы прошло много лѣтъ ея безконечно длинной жизни, чтобы ни один год не оставил в ея существованіи никакого слѣда и чтобы, наконец, самое страшное и непостижимое явленіе смерти прошло рядом с ней и, избавив ее от присутствія ненавистнаго и, в сущности, случайнаго человѣка, вдруг освободило бы одновременно с этим то, что в ней было неизмѣнно - человѣческаго и о чем нельзя было бы узнать, если бы не было этой смерти. Это было похоже на то, как в очень старом и глухом зданіи, в лѣсу, на берегу моря, ночью вдруг отворили бы годами запертое окно — и в мертвую тишину вдруг проникли бы многочисленные, до сих пор невидимыя и неслышныя вещи: синее звѣздное небо, вѣчный бѣг океанской волны, крик неизвѣстной птицы, шум листьев на вѣтру, стремительный полет нетопыря.

И это не могло не повлечь за собой совершенной и рѣзкой переменны всего ея уклада жизни и невольнаго и безболѣзненнаго отказа от всѣх прежних ея взглядов. Она продолжала еще принимать многих людей, и выѣзжать, но и выѣзды, и приемы становились все рѣже и рѣже. Она читала попрежнему отчеты о спектаклях, премьерах, концертах, но тѣ отзывы, которые еще нѣсколько мѣсяцев т. н. вызвали бы в ней возмущеніе, оставляли ее теперь почти равнодушной — так же, как упоминаніе ея собственнаго имени, котораго раньше она ждала с нетерпѣніем. Когда ее спросили как-то о судьбѣ ея мюзик-холля, она отвѣтила, что это еще не рѣшено, и тогда же поняла вдруг, что она никакого мюзик-холля не откроет, потому что ненужность его была теперь для нея совершенно очевидна, хотя она ни разу не думала об этом.

Но работу над мемуарами она продолжала попрежнему; и Дюпон, поддавшись ея теперешним настроеніям, стал

писать нѣсколько иначе, чѣм писал до сих пор, и Лола, та самая деревянная Лола, на которую он до сих пор ни в комем случаѣ не мог рассчитывать, как на сотрудницу или помощницу, диктовала ему цѣлыя страницы; окончательная их отдѣлка была, конечно, необходима, но, в общем, эти послѣднія главы были написаны ею. Дюпона поразила в них ея неожиданная наивность; и он неоднократно задумывался над странной теперешней судьбой этой женщины. При каждом упоминаніи о Пьерѣ ея глаза наполнялись слезами; и сила этого совершеннаго превращенія презрѣнія и ненависти к нему в сожалѣніе и любовь была настолько велика, что если бы кто-нибудь сказал Лолѣ, что она боялась и не любила этого человѣка, она никогда не повѣрила бы этому. Как всегда и для всякаго человѣка, в тѣх случаях, когда он имѣет дѣло с воспоминаніями и когда он сам находится во власти внезапнаго перерожденія, вызваннаго проявленіем какого-либо могучаго чувства, для Лолы было совершенно ясно, вопреки фактам, очевидности и всему, что ничѣм нельзя опровергнуть, — что не было ни недоразумѣній, ни ненависти, а была любовь и внезапная, безпощадная смерть.

Но одновременно со всѣми этими измѣненіями здоровье Лолы,—состояніе котораго до этого времени было в общем нормальным, и ея недомоганія были совершенно естественны для ея возраста, — стало не тѣм, каким было до сих пор. Никаких катастрофических измѣненій, в сущности, не произошло; все было, казалось бы, попрежнему, но она начинала быстрѣе уставать, и то, что обычно ея не утомляло, теперь вызывало мгновенную слабость. Во время ежедневных прогулок в Булонском лѣсу она проходила вдвое меньшее разстояніе, чѣм раньше; и однажды шоффер, обезпокоенный ея ненормально долгим отсутствіем, отправился ее разыскивать и нашел недалеко, на скамейкѣ; она спала, уронив голову на грудь, выпустив из рук свою сумку, и лицо ея было настолько неподвижно, что его охватил невольный страх, не умерла ли она. Он постоял нѣ-

сколько секунд, не шевелясь, внимательно глядя на нее: грудь ее ровно поднималась и опускалась. Тогда он кашлянул, но Лола продолжала спать. Он, наконец, рѣшился разбудить ее, громко обратившись к ней нѣсколько раз, и она открыла глаза и сказала с улыбкой:

— Мы, кажется, заснули?

Потом со вздохом медленно поднялась и пошла к своему автомобилю.

Прошло еще немного времени и стало совершенно ясным, что даже при самом сильном желаніи Лола уже не могла бы выступать на сценѣ. Она не думала об этом, потому что незамѣтно для себя самой и безсознательно, как все, что с ней происходило, сцена отошла на далекое прошлое, и она перестала вспоминать о ней. Было очевидно и выходило само собой, что надо вообще покинуть свою ненужную теперь громадную квартиру и жить скромнѣе, чѣм прежде. Оставалось только уладить всѣ финансовыя дѣла и подвести итоги тому, сколько денег было прожито и сколько, в концѣ концов, оставалось. У нея могло быть значительное состояніе, но в прежнія времена она слишком широко тратила деньги и прекратила эти траты только в самые послѣдніе годы. Она выяснила послѣ длительного подсчета, что оставалось у нея до удивительнаго мало — меньше двухсот тысяч франков. У нея был послѣдній ресурс, которым она уже очень давно рѣшила воспользоваться только в случаѣ крайней необходимости и происхожденіе котораго было не совсѣм обычно.

Это было больше тридцати лѣтъ тому назад, во время ея короткаго романа с одним из знаменитых в тѣ времена лондонских банкиров, уже немолодым человѣком, очень в нее влюбленным. Он предлагал ей тогда все — свое имя, свою жизнь, свое состояніе, все, что она захотѣла бы. Она, смѣясь, отвѣчала ему, что ея имя лучше, чѣм чье бы то ни было, что его жизнь ей не нужна, и что тѣ деньги, которыя он ей мог бы предложить, ее тоже не соблазняют, — она достаточно богата.

— Хорошо, — сказал он, — но вы подумали, что с вами будет потом, когда ваше имя забудут и вам останется только старость и бѣдность?

— Я умру молодой, — сказала она, — и не все ли мнѣ равно, что будет послѣ моей смерти?

Но его готовность сдѣлать для нея все, тронула ее; она стала его любовницей, не любя его, только чтобы доставить ему удовольствіе. Через двѣ недѣли, уѣзжая, он сказал ей, что он знает — она не любит его и с этим он бессилен бороться. — Но вы лучше, чѣм вы думаете, — прибавил он, — и я не хочу, чтобы вы считали меня неблагодарным.

И он об'яснил ей, что когда она захочет, в лондонском банкѣ, адрес котораго он ей дал, в любой день, по личному ея требованію ей выдадут сумму денег, которую он оставит для нея, на ея имя. — Вы неисправимый банкир, — сказала она, — все в вашем представленіи сводится к чекам и банкам. Мнѣ не нужны ваши деньги.

И он уѣхал. Он умер лѣтъ через пять послѣ этого от рака, и Лола никогда больше не видѣла его. Но она знала, что свое обѣщаніе он сдержал, — ей из банка было своевременно прислано увѣдомленіе, что деньги, положенныя на ея имя таким-то, находятся в ея распоряженіи. С тѣх пор прошло очень много лѣтъ, теперь она вспомнила об этом и для того, чтобы раз навсегда избавиться от денежных забот, она рѣшила поѣхать в Лондон и получить то, на что имѣла право — за один случайный поступок, совершенный ею больше четверти вѣка тому назад.

Гайто Газданов

(Окончаніе слѣдует).

*
**

Жизнь моя — вѣчная тяжба с судьбой,
Жизнь моя — вѣчная тяжба с тобой;
Оба вы так изувѣрски жестоки,
Оба вы так презираете сроки
Всѣх обязательств своих.
Вечер прохладен, прозрачен и тих,
Воздух такой патетично - весенній,
Мѣсяц..
Нѣт, я совсѣм не хочу об'ясненій.
Ох, эта нѣжная низость твоя!
Ох, эта гордая слабость моя!
„Лучшее... в нас...”
Так улыбаясь, сказав: До свиданья,
Так улыбаясь, кивнув на прощанье,
Начисто я и разсталась с тобой, —
Начисто я и разсталась с судьбой.
Вечер весенній прохладно - прозрачен.
Знаю, мнѣ не был судьбою назначен
Этот вот час.

*
**

Из счастья не вышло ничего:
Мы елки не зажгли на Рождество,

Не встрѣтили мы вмѣстѣ Новый Новый год,
На лыжах мы не бѣгали. И вот —

Опять разлука. О, в который раз
Мужскія слезы из блестящих глаз.

В который раз навѣки - навсегда
Слова, как вѣтер, слезы как вода.

И похоронно - свадебный букет.
Ни прошлого, ни будущаго нѣт.

Ирина Одоевцева.

ШАРЛОТТА БРОНТЭ

К погостам Англїи подходят сливы,
у ангелов там каменная бровь.
О времени не спрашивай счастливых,
несчастливым — памятники приготовь.

Легко сгорает оболочка тѣла,
внутри которой угольный костер.
От близких труб деревня закоптѣла,
но черный крест ея еще остер.

Вокруг церквей едва-ли есть ограда —
но мох, и звон, и карканье ворон.
Больных людей пускать туда не надо:
уныньем их обдаст — со всѣх сторон.

Эмилиа, о дикій куст лаванды,
о лилія, о мертвый соловей.
Таясь от всѣх, ты уносила в ланды
избыток тщетной гордости твоей.

О, долгое отсутствіе свекрови,
о, круглое отсутствіе кольца,
О, варка алкоголику моркови,
и дождь, и назиданія отца!

Уходит грѣх былого поколѣнья,
слѣды оставив дѣтям, не отцам...
Зато страданія, для окрыленья,
дают перо заклеванным сердцам.

И вот Шарлотта с грузной головою
пером гусиным вскрыла бѣдный кров,
Гдѣ три сестры во мглѣ внимали вою
неумолимых сѣверных вѣтров.

Перо она нарѣдкость крѣпко держит:
строенье из неправильных костей,
к несчастью, в глубинѣ своей содержит
притушенное пламя всѣх страстей.

Как я боюсь людей совсѣм хороших:
от них исходят тусклые лучи.
Лишь из глубин, шиповником поросших,
бѣгут ко мнѣ горячіе ключи.

Но лишена я подлинной свободы,
не в ту струю попала я, не в ту!
Безуміе и боль моей породы
благоразумьем связаны в быту.

Скрывая страсть свою под оболочкой,
перо беру я — острый край крыла.
Дочь лѣкаря, я пасторскою дочкой —
одной из Бронтэ — нѣкогда была.

Увы, для нас, в концѣ как и в началѣ,
удачная любовь — чужой сосуд...
Но вдохновенье, знаніе печали,
и время — неудачников спасут.

Анна Присманова

Ж Е М Ч У Ж И Н А

I.

Старый товаро - пассажирскій пароход „Р о с с і я” бросил якорь в полукруглой, окованной темным гранитом - полугорьем, бухтѣ Маската и замер в ней, как влитый в глубокую чашу.

Молодой пароходный доктор Аргиров, недавно окончившій университет, стоял на спардекѣ и с жадностью и волненіем оглядывал уютную бухту, мрачныя скалы и пріютившійся у их подножья небольшой аравійскій городок с бѣлыми кубическими зданіями и темнобронзовыми людьми, тоже в бѣлом, которые двигались по набережной и что-то кричали и жестикулировали, стоя в слегка качающихся лодках около парохода.

Аргиров не только в первый раз пустился в дальнее плаваніе, но и в первый раз выѣхал за-границу, и все поражало его, и все казалось загадочным на Востокѣ. Он, собственно, и мѣсто пароходнаго доктора принял из давнишняго желанія увидѣть Восток. Капитан „Россіи” был старый друг его отца; пассажиров на пароходѣ было мало, и двадцатипятилѣтній молодой человек чувствовал себя скорѣе привилегированным пассажиром перваго класса, чѣм служащим. Сейчас он нетерпѣливо ждал капитана, чтобы отправиться с ним на берег.

Стараго моряка забавляло восторженное настроеніе молодого врача, особенно его любопытство к этой самой тайнѣ Востока.

— Да повѣрьте мнѣ, никакой „восточной тайны нѣтъ”, — снисходительно посмѣиваясь, разубѣждал его капитан. — Я-то Восток знаю: двадцать лѣтъ плаваю здѣсь, да не

только плаваю, но и живал по долгу на Востокъ, хотя бы вот в этом самом Маскатъ — почти год провел в качествѣ представителя нашего пароходнаго общества. Вся эта „Восточная тайна” туман один, литература, — впрочем, и вы вѣдь литературой балуетесь, — отмахнулся капитан, не читавшій никакой беллетристики, кромѣ приключеній Казановы, отличное французское изданіе которых составляло с молодости всю его художественную библіотеку и кощунственно называлось им библіей любви. Теперь ему было уже за шестьдесят, свою библію любви он знал наизусть, но, окончив послѣдній том, начинал опять читать с перваго.

Средняго роста, как бы нѣсколько подсохшій, с глубокими морщинами между бровей, от носа и от губ, он, тѣм не менѣе, был необыкновенно подвижен, ловок и считался одним из лучших и отважнѣйших капитанов. С дѣтства был на морѣ, жить не мог без моря, но, как многіе моряки, не признавался в этом и любил повторять, что, если бы его не связывала с морем нужда, он подходил бы к нему, развѣ лишь для того, чтобы в него плюнуть. Однако, болѣе спокойныя и выгодныя должности на берегу бросал очень скоро. Наиболѣе продолжительный срок его пребывания на береговой службѣ был в Маскатъ, лѣтъ пятнадцать тому назад, но и на то имѣлись особыя причины.

Капитан был тогда молод и, несмотря на свою бродяжную жизнь, пользовался большим успѣхом у женщин. Морскіе навыки выработали у него молніеносную любовную технику, помогавшую его успѣху не только у пассажиров парохода, но и при коротких стоянках на берегу. Любовь молніеносно загоралась, но и почти также погасала, оставляя лишь пріятное воспоминаніе, которое совершенно исчезало бы, если бы капитан, подражая Казановѣ, не вел записок, гдѣ всѣ эти *coups des foudres* были увѣковѣчены. Впрочем, вот уже лѣтъ десять, как он стал опускаться и опьяненіе от женщин замѣнял коньяком и ромом.

Это совпало с его уходом из Маската.

В Маскатъ пятнадцать лѣтъ тому назад капитан, что

называется, сѣл на мель самым странным образом: он был поражен глазами не то арабской, не то еврейской красавицы, жены стараго тоже не то араба, не то еврея. Правда, он слышал о ея необыкновенной красотѣ, но сам, кромѣ ея глаз, ничего не видѣл на лицѣ, закрытом фередже, и тѣм не менѣе, ради этих глаз, он, совершив свой рейс, оставил пароход и поселился в Маскатѣ в качествѣ пароходнаго агента, готовый на все, только чтобы завоевать эти глаза и все остальное, что было достойным образом к ним приложено.

Несмотря на невѣроятныя трудности, ему это и удалось благодаря его предприимчивости и дерзкой отвагѣ, но в южной Аравіи произошло возстаніе не без участія стараго авантюриста, который под маской англійскаго торговаго агента скрывал лик морского пирата, торговца рабами, таившаго в то же время тщеславныя замыслы о могущественном владычествѣ над всей южной Аравіей.

На время пришлось ему бѣжать из своего роднаго Маската, так как авантюра не удалась. С ним вмѣстѣ исчезли и чудесныя глаза. Только через два года он вернулся. Но уже без тѣх чудесных глаз. Тѣ глаза закрылись от неутоленной смертельной жажды в пустынѣ звенящих песков, — в безводной пустынѣ, через которую ему пришлось бѣжать, скрываясь от ирелсѣдованія врагов.

Но старый пират на своих руках донес другіе глаза, освѣщавшіе слабенькое тѣльце малютки, повтореніе тѣх же чудесных глаз, закрывшихся роковым образом за какой-нибудь час перед тѣм, как явилось спасеніе. Теперь эти спасенныя глаза уже видѣли пятнадцать поворотов солнца и освѣщали весь прекрасный юный образ, являвшійся поразительным повтореніем образа матери.

II.

Великолѣпный белем из тиковаго дерева, отдѣланный бронзой и устланный драгоцѣнными персидскими коврами, с двумя черными гребцами - самаліями, сильными и

стройными как древніе боги, подошел к пароходному борту.

Капитан весь в бѣлом и бѣлом шлемѣ, как-то сразу помолодѣвшій, сдѣлал с своего мостика знак доктору, тоже одѣтому во все бѣлое. Вскорѣ, очутившись около трапа, с привычной ловкостью опустился в белем, отклонил с рабской готовностью протянутыя ему руки двух черных рабов и взялся за руль. Доктор вошел в белем вслѣд за ним и, оттолкнувшись от пароходнаго борта, легкая лодка с беззвучно поднимавшимися и опускавшимися в кованных бронзовых уключинах веслами, двинулась по озаренной солнцем водѣ, крутившей в своих оставляемых веслами воронках сверкающія радуги, к гранитной набережной, к бѣлым большим и малым кубам домов, среди которых выдѣлялся один двух-этажный, своей нѣсколько мрачной мавританской архитектурой напоминавшій крѣпость. Когда капитан приближался к этому дому со своим молодым спутником, тот не мог не замѣтить, что моряк, всегда особенно сдержанный в отвѣтственные и опасные моменты, на этот раз, очевидно, переживал нѣкоторое волненіе и даже переступая порог, ощупал карман, гдѣ у него хранился браунинг.

— Вы захватили с собой револьвер? — обратился он к своему молодому спутнику.

Тот утвердительно кивнул головой, однако, вопросительно взглянул на капитана.

— Что вы хотите? Восток, — пробормотал тот в видѣ объясненія. — Впрочем, конечно, чепуха.

Старик невысокаго роста, но широкій в плечах, в великолѣпной шелковой абаѣ и бѣлой чалмѣ, с длинной бѣлой бородой, орлиным носом и орлиными глазами в глубоких впадинах под крутым изгибом густых черных бровей, по звѣриному мягко и плавно вышел к ним навстрѣчу, зорко, но с угодливой восточной привѣтливостью встрѣчая гостей — в то время, как его глаза не только не улыбались, но с какой-то поразительной настороженностью

смотрѣли на вошедших, особенно на капитана. Капитан по восточному отвѣтил на восточное привѣтствіе. Они даже обмѣнялись по-арабски какими-то восточными любезностями, послѣ чего хозяин обратился к молодому врачу по-английски с вопросом, на каком языкѣ из тѣх двадцати языков, которыми владѣл хозяин, предпочитает говорить с ним гость. Заговорили по-французски; капитан, тоже свободно говорившій на шести или семи языках, владѣл французским в совершенствѣ. Послѣ прекраснаго завтрака с шампанским и невиданными доктором сладкими тропическими фруктами, хозяин с восточным радушіем и тщеславіем стал показывать им свои сокровища: рѣдкое и драгоценное оружіе, ковры и ткани, которые своей несравненной красотой и благородством тонов и рисунков могли бы украсить любой музей художественных произведеній.

Но послѣднее сокровище, которое показал им владѣлец этих драгоценностей, поразило доктора больше всего.

Для этого надо было спуститься в нижнее помѣщеніе дома, гдѣ хозяин, собственно, и жил в особенно жаркіе мѣсяцы, то-есть, большую часть года. Если в верхних этажах еще можно было встрѣтить европейскія вещи вроде рояля, столов и кресел, то там, в этом подвальном этажѣ, все убранство было восточное, и лишь одна вещь в углу нѣсколько нарушала стиль — это несгораемая касса, к которой старик и подошел с особенной важностью.

Зазвенѣл ключ, откуда-то вдруг очутившійся в его рукѣ, открылась стальная дзерца, и он молча достал изнутри шелковый зеленый узелок, который также молча развязал и, выбрав одну из хранившихся в нем жемчужин, подошел с ней к окну, находившемуся значительно ниже уровня земли, куда, однако, в этот час дня с аравійскаго раскаленнаго почти до-бѣла неба падали сквозь желѣзную рѣшетку слегка косые солнечные лучи. Эти лучи, подобно небесным мечам, пронзили всю комнату с ея великолѣпными коврами, подушками и диванами, и старик, вдруг ставшій похожим на Шейлока, подняв свою правую руку как

раз до полосы солнечных линий, в которых трепетали радужным блеском пылинки, раскрыл свои длинные, хищные пальцы и властным движением лѣвой руки пригласил гостей приблизиться к нему.

На старческой, иззубренной скрещивающимися морщинами - линиями и как бы кабалистическими, высѣченными рѣзцом судьбы знаками ладони, которая чуть-чуть дрожала, покоилась почти неестественно большая жемчужина. Покоилась?.. Нѣтъ, именно это слово никак не подходило к ней. Наоборот, слабое колебаніе руки заставляло чуть-чуть трепетать ее, средь зазубрин и кабалистических знаков судьбы, на ладони, а пронзившій жемчужину солнечный луч оживлял ее до такой степени, что она казалась одухотворенной, и эта ея божественная душа переливалась необычным мистическим свѣтом. Вот-вот она развернет сокровенныя крылья и улетит сквозь мрачную чугунную рѣшетку в зовущую ее небесную даль по сіяющему пути этих родных ей солнечных лучей к самому сердцу солнца.

Да и не это ли самое солнце родило ее, попав чудом в глубину раковины, присосавшейся к подводным кораллам? Не искру ли солнечнаго луча поспѣшило живущее в раковинѣ существо заключить, как в плѣн, в прозрачную, тончайшую, но крѣпкую оболочку, чтобы навсегда сохранить небесное сіяніе ласки в своих нѣдрах?

В первый раз молодой доктор понял истинную красоту драгоцѣнности. Да, это было вполне одушевленное существо, и как будто лишь притягательная таинственная сила этой мощной ладони удерживала это живое существо от полета.

Доктор не мог оторвать от плѣнной жемчужины глаз, и ему даже послышался ея вздох, внятно излившій свою глубокую жалобу:

— Ужель меня Хаввас достал со дна для этих хищных глаз?

Теперь в этих безконечно много видѣвших старческих глазах, гдѣ затаилась тысячелѣтняя скорбь цѣлаго народа,

свѣтился ревнивый восторг. Его поблекшія, рѣзко очерченныя губы, под коротко, по-восточному остриженными бѣлыми усами, чуть-чуть вздрагивали и шевелились. Он шептал скорѣе для себя, чѣм для других.

— Да, да, — такогс сокровища нѣтъ ни у одного властителя в мірѣ. И не будет, потому что...

Ясно было: он хотѣл сказать, что не разстанется с этой жемчужиной никогда, может быть, возьмет ее с собой в могилу, но опомнился и, сжав ее в своей иззубренной ладони, с затаенной гордостью и спокойствіем оглянулся на своих гостей.

-- Да, да, такого сокровища нѣтъ ни у одного властителя в мірѣ, — повторил его слова капитан.

Старик загадочно улыбнулся.

— Только вам, — насмѣшливо - учтиво отозвался старик — я показал эту жемчужину, дорогіе гости. Такая жемчужина, как любимая женщина, должна быть всегда скрыта от посторонних глаз.

— Но жемчужина умирает, если она лишена прикосновения живого тѣла, — замѣтил капитан.

— О — неожиданно, как для об'ятій раскидывая свои могучія руки, воскликнул старик, и глаза его блеснули неестественно молодым для его семидесяти лѣтъ огнем, — Инша Алла, я надѣюсь, что моя жемчужина не будет лишена этого тепла жизни, пока кровь течет в моих жилах и в моих глазах отражается ея красота.

Он гордо и легко повернулся в своих красных сафьяновых ичагах к стальной кассѣ и, чуть-чуть по-еврейски сутулясь, стал опять завязывать свое сокровище в зеленый шелковый узелок. Это не было старческое хвастовство: семидесятилѣтній пират каждое утро с восходом солнца переплывал туда и обратно маскатскую бухту, и в бурю управляясь с одним матросом на своей разбойничьей фелукѣ.

В то время, как хозяин стоял спиной к своим гостям, безшумно шевельнулась тяжелая бархатная драпировка боковой двери, и молодой доктор на одно мгновенье, толь-

ко на одно мгновенье увидѣлъ дѣвическое лицо, или, вѣрнѣе, — глаза, совершенно сказочной красоты, взгляд которых напомнил ему волшебный блеск жемчужины. Но драпировка тут же замерла в прежнем положеніи, и пораженный гость мог бы принять все это за видѣніе, если-бы, взглянув на капитана, не замѣтил, что тот стоял, поблѣднѣвъ, с взглядом, остановившимся на тяжелой золотистой драпировкѣ.

Но прозвенѣлъ ключ в замкѣ, и хозяин обернулся, извинившись, к гостям. Он, очевидно, не замѣтил этого мгновеннаго движенія драпировки, но нѣкоторое замѣшательство в лицах гостей не укрылось от его зоркаго взгляда. Он отнес это замѣшательство к своему короткому невниманію и поспѣшил загладить его интимным признаніем, что рабу Хаввасу, доставшему со дна Бенгальскаго залива раковину с этой жемчужиной, он даровал свободу и даже возможность вернуться на родину в свою, впрочем уже сожженную, деревню, откуда, вмѣстѣ с другими самалійцами и красивыми самалійскими женщинами, он был увезен в рабство на пиратском кораблѣ тѣм господином и повелителем, которому достал он жемчужину.

III.

— Вот вы подсмѣивались над тайнами Востока, — говорил молодой доктор, когда они с капитаном вышли на набережную, — а между тѣм...

— Это вы относительно того чудовища с рыбьим туловищем и почти человѣческой головой, которое маскатскіе рыбаки поймали в своей бухтѣ?.. — поспѣшил прервать своего спутника капитанъ, напомнив рассказанную стариком за завтраком исторію.

— Нѣтъ, не о том, — я о другой тайнѣ, — попробовал заикнуться молодой человѣкъ. Но капитан на этот раз довольно рѣзко оборвал его.

— Никаких других тайн я не знаю. Вообще оставим.

эту литературу. Не знаю, как вы, а я возвращаюсь на борт. Вот и белем ждет нас.

Но доктор не желал возвращаться так скоро на пароход, гдѣ, к тому-же, начали грузить уголь. Они кивнули друг другу и разстались. Сдѣлав нѣсколько шагов, капитан обернулся и окликнул Аргирова.

— Не совѣтую удаляться от города, хотя бы и с револьвером в карманѣ. Да, помните, вечером мы уходим.

Но до вечера было далеко, и Аргировов вовсе не думал сообразоваться с капитанскими совѣтами.

Он нѣсколько опьянѣл от выпитаго шампанскаго, от новизны всего, что только что видѣл и пережил, а особенно от двух чудесных жемчужин, которыя поразили не одни лишь его глаза. Да, было что-то необ'яснимо родственное в этих двух рѣдкостных сокровищах природы, но, как ни прекрасна была первая жемчужина, вторая все-же затмѣвала ее своей ослѣпительной прелестью.

Однако, напрасно старался он возстановить в своем воображеніи черты мелькнувшаго лица, онѣ ускользали, и оставался один взгляд сказочных глаз, который — он глубоко чувствовал это — никогда, никогда не погаснет в его сердцѣ.

Дикая музыка и крики вывели его из колдовскаго очарованія, вызваннаго этим плѣнительным взглядом: навстрѣчу шла странная процессія.

Изступленные арабы, в черных абаях и бѣлых чалмах бѣсновались впереди этой процессіи с кинжалами в руках, которыми кололи себѣ тѣло и лица. Они скакали, плясали, дико вскрикивая от восторга, боли и крови, текшей из раненых лиц к искаженным устам. За ними двигались верблюды с всадниками и палатками на них, и особенно богато была украшена вмѣстѣ с верблюдом первая палатка, в которой, повидимому, находилось какое-то особенно чтимое существо, навѣрное — женщина, иначе зачѣм-же было скрывать это существо? Величаво верблюда вел старик - араб огромнаго роста с бѣлой бородой, которая мыльной

пѣной клубилась и блестяла на его черном лицѣ. Старик тоже иногда пронзительно вскрикивал и подскакивал перед верблюдом, а по сторонам также крутились в диком танцѣ и кололи себя ножами опьянѣвшіе от экстаза изувѣры.

Все это необычайное зрѣлище, вмѣстѣ с знойным солнцем, освѣщавшим его тоже с какой-то изувѣрской силой, совершенно ошеломило молодого доктора и послѣ всего пережитаго возбудило в нем желаніе покоя. Не слушаясь капитана, он миновал набережную с обычными восточными магазинами, ресторанами и рѣшетчатыми окнами домов и скоро очутился за городом, гдѣ начинались гранитные массивы мрачнаго грифельнаго тона, подобные могилам невѣдомых гигантов.

Кое-гдѣ они были пересыпаны гесками, предвѣстниками мертвой аравійской пустыни, но и между этими глыбами гранита вились дорожки куда-то, может быть, в царство смерти, и по одной из этих дорожек, втягиваемый в глубину этого бездушнаго каменнаго царства, почти безотчетно пошел совсѣм чужой ему пришелец. Может быть, эта дорога вела в самый ад, так она была мрачна, печальна и безжизненна. Ни одной травинки, ни одной птицы. Камни, небо и зной, который шел столько-же от солнца, сколько и от этих камней.

Путник и сам бы не мог сказать, сколько времени он шел, куда и зачѣм. Но вдруг, взгляд его остановило что-то до такой степени неожиданное, что он едва не вскрикнул от радостнаго изумленія: справа над ним, на высотѣ между камнями, тонкое и чуть-чуть искривленное, росло и даже цвѣло бѣлым цвѣтом какое-то невѣдомое деревцо с слабыми и все-же не склонившимися к низу вѣточками. Откуда явилось оно? Вѣтер мог занести зерно и бросить его в каменную расщелину, но как и на чем оно могло произрасти там, зазеленѣть и даже дать этот душистый нѣжный цвѣт, похожій на хлопки снѣга? Какая сила жизни должна была таиться в этом первом побѣгѣ, чтобы вырваться из камен-

ной гробницы, заставить разступиться гранит под своими жадно ищущими почвы корнями, вынести смертоносно знойные лучи солнца и буйство тропических ливней, которые чѣм рѣже, тѣм сильнѣе низвергаются с высоты?

Это было третье свѣтлое чудо природы, возвышенное, как цвѣтущая молитва, трогательное, как улыбка неизреченной красоты. И это новое чудо было также родственно тѣм двум, которыя только что так восхитили и взволновали его. Всего же роднѣе было оно этому мгновенно промелькнувшему женскому плѣнительному образу с дивными глазами. Он не мог отвести взгляда от этого одинокаго и потому особенно волнующаго чуда. Растроганный до блаженных слез, стоял он среди этих мрачных камней, и было так тихо вокруг, что самому хотѣлось затаить дыханіе.

Легкій шорох и шелест заставил его очнуться и оторвать взгляд от чудеснаго деревца. Он обмер от страстнаго восторга, едва вѣря своим глазам: прежде всего он узнал этот взгляд, сказочно-прекрасное лицо, а затѣм восхищенным взглядом охватил и всю эту маленькую легкую фигуру в бѣлом, таком-же бѣлом, как цвѣты деревца.

Она появилась из-за каменнаго поворота в нѣскольких шагах от него и тоже на мгновенье замерла от неожиданности — и тотчас-же исчезла, точно ея и не было совсѣм, точно это была лишь принявшая на миг человѣческій образ душа этого бѣлаго деревца, чудом возросшаго среди камней.

Первым его желаніем, когда он очнулся, было броситься вслѣд за нею, о чем-то умолять ее, сладостно плакать и молиться на нее. Но прежде, чѣм он сдѣлал движеніе, внезапный револьверный выстрѣл заставил его сначала вздрогнуть и прислушаться к его гулкому раскату в потрясенной тишинѣ среди камней, а потом, когда гул выстрѣла еще не успѣл умолкнуть, откуда-то издали до него донесся хрустально прозрачный женскій смѣх, на который такой-же безмолвно звенящей улыбкой отвѣтило одинаково сказочное деревцо.

IV.

В этот день в записках капитана прибавились новые строки: „Опять был в пещерѣ у льва. Он попрежнему силен и крѣпок, точно время бережет его и зубы его все еще цѣлы и страшны, в то время, как я... Но это не важно.

На одно мгновенье видѣл ее, единственное существо, ради котораго еще живет мое сердце. Живой образ своей матери, той, которая всего лишь раз в жизни дала мнѣ ощутить истинную силу страсти. Ея смерть — безсмертіе моей любви. Но она, живая, моя, или его вѣтвь? Если-бы убѣдиться, я знал бы, что мнѣ дѣлать. Знает он или лишь подозревает?

Кто она ему? Судя по тому, что он бормотал о жемчужинѣ, она его любовница, и мой агент утверждает, что она обожает его не только, как отца, но и как мужа. Доказательство — англійскій лейтенант. Что он знал о нашей с ея матерью тайнѣ, — это уж несомнѣнно. Несомнѣнно также, что он лишь по своей безмѣрной любви к ней не убил ея, может быть простил ее и даже не подал вида, что знает. Но почему он не убил, не отравил до сих пор меня, хотя и имѣл полную возможность сдѣлать это не раз: я сам шел тому навстрѣчу? Впрочем, я и сам бы поступил так на его мѣстѣ: болѣе страшнаго отмщенія мнѣ нельзя было придумать, особенно — если у него составилось убѣжденіе, что я считаю ее своей дочерью.

Но если даже знает он — если даже знает она, что.. Да.. Восток. На Востокѣ все возможно. Да и на Востокѣ ли только?

Но к чему спрашивать: знает, или не знает? Только мать не может сомнѣваться, что дитя ея. Да и могла-ли сама мать быть убѣжденной: я или он? Тайна скрыта природой, которая позаботилась в новом образѣ повторить прежнія черты. Я сам не знаю, тянет ли меня к ней только этот прежній образ, или моя собственная кровь”.

.....

У.

На закатѣ маскатская бухта была похожа на траурную чащу из агата, полную золотым причастным вином. Стоя с капитаном у борта парохода, готовившагося к отплытію, доктор рассказал ему о своей необыкновенной встрѣчѣ.

Капитан, глаза котораго казались воспалены не то от отблеска тропической зари, не то от рома, которым было напитано его дыханіе, с видимой непринужденностью выслушал его, закуривая сигару. Помолчав с минуту, он также небрежно произнес:

— Литература. — Затянулся, выпустил клуб сигарнаго дыма, тоже озарившагося золотистым заревом свѣта, и добавил насмѣшливо:

— Хорошо, что мы скоро снимаемся, а то, пожалуй, повторилась бы исторія с англійским лейтенантом.

— С каким англійским лейтенантом? — насторожился доктор, предугадывая новую тайну. — Какая исторія?

— А вот, не далѣе, как в прошлом году, лейтенант англійскаго флота, богач и красавец, влюбился в эту еврейскую, арабскую, а может и не вполнѣ арабскую и не вполнѣ еврейскую, дѣвочку, оставил корабль и поселился в этой трущобѣ, в надеждѣ добиться любви этого полудикаго ребенка и увезти ее с собою, хотя бы, как жену.

— Что-же? — нетерпѣливо спросил доктор, в то время, как капитан с видимым равнодушіем затягивался сигарным дымом.

Тот снова дохнул ароматом сигары и рома и не сразу отвѣтил:

— А то, что красавца - лейтенанта нашли с кинжалом в сердцѣ там-же, среди камней, у того деревца, которое вы так чувствительно описали мнѣ.

— Убійство? Убійство из ревности?..

— Или самоубійство от безнадежной любви.

— Вот видите... А вы недавно говорили мнѣ...

Но капитан уже забыл, что он недавно говорил ему и спокойно закончил:

— Восток. Что вы хотите, — Восток.

А. Федоров

*
**

С каждым годом — все дальше и дальше.
Так и будет — больнѣй и больнѣй.
Сѣроглазый беспомощный мальчик
Скоро выйдет из жизни моей.

Станет скоро большим, своенравным,
Плох, хорош-ли, — не все ли равно?
Будет братъ он у жизни по праву
Все, что только ему суждено.

Расшибется ли, — или добьется, —
Загорится ли ярким огнем, —
Но уже никогда не вернется
В свой задорно-покинутый дом.

В дом холодный, безмолвный, пустынный,
Гдѣ осталась навѣки молчать
Ничего не принеся сыну,
Ничего не сумѣвшая мать.

*
**

Мнѣ холодно. Мнѣ хочется согрѣться.
Сѣсть ближе к печкѣ. Пить горячій чай.
И слушать радіо. И сквозь печаль
Слѣдить, как стынет маленькое сердце.

Как стынет это сердце. А в отвѣт —
Огромный холод в равнодушном мірѣ.
Да музыка, скользящая в эфирѣ
С прекрасных и невѣдомых планет.

„Прекрасных и невѣдомых“? — Едва ли.
Большой концерт в большом парижском залѣ...

Мнѣ очень холодно. Не превозмочь
Моей, ничѣм не скрашенной печали.

И там, на улицѣ, гдѣ стынет ночь, —
И там, гдѣ музыка, в притихшей ложѣ, —
Там холодно и одиноко тоже.

*
**

Я — человек второго сорта.
Без „широты” и „глубины”.
И для чего, какого чорта,
Такие люди рождены?

Зачем? Чтоб нищенкой унылой
Топтаться на чужом пути?
От колыбели до могилы
Себя приюта не найти?

Всегда никчемной и забитой
Всего бояться, все терпеть,
Чтоб у разбитого корыта
Последней душой умереть.

Чтоб, ничего не понимая,
Смотреть в любимые глаза,
За бесконечной чашкой чая
Весь вечер слова не сказав.

Молчать весь вечер, дни за днями,
Молчать всю жизнь, молчать всегда,
Чтоб никудашкими стихами
Вились ненужные года.

Так жить, смешно и неумело,
Не сдѣлав ровно ничего.
Прислушиваться в мирѣ цѣлом
К биенью сердца своего.

И на кровати, в ночь глухую,
В ночь униженья, ночь без сна,
В давно привычном поцѣлуѣ
Испить отчанье до дна.

Ирина Кнорринг

Воспоминанія о балетѣ

5. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Прощаясь с настоящей моей темой, мнѣ все же хочется оглянуться еще раз на то, что я здѣсь рассказал. В частности, я попробую уточнить, чѣм в сущности балет был для меня, и чѣм он в моем представленіи *должен* быть... Как раз тот мой друг (а в нѣкотором смыслѣ и «ученик» мой), который помог творчески выжить моим идеалам в балетѣ, повел во второй половинѣ свей жизни, окончательно освободившись от моего вліянія, балет в совершенно ином направленіи, нежели принятом вначалѣ, и это направленіе я не могу не считать *ложным*.

Все на свѣтѣ подвержено закону измѣненія, эволюціи: «все течет» — как это уже двѣ тысячи лѣт тому назад опредѣлил один греческій мудрец. Нѣт и не может быть остановок. Но развѣ из этого слѣдует, что *любое* теченіе и во *всякое время* слѣдует считать благополучным? Развѣ иное теченіе не встрѣчает на своем пути и пороги и катаракты и омуты? Развѣ нельзя в извѣстный момент почувствовать, что теченіе приняло опасный поворот и развѣ тогда не слѣдует это направленіе выправить? Неужели надо *все* благословлять и *со всем* мириться? Мнѣ и кажется, что балет ультрапередового характера завело куда то в безысходный тупик, и, ощущая это, мнѣ кажется полезным осознать опасность и попытаться из нея выбраться.

Позади время, когда балет был чѣм то осмысленным, поэтическим, тѣсно связанным с другими искусствами и *больше всего с музыкой*. В сущности, можно видѣть в балетѣ как бы пластически-кристаллизированную музыку. Теперь же он имѣет тенденцію совершенно эмансипироваться даже от музыки и стать чѣм то абсолютно самодовлѣющим.

Балет—одно из самых послѣдовательных и цѣльных выражений идеи *Gesamtkunstwerk'a*, и именно за эту идею наше поколѣніе готово было положить душу свою...

Не даром зарожденіе «новаго» балета (того, что и вылилось затѣм в так называемые *Ballets Russes*) получилось отнюдь не в средѣ профессионалов танца, а в кружкѣ *художников*, в котором, при внѣшнем преобладаніи элемента живописнаго, объединяющим началом служила идея *искусства в цѣлом*. Все возникло из того, что нѣскольким живописцам и музыкантам *захотѣлось увидѣть* болѣе цѣльное воплощеніе бродивших в них театральных мечтаній. Но я настаиваю на том, что в мечтаніях этих не было ничего *спеціального и профессиональнаго*. Напротив, было *горькіе к искусству вообще*.

Случилось затѣм так, что в лицѣ Фокина и Стравинскаго мы нашли тѣх людей, которые, развившись в сторонѣ от нас и принадлежа къ другому поколѣнію, жили мечтаніями, схожими с нашими. Получилось своего рода «чудо» какой то *нужной для них и для других встрѣчи*. Случилось еще и то, что единственный представитель в нашем кружкѣ дѣловаго начала (Дягилев) оказался постепенно зараженным общими для нас идеалами. Он и способствовал тому, чтоб наши идеалы получили свое осуществленіе. Но, повторяю, идеалы наши вовсе не были сведены к одному балету, а касались всего міра искусства. *Міром Искусства* и был назван наш журнал, наш орган, то, что являлось нашим первым общим дѣлом, то, чѣм еще до нашего приобщенія к театру (и, в частности, к балету) мы пытались воздействовать на общество. Но в дальнѣйшем, дѣйствительно, на балетѣ часть нашей группы как то лучше всего «спѣлась», и мы смогли в созданіи балетных спектаклей дружиѣе и плодотворнѣе работать...

К сожалѣнію, состояніе такого единенія продолжалось всего только нѣсколько лѣтъ, а затѣм явились обстоятельства грознаго и грандіознаго, но внѣшняго характера, война и революція, раз'единившія нас, и мы надолго потеряли друг друга из виду. Когда же внѣшнія обстоятельства позволили кое кому из прежняго кружка снова сойтись, то оказалось, что во взглядах и во вкусах даже весьма близких людей произошли значительныя измѣненія. Идеалы перестали быть общими. С этого момента я лично и почувствовал, что то дѣло, которое было когда-то нашим общим, коренным образом измѣнило свое направленіе. И тогда же мнѣ помере-

шилось в будущем нѣчто довольно таки кошмарное, что являлось вполне логичным слѣдствіем этого измѣненія.

Нынѣ в «наиболѣе передовых» проявленіях балетнаго творчества я нахожу тот же «психоз экспериментализма во что бы то ни стало», который, благодаря дѣйствіям «профессиональных держателей» (вродѣ Мейерхольда), уже привел драму к весьма печальному кризису. Впрочем, как раз в области драмы, за послѣднее время уже намѣчается извѣстное отрезвленіе; ересь как будто начинает себя изживать, и этому я от души радуюсь. Однако, насколько я был бы еще болѣе счастлив, если бы я увидал, что и в области, особенно близкой моему сердцу, в балетѣ, происходит такое же проясненіе, что балет выбирается из того тупика, в который его загнали, под рукоплесканія толпы.

Все течет, все мѣняется, все должно мѣняться, все *не может не мѣняться*. Однако, через всѣ измѣненія в человѣческом художественном творествѣ проходит одна живительная струя, — та самая, что придает ему характер *подлинности* — это *искренность*. Истинная радость получается от сознанія, что твореніе, будь то пластическіе образы (в том числѣ и *спектакль*), будь то музыкальные звуки, будь то мысли и слова, соотвѣтствует какой то внутренней подсказкѣ или тому, что принято называть «вдохновеніем».

Но только пока это соотвѣтствіе существует, рождается подлинное искусство и рождается *красота*; когда же оно замѣняется суетным желаніем поразить и удивить новизной или, что еще хуже, желаніем «быть по модѣ», то искусство и красота исчезают, а на мѣсто их является унылая поддѣлка, а то и попросту *уродство*.

Я еще застал эпоху, когда в балетѣ все обстояло, как в богоспасаемой далекой глуши — самым благополучным образом. И в то же время то была эпоха полной неосознанности. В сущности, тогда, когда я стал увлекаться театром со всѣм энтузіазмом своих четырнадцати и пятнадцати лѣтъ, русское балетное искусство пребывало в состояніи извѣстной момификаціи, но как раз эта момификація русскаго балета уберегла его от того упадка, который постиг всѣ другія и даже самыя знаменитыя балетныя европейскія школы в послѣднюю четверть XIX вѣка.

Балет продолжал жить в Россіи своей жизнью, гдѣ-то в сторонѣ от прочей суетоки и скорѣе как то по инерціи, причем, од-

нако, особым счастьем надо почитать то, что о нем с рѣдким рвеніем пеклись два таких знатока своего дѣла и два таких превосходных художника, какими были Югансон и Петипа. Благодаря им, при всей «традиціонности» школы и приѣмов композиціи, в русском балетѣ сохранялась какая то прямо таки чудесная свѣжесть. И в таком состояніи русскій балет дожил до директорства Всеволожскаго, при котором и таланты названных двух ревнителей, и самая традиціонность пригодились удивительным образом дабы учредить эру невиданнаго и единственнаго расцвѣта.

И я должен почитать за *особенное счастье* именно то, что в самые тѣ годы, когда душа начинает с особой жадностью искать живительных впечатлѣній в искусствѣ, я «сподобился» получить их от нашего Петербургскаго балета, как раз *именно тогда* вступившаго в эту свою счастливую эпоху. И развѣ нельзя видѣть особую «милость Аполлона» в том соединеніи элементов, которое произвело помянутый расцвѣт? Чудесно соединились тогда «подлинная вельможность» Всеволожскаго, зажигающая пламенность геніальной Вирджиніи Цукки, творческое вдохновеніе Петипа, превосходное состояніе театральнаго училища и, наконец, готовность такого музыканта, как Чайковскій, создавать музыку для балетов... Я же все тогда возникавшее вкушал с жадностью своих юных лѣтъ и в самый момент, когда оно возникало. При этом вкушеніи я испытывал наслажденье, не утратившее своей возбуждающей силы даже нынѣ по прошествіи стольких, стольких лѣтъ!

Вслѣд за этой счастливой порой, длившейся приблизительно с 1884 по 1895 год, наступил період извѣстной усталости и тусклости. Отвѣдав тѣх радостей, было теперь тяжело видѣть, как русское художество в цѣлом, а в составѣ его и балет, стало клонить к омертвѣнію. Явленіе это обострилось, когда во главѣ театральнаго дѣла в Россіи, послѣ двухлѣтняго робкаго директорства кн. Волконскаго, встал В. А. Теляковскій — человек, если и обладавшій большим практическим смыслом и даже чѣм-то похожим на вкус, то все же внутренне грубый и абсолютно чуждый всякому поэтическому чувству; человек с «типично - тривиальной» душой.

Мнѣ и моим друзьям (энтузіастам театра вообще и балета в частности) было невыносимо смотрѣть на этот упадок, который не спасали ни талантливость исполнителей, ни роскошь постановок. Нам хотѣлось спасти самое дорогое нам дѣло, вернуть ему постепенно выдохнувшуюся из него жизнеспособность. Наше объединеніе

«Мір Искусства» могло бы принести на дѣло этого спасенія достаточно сил и достаточно пыла, но, к сожалѣнію, общія обстоятельства в Россіи 1900-х годов не давали нам ходу. Самый опыт моего «Павильона Армиды» остался бы одиноким и бесплодным, да и всей талантливости Фокина едва ли удалось бы основать какую-либо новую эру там, гдѣ прочно и глубоко вѣдрилась антихудожественная по своему существу психологія. И вот тогда мы и стали думать о каком-то собственном, ни от кого, кромѣ как от нас самих, не зависящем дѣлѣ, и в то же время у нас явилась идея показать это наше творчество в новых мѣстах, приобщить к нему новыя массы. В Париж мы во всяком случаѣ повезли *не начавшій клониться к упадку, мертвѣвшій императорскій балет*, а нѣчто от него отдѣльное — *наш балет*, нѣчто вполне отвѣчавшее нашим идеалам, нѣчто такое, что возрождало радости нашей юности и в то же время обѣщало какую-то дальнѣйшую эволюцію на уже намѣченном пути.

То, что мы показали Европѣ с 1909 года по 1914 год в «Павильонѣ Армиды», в «Шехеразадѣ», в «Жар-Птицѣ», в «Петрушкѣ», в сущности вовсе пожалуй и не *балет* в прежнем и в узком смыслѣ слова, а это как бы цѣлая новая форма спектакля, в основаніи которой, однако, лежало извѣстное возобновленіе традицій петербургскаго балета. Мы отнюдь не задавались цѣлью поразить чѣм то, *никогда* еще не виданным, а главным нашим желаніем было приобщить европейскую публику к тому, что мы сами особенно любили, что когда то было прекрасно, что нас когда то окрыляло, но что затѣм стало падать, меркнуть, и чему мы стремились вернуть прежнюю прелесть жизненности. Подобным возрожденіем русскаго балета нам не было дано запясться на родинѣ, и поэтому, как это ни странно, мы стали этим возрожденіем заниматься для чужих, для *иностранцев*.

Тут же умѣстно вспомнить то, что чудесный русскій балет не был в Россіи продуктом мѣстным, почвенным, національным, но это было нѣчто, занесенное извнѣ и продолжавшее свое существованіе на новой родинѣ благодаря, главным образом, попеченію иностранных же талантов — Дидло, Сен - Леона, Перро, Югансона, Петипа и т. д. Но только почва в Россіи оказалась болѣе воспримчивой, нежели гдѣ-либо — настолько даже воспримчивой, что насажденное устояло перед всѣми политическими бурями и

нынѣ продолжаетъ тѣшить публику СССР точно так же, как оно тѣшило царскій двор и вѣрноподанных русских самодержцев.

Несомнѣнно, что если бы мы явились в Европу в качествѣ представителей какой-то *экзотики*, мы бы и тогда взбудоражили европейское и общемировое мнѣніе. Но такой успѣх не был бы столь же значительным и столь же прочным. Напротив, самый тот факт, что мы Европѣ показали *европейское* же, нѣчто чудом консервированное и в то же время преобразованное и оживленное — это и придало нашему выступленію особое значеніе и способствовало его особому успѣху.

Однако, уже и тогда, вскорѣ послѣ наших первых выступлений, слышались рядом с голосами, пѣвшими нам гимны, и такіе, которые высказывали извѣстныя пожеланія во имя «болѣе передовых» чаяній. Если для одних мы были достаточно (а то и *слишком*) «авангардными», то для других русскіе балеты не представлялись стоящими на уровнѣ того, чѣм жило наиболѣе передовое европейское художество. И как раз к *этим* послѣдним голосам Дягилев был особенно чувствителен, они его волновали и беспокоили в чрезвычайной степени. Вообще, единственно, что могло по настоящему встревожить нашего героически отважнаго «вождя», это критики, обвинявшіе его в отсталости или хотя бы журившіе его за остановку. Черта эта была хорошо знакома и нам, его самым близким, изучившим в малѣйших подробностях его натуру. Лучшим средством «напугать» Сережу было указать на то, что он не поспѣвает за вѣком, что он отстает, что он «погрязает в рутинѣ». К этому, своего рода, шантажу часто прибѣгали Бакст и Нувель, но не безгрѣшен был и я в этом отношеніи. И вот податливость Сережи на такое воздѣйствіе сдѣлала его безоружным тогда, когда на смѣну нам явились люди, для которых «культ передовитости *an und für sich*» превратился в какую-то *profession de foi* и котрые возвели всякое чудачество и всякую гримасу в своего рода абсолютный закон художественнаго творчества. С момента же «вынужденной изоляціи» Сергѣя (с 1914 г.) уже некому было удерживать его, напоминать ему о том, что в сущности мы ставили себѣ главной цѣлью, что было, при неограниченном свободомысліи Мира Искусства, единственным непоколебимым и животворящим принципом, — о какой-то *внутренней правдѣ*.

Дягилева, оставшагося одиноким, умчало куда-то в сторону от прежняго пути то типичное для конца XIX вѣка явленіе, кото-

рое получило затѣмъ необычайное развитіе и которое извѣстно под названіемъ «снобизма». В сущности оно существовало во всѣхъ переутонченныхъ центрахъ культуры и во всѣ вѣка. Над чѣмъ, как не над тѣмъ же «снобизмомъ», издѣвался Мольеръ, в своихъ «*Précieuses Ridicules*»? Но только, пожалуй, никогда еще это духовное и формальное кривляніе в поискахъ за «последнимъ словомъ» не достигало такихъ геркулесовыхъ столбовъ абсурда и безобразія, какихъ оно достигло в Парижѣ в первые годы XX вѣка. Поистинѣ тогда наступилъ какой-то триумфъ Маскарилей и Жюделэ, и тяжело приходилось тѣмъ, кто пробовалъ теперь срывать маски со всевозможныхъ мистификаторовъ. От природы Дягилеву («изолированному Дягилеву») такое разоблаченіе не было и в малѣйшей степени свойственно; напротивъ, его соблазняло и здѣсь занять положеніе какого-то вождя, и это, если и создало ему специфическій ореолъ, то все же в корнѣ стало измѣнять самый духъ всего возглавляемаго имъ дѣла.

Нужно при этомъ прибавить, что «Маскарильяда» вовсе не исключаетъ «даровитости». Тѣ, кто думаютъ, что успѣхъ разныхъ передовыхъ явленій созданъ исключительно благодаря шарлатанскимъ приѣмамъ и художественному ажіотажу, тѣ, разумѣется, совершаютъ тяжелую ошибку. Безъ настоящаго *соблазна*, безъ *соблазна даровитости*, и самые ловкіе ловкачи ничего не могутъ достигнуть. Но вотъ соединеніе подлинной (а подчасъ и очень яркой) талантовости со снобизмомъ учредили во всѣхъ художественныхъ дѣлахъ нашего времени такую чудовищную путаницу, что разбираться в ней стало особенно трудно. Гдѣ кончается любительство и диллетантизмъ, гдѣ начинается подлинное мастерство? Гдѣ кончается искреннее исканіе новой красоты, а гдѣ начинается жонглерство и «эпатированіе»? Все оказалось смѣшаннымъ, и Ложь, о паденіи которой еще не такъ давно печалился Оскаръ Уайльдъ, нынѣ впутывается во всевозможныя проявленія подлинности!

При этомъ сколько народилось сектъ, ученій, символовъ вѣры, формулъ и теорій! Какіе появились хитроумные специалисты по всякимъ доктринамъ, какіе явились извилистые и блестящіе софисты и настоящіе профессионалы парадокса. Дягилевъ безъ того былъ предрасположенъ къ тому, чтобы принять участіе в этой идейной и творческой сатурналіи, и не мудрено, что его втянуло в этотъ омутъ. Оторванный отъ родной почвы, а затѣмъ навсегда утерявшій воспитавшую его родину и образовавшую его среду, растерянный в душѣ и чѣмъ то хронически запуганный, онъ рѣшилъ «встать во главѣ

движенія», опередить и самых передовых. Говорят, храбрость, выказываемая иными героями, имѣет в основѣ своей «боязнь трусости». Эта форма храбрости составляла и сущность характера Дягилева. Она его подвинула на то, что способствовало распространению многого дѣйствительно прекраснаго, но она же затѣм сдѣлала из него какого то паладина всякой модернистской чепухи.

Когда, проведя девять лѣтъ в разлукѣ с другом и не получая за все это время никаких толковых свѣдѣній о том, что творится в Парижѣ и чѣм Дягилев занят, я в 1923 году увидел новыя произведенія Дягилевской антрепризы, меня охватило сильное смущеніе. Это смущеніе было тѣм сильнѣе, что я не мог оставаться равнодушным к тому, что в этом новом было плѣнительнаго, — иначе говоря, к тому, что в этом было талантливаго. Мнѣ хорошо была знакома помянутая склонность Сергѣя ко всякаго рода крайностям, служившим тому, чтобы создавать любимые его «пампсы». Но в прежніе годы многое все-же сдерживало его, и больше всего таким сдерживающим началом служил «контроль» друзей. Теперь же, послѣ того, что из всѣх его прежних друзей остался с ним один лишь Бакст, талант котораго он охотно эксплуатировал, но с мнѣніем котораго он не считался, Сережа поддался своей склонности к «эпатированію во что бы то ни стало», и склонность эта развернулась во всю, подзадориваемая людьми, столь же падкими на всякаго рода эпатированія, как и он.

Отсюда получился «новый дух» в Дягилевском дѣлѣ. Этот дух поразил неожиданностью меня, но с ним уже настолько успѣли свыкнуться и сам Сережа, и Стравинскій, и вся группа, и ближайшіе «fervents», что всѣ они этой самой переменѣ в атмосферѣ не замѣчали, а находили создавшееся положеніе вполне нормальным. Когда милый Левушка Бакст увидел, что он уже не в силах больше противодѣйствовать тому, что его возмущало, он поссорился на смерть с Дягилевым, отошел в сторону и уже с того момента не принимал больше участія в дѣлѣ, когда-то столь близко лежавшем к его сердцу. Главными же консультантами Дягилева были теперь «новые люди»: Жан Кокто, который до 1914 года был у нас скорѣе на положеніи *enfant terrible*, но за годы войны успѣлъ занять вакантное (освободившееся послѣ Монтеスキю) мѣсто арбитра парижских эlegantностей, а вмѣстѣ с ним Б. Кохно, состоявшій при Дягилевѣ в качествѣ секретаря и ставшій присяжным его вдохновителем, и, наконец, супруг Н. Гончаровой—М. Ф. Ларионов.

Внутренняя пустота людей, окружавших Серезу, была мнѣ очевидна, она не могла быть по душѣ и ему, однако, он всецѣло отдался им в руки.

Первые мѣсяцы моего тогдашняго пребыванія в Парижѣ (осень 1923 г.) прошли без того, чтоб я *видѣл* самые плоды этого новаго курса. И внѣшне между нами как будто все было по старому. Сереза поручил мнѣ постановки опер Гуно, которыми он пожелал ознаменовать в Монте - Карло столѣтіе со дня рожденія автора «Фауста»: «Le Médecin malgré lui» и «Philon et Baucis». Но затѣм, с момента, когда начались балетныя репетиціи и спектакли в Монте - Карло, я увидал, что дѣло обстоит неладно.

Многое, повторяю, меня *плтило*, а от новаго произведенія Стравинскаго «Пульчинелла» я даже был в упоеніи. Затѣя связать культ музыки Перголезе с каким-то издѣвательством над нею же удалась Стравинскому в высшей мѣрѣ, и я не знаю в музыкальной литературѣ произведеній, в которых подобное «святотатство» было бы облачено в столь же *соблазнительную* форму. Этого может быть не слѣдовало дѣлать, но сдѣлано оно было так, что никак нельзя было сѣтовать на получившійся результат. Выверг, гримаса, но и нѣчто, что можно уподобить *гениальной* музыкальной клоунадѣ. И как это было *похоже на Стравинскаго*. — а вѣдь Стравинскій продолжал быть тогда одним из моих самых дорогих музыкантов! В соотвѣтствіи с музыкой находилась и «нелѣпо придуманная и кое как намазанная» декорація Пикассо и его костюмы, напоминавшіе наряды уличных акробатов; наконец, было что-то необычайно «угаданное» в стилѣ хореографіи Мясина *). И как все это было станцовано!

Прелестен был и другой балет, положенный на старинную музыку, — а именно «Les femmes de bonne humeur», хотя и подбор музыки Скарлатти и ея модернизация неизмѣримо уступали тому, что было произведено с Перголезе. Бакст сдѣлал (еще до разрыва с Дягилевым) очаровательные костюмы, напоминавшіе тѣ, что видишь на старинных фантошках, и в гармоніи с ними находилась выдержанная в бурях топах, декорація, на которой безобидной

---

*) Послѣ того я видѣл еще двѣ другія постановки того же «Пульчинеллы», оба раза созданныя весьма талантливыми людьми (Лопуховым в Петербургѣ и Романовым в Монте - Карло), но обѣ погубили хрупкую красоту этого парадоксальнаго произведенія, усложнив и «углубив» сюжет.

уступкой времени явилось лишь то, что зданія на ней казались слегка наклоненными. Откровенной гримасой было то, что хореографіи был придан маріонеточный характер: гротескные персонажи этой балетной интерпретаці Гольдони двигались и жестикулировали точно подергиваемые за ниточки. Но такая «пикантность» не мѣшала все же спектаклю «*Femmes de bonne humeur*» производить чарующее впечатлѣніе.

Зато весьма от этого отличными показались мнѣ другіе балеты, шедшіе «под фирмой Дягилева», и это — несмотря на то, что хореографія в них была создана художницей, в рѣдкій талант и удивительную воспримчивость которой я повѣрил один из первых. В общем эти созданія меня тревожили, а моментами они меня и *огорчали*. В «*Viches*» меня плѣнил эlegantный и граціозный эклектизм музыки Пуленка, в музыкѣ «*Fâcheux*» граціозная шутливость Орика; с наслажденіем я услышал снова чарующую музыку Монкклэра, которая теперь служила балету «*Les tentations de la Bergère*», хотя ея и не украшало то, что ей была придана большая звучность. Тѣм не менѣе, опредѣленное кокетничанье модернизмом во всем слишком лѣзло вперед и сообщало этим балетам тот налет проходящей модности, который послѣ временнаго успѣха способствует особенно быстрому увяданію художественных произведеній. Безсвязность и нелѣпость эпизодов лишала их чего-либо захватывающаго; это были скорѣе какіе-то «фуарные парады», нежели настоящія театральныя дѣйства. И не спасала дѣла постановочная сторона — «пластельная блеклость» Мари Лорансен, «вкусная грязь» Брака или безпомощная попытка Гриса возсоздать старинную театральную пышность.

Внѣшне наши отношенія с Сережей оставались прежнія. В нем даже появилась ко мнѣ какая-то нотка небывалой прежде нѣжности. В этой ноткѣ слышалось не то какое-то извигеніе: «ты, мол, прости мнѣ мои грѣхи», — не то и какое-то торжество: «вот де, старина, как далеко мы здѣсь ушли вперед с тѣх пор, что освободились от своего провинціализма»...

О возстановленіи же моей «опеки» над Сережей не могло быть и рѣчи. Сережа вѣрил теперь другим совѣтчикам и считал, что он вполне усвоил себѣ истинные запросы времени — самые передовые из передовых запросов. Одобренія его молодых соратников окрыляли его на новые подвиги, а мои увѣщеванія казались ему столь же скучными, как «бубненіе» всякаго другого почтеннаго

ментора. Какое то душевное кокетство, какое то непобѣдимое желаніе казаться молодым заставляли его ненавидѣть вообще все, что представлялось ему под видом — «трезваго благоразумія». На самом дѣлѣ я готов был идти и на еще болѣе рискованные эксперименты, нежели тѣ, которые теперь занимали Сережу, но основным началом всякаго творчества оставалось для меня «подлинное художественное побужденіе»...

И позднѣйшіе Дягилевскіе балеты меня иногда радовали, но чаще они огорчали — все той же «чертой эпатирования во что бы то ни стало». Особенно же меня раз огорчил пустяшный балетик «*Chatte*» имѣвший, однако, очень большой успѣх у публики и даже, пожалуй, способствовавший новому притоку поклонников *Ballets Russes*. Успѣх «*Chatte*» в то же время доказывал, что парижское общество, в достаточной степени развратившись, готово теперь мириться и с величайшими нелѣпостями, гутировать и худшія уродства, лишь бы ему это было подано с этикеткой: «самоновѣйшее». В одном только нельзя было отказать «*Chatte*» — это в какой то своеобразной *гармоніи*. Безсмысленности фабулы вполне соответствовали и салонный дилетантизм музыки *Согэ* (*Sauguet*), и жалкій схематизм «конструктивной» декорации, и полное игнорированіе красочности, и отсутствіе какой либо осмысленности в костюмах. Получился настоящій ансамбль, единственным диссонансом в котором являлись лишь грація и мастерство исполнителей. Казалось при этом, что артистам должно быть очень не по себѣ среди этих подобій стеклянных приборов, точно попавших сюда из какой то лабораторіи, сооруженной сумасшедшим маниаком.

Не уступали безсмысленности и уродству «*Chatte*» и другіе ультра - модернистскіе или ультра - снобистическіе балеты Дягилева: «Лисичка», «*Matelots*», «*Train bleu*» и т. д. Но все это было превзойдено «Стальным носком» (*Pas d'acier*), в котором к глупости и к кривлянію прибавилось еще нѣчто *гаджое*. Поиски новаго, желаніе идти с вѣком довели Сережу, нашего «аристократа» Сережу, в «Стальном Носкѣ» до того, что он на сценѣ *Opéra* представил своего рода апофеоз совѣтскаго строя. «Стальной Носок» может вполне сойти за одно из тѣх казенных прославленій Индустриализаціи и Пролетаріата, в каких изощряются, согласно «соціальному заказу», официальные пѣснопѣвцы СССР. В своем циничном усердіи, авторы и постановщики балета дошли даже до

того, что они торжеству фабричных трудящихся противопоставили издвательство над буржуазией. На сценѣ, рядом со всякими представителями «побѣдившаго класса», топтались тѣ дамы общества, что в дни чудовищной нужды пытались на рынкѣ сбывать за нѣсколько копѣек случайные остатки своего былого благополучія. Прокофьев, автор наивно имитационной музыки, шипящей и свистящей на подобіе какой либо сталелитейной фабрики, поступил затѣм совершенно послѣдовательно — отправившись по созданіи этого шедевра в СССР, гдѣ он преуспѣвает и понынѣ. Дягилев же только временно предавался мечтѣ о том, чтоб завязать с Совѣтами какія то дѣловыя отношенія, в виду чего он даже подружился с Маяковским.

Впрочем, Сережа вообще как будто начинал томиться от всей той лжи, в которую его втянул «культ послѣдняго слова», и я не могу забыть той бесѣды, которую я имѣл с ним за год до его смерти, когда он, без того, чтоб я его вызвал на то, стал передо мной оправдываться в «странности своих поступков». Ноша, которую он взвалил себѣ на плечи (и которую он уже нес цѣлых двадцать лѣтъ), становилась ему непосильной. Единственную настоящую отраду он находил теперь не в том дѣлѣ, которое его возвеличило перед всѣм свѣтом, а в интимном коллекціонерствѣ. Это было своего рода возвращеніе к тому самому, «с чего все началось», когда он в 1895 г. мнѣ писал о «Музеѣ Сергѣя Дягилева». Он теперь стал библиофилом и притом *русским* библиофилом. В немного лѣтъ его библиотека, для которой он, «бездомный», нанимал специальную квартиру, разрослась до весьма значительных размѣров. Сережа тратил большія суммы для удовлетворенія этой страсти и бывал безгранично счастлив, когда ему удавалось «откопать» и «выцарапать» какой либо экземпляр чрезвычайной рѣдкости. В будущем ему теперь рисовался идеал покоя, извѣстнаго *Otium cum dignitate*. Дягилев видѣл себя в своем кабинетѣ за свѣрккой каких то текстов, за составленіем каких то комментариев. Там он не царил бы над толпой строптивых, тщеславных и издерганных людей, а общался бы с лучшими умами, с лучшими проявленіями культурнаго прошлаго — притом прошлаго своей родины, той самой родины, в которую ему уже не было возврата, но которую он не переставал обожать, несмотря на все свое «западничество», несмотря и на ту метаморфозу, которая с этой родиной произошла...

Умер Сережа неожиданно для всѣх, послѣ нѣскольких дней продолжавшагося заболѣванія. И умер он, согласно пророчеству какой то цыганки, — «на морѣ», однако не на кораблѣ, а в отелѣ на Лидо, выходящем своими окнами на Адриатику. Уже многіе годы он ѣздил стдыхать послѣ всѣх тревоженій «созданія сезона» и всяких мучительных турнѣ — в Венецію. Там же этот глубоко русскій человек, соединившій в себѣ всѣ характерныя особенности русской культуры, и покоится вѣчным сном на поэтичном кладбищѣ *San Michele*. На обожаніи Венеціи я как то особенно с ним сходился — независимо от нашего дѣлового и творческаго общенія. О Венеціи Сережа говорил со странным умиленіем, весьма похожим на то, с которым он говорил о русской деревнѣ, о березовых рощах, о звонѣ русскихъ церквей, о ширѣ рѣкъ и полей... К Венеціи он питал тѣ же, я бы сказал *родственные* чувства, которыя питаю к ней я. Но во мнѣ при этом несомнѣнно говорит какой то атавизм. Находясь в Венеціи, попирая ногами плиты площадей и улиц, всходя и сходя по безчисленным мостам, плывя в гондолѣ, проникая в прохладную мглу церквей, я испытываю особое умиленіе, когда представляю себѣ, что по тѣм же улицам и мостам ступали мои предки, что гондольер, стоя за ихъ спиной, так же вскрикивал на поворотах, что в этихъ же самыхъ *San Staë*, *San Moïse*, молились мои дѣдушки и бабушки! Но откуда взялась у *Сережи* эта «манія» Венеціи? Отчего он именно ее предпочелъ всему остальному на свѣтѣ? В этомъ дѣйствовала не одна предилекція просвѣщеннаго диллетанта, не одинъ эстетическій культ и уже вовсе не мода, но глѣбоже болѣе глубокое, пожалуй, тоже своего рода «атавизм»... Не даромъ же главная городская артерія в Венеціи называется «Берегомъ Славянъ», не даромъ же базилика Святого Марка является какой то провинціальной сестрой визактійской святой Софій, а, слѣдовательно — и «дальней родственицей» русскихъ Софій в Новгородѣ и в Кіевѣ... Да и в художествѣ Венеціи Дягилев находил особое удовлетвореніе тѣмъ «мятежнымъ» чувствамъ и той жаждѣ простора, которыя жили в его подлинной *âme slave*. В икопной благодати мозаик, в безудержном, подчасъ доходящем до абсурда своеволіи Тинторетто, в упадочно - царственной граціи, в ясной праздничности безгранично воздушныхъ плафоновъ Тиэполо, онъ встрѣчалъ такіа созвучія себѣ, какихъ онъ не могъ найти нигдѣ.

Сергѣй любилъ в кругу друзей прихвастнуть своимъ происхожденіемъ *de main gauche* отъ Петра I. Онъ едва ли вѣрилъ этой

семейной легендѣ (которую быть может он сам и выдумал), но что в нем *было* что-то от Петра — это все же несомнѣнно. Когда я создавал свои иллюстраціи и картины, в которых центральной фигурой являлся Петр Великій, я невольно себя представлял, *toute proportion gardée*, Серезу—не столько *au physique*, сколько *au moral*. И то же знаніе Серези помогло мнѣ приготовить артиста Мудзалевскаго к созданію им в драмѣ Мережковскаго «Царевич Алексѣй» труднѣйшей роли Петра. В Дягилевѣ несомнѣнно жила та *природная властность*, тот проникающій в самую суть вещей, ум, часто и без всякаго знанія этих вещей, то же умѣніе угадывать людскія слабости и на них играть, что составляют основной характер преобразователя Россіи. Дягилев был природным вождем, и не случись так, что жизнь случайно сблизила его с художниками, быть может, он свой дар проявил бы на болѣе широком и значительном поприщѣ, нежели балет, и даже нежеліи вся область искусства. Однако, и в этой ограниченной сферѣ Дягилеву удалось основать своего рода «державу», и эта держава не умерла послѣ него. Она продолжает жить, переходя от одного «властителя» к другому, или даже дробясь между «діадохами».

Никогда еще Терпсихора не властвовала так над человѣчеством, как в наши дни. Мнѣ, живо еще помнящему то время, когда ея триумф в дни Появленія Цукки и постановок Всеволожскаго только еще начинался, мнѣ этот триумф представляется особенно удивительным. Но к сожалѣнію, я не могу сказать, чтоб меня всѣ формы, в которых выливается торжество этого, мной с самаго малолѣтства обожаемаго дѣла, радовали. Самое чрезвычайное распространеніе его скорѣе меня огорчает; точнѣе, я вижу в нем опасность постепеннаго опошленія. Мнѣ жалко, что из состоянія чего-то очень замкнутаго, но сколь в своей замкнутости очаровательнаго и изысканнаго, — балет превратился в нѣчто общедоступное и всемірно распространенное. С другой стороны, это в порядкѣ вещей, и я утѣшаю себя мыслью, что нынѣ под всякими долготами и широтами, в странах, управляемых самыми разнообразными режимами и заселенных самыми разнородными расами, могут найтись такія же воспріимчивыя натуры, какими были мы, когда впервые оцѣнили балет.

Александр Бенуа

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

17. — СТОЛЫПИН ПРИГЛАШАЕТ ШИПОВА ВОЗГЛАВИТЬ КАБИНЕТ РОСПУСКА. — ШИПОВ ЗАЩИЩАЕТ ПЕРЕД ЦАРЕМ КАДЕТСКИЙ КАБИНЕТ МУРОМЦЕВА И МИЛЮКОВА. — НЕДЕЛЯ ОПТИМИЗМА И ПОВОРОТ 4 ИЮНЯ. — МОЯ ПОПЫТКА ПРЕДУПРЕДИТЬ АГРАРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ДУМЫ. — ЗИГЗАГИ И СЛУХИ. — МОЯ РОЛЬ В ВЫБОРГСКОМ МАНИФЕСТЕ. — ДЕПУТАТЫ В ВЫБОРГЕ.

Итак, с 24-го июня 1906 г. П. А. Столыпин имѣл в своих руках полномочіе, данное ему государем, на роспуск первой Государственной Думы. Эту дату необходимо твердо запомнить, так как она объясняет многое, оставшееся неясным в этом самом «роковом» шагѣ Роковых годов. Прежде всего дата 24 июня совершенно устраняет утверждение такого ненадежнаго свидѣтеля, как В. Гурко, будто П. А. Столыпин вообще не хотѣл роспуска Думы. Вѣрно то, что он хотѣл «либеральнаго» роспуска и позднѣе получил от царя разрѣшеніе перестроить кабинет, уволив наиболѣе реакціонныхъ министров, Стишинскаго и Ширинскаго - Шахматова, и введя нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей. Из мемуаровъ Д. Н. Шипова мы знаем, что его «либерализмъ» шел и дальше. Во главѣ министерства роспуска он хотѣл поставить не кого иного, как самого Шипова! Это невѣроятное предложеніе он сдѣлал Шипову, сперва через Н. Н. Львова, а потом и лично, уже 26 - 27 июня. Мотивъ былъ тотъ, что «роспускъ Думы долженъ быть произведенъ обновленнымъ правительствомъ, имѣющимъ во главѣ общественнаго дѣятеля, пользующагося довѣріемъ в широкихъ кругахъ общества», — каковымъ Столыпин и считаетъ Шипова. Повидимому, царь воспринялъ этотъ странный исход, какъ самъ собой разумѣющійся, и на 28-ое

пригласил Шипова в Петербург — уже в порядкѣ исполненія Столыпинскаго плана. Эта степень непониманія общественнаго настроенія чрезвычайно характерна для тогдашних правящих сфер.

Разумѣется, Шипов не мог пойти на эту унижительную роль послушнаго слуги режима. Как и слѣдовало ожидать, он заявил, что считает роспуск Думы актом не только нецѣлесообразным и «неконституціонным», но и прямо «преступным». Он притом не дѣлал секрета для петербургской публики из этого своего мнѣнія. Тогда П. А. Столыпин отступил на вторую позицію. В присутствіи Н. Н. Львова и А. П. Извольскаго он заговорил на свиданіи не о роспускѣ, а о созданіи «коалиціоннаго» кабинета под предсѣдательством Шипова, но с участіем своим и Извольскаго. Шипов отвѣтил, что и «коалиціонный» кабинет невозможен, — и сослался на преобладаніе в Думѣ кадетской партіи и на необходимость поручить составленіе кабинета «одному из лидеров этой партіи». Столыпин должен был тогда упомянуть, что он «приглашал к себѣ П. Н. Милюкова, говорил с ним о вѣроятной перемѣнѣ кабинета и П. Н. Милюков дал понять *), что он не уклонится от порученія образовать кабинет, если такое предложеніе ему было-бы сдѣлано». А. П. Извольскій высказал надежду, что Шипову «удастся убѣдить к. д. войти в состав коалиціоннаго кабинета», причем, с очевидным намѣреніем, прибавил; «что касается нашего (со Столыпиным) участія, то этот вопрос мы должны предоставить вполнѣ свободному рѣшенію Дмитрія Николаевича». Шипов замѣчает: «П. А. Столыпин сдѣлал вид, будто и он присоединяется к послѣдним словам А. П. Извольскаго». Но его позиція была слишком прозрачна. Он тут же признал «невозможным и слишком рискованным» участіе к. д. «и настаивал на необходимости роспуска Г. Думы», т. е. вернулся к исходной темѣ бесѣды. Что роспуск был уже предрѣшен им с царем — и притом при премьерствѣ Шипова, он, конечно, не обмолвился; но подчеркнул, отступая, что «вопрос об образованіи новаго кабинета может быть разрѣшен только государем».

Он прибавил, что имѣется предположеніе (он не знал, что оно уже осуществлено царем в порядкѣ первоначальнаго соглашенія со Столыпиным) назначить Шипову на завтра аудіенцію в

---

*) До этого, конечно, не дошло, как видно из разговора со Столыпиным, изложеннаго мной в предыдущем очеркѣ. — П. М.

Петергофѣ». Он уже понял, конечно, что тема бесѣды Шипова с царем будет не та, которая была намѣчена.

Готовясь к царской аудіенціи, Шипов снесся со мной через гр. П. А. Гейдена, а сам долго бесѣдовал с Муромцевым. Я, по воспоминаніям самого Шипова, нашел «коалиціонный кабинет» «безусловно неприемлемым» и «дал понять, что считаю в этом смыслѣ вопрос уже в сферах предрѣшенным и готов принять на себя составленіе кабинета, как только такое порученіе будет сдѣлано». Я припоминаю бесѣду с гр. Гейденом, помню, что он говорил о введеніи в кабинет трех министров, входящих в предѣлы царской прерогативы, и даже рекомендовал мнѣ в кандидаты одного из великих князей. Но рѣшительно отрицаю, чтобы я мог намекать на «предрѣшенность» вопроса и на мою «готовность» принять «порученіе». Я не только не считал, что вопрос «предрѣшен» в этом смыслѣ, но, послѣ свиданія со Столыпиным, был совершенно увѣрен, что вопрос о министерствѣ к. д. вообще похоронен окончательно. О своей бесѣдѣ с С. А. Муромцевым Шипов рассказывает подробно. Он «приложил все усилія, чтобы заручиться содѣйствіем Муромцева». Он настаивал на сформированіи коалиціоннаго кабинета, причем «участіе бюрократическаго элемента и в частности П. А. Столыпина должно, конечно, быть исключено». Предсѣдателем должен быть сам Муромцев. В отвѣтѣ Муромцева принципиальные и тактическіе мотивы, весьма реалистическіе, переплетались с личными. Во-первых, «никакой состав министерства при переживаемых условіях не может рассчитывать в ближайшем времени на спокойную и продуктивную государственную дѣятельность и сохранить свое положеніе на болѣе или менѣе продолжительное время». На болѣе откровенном языкѣ это значило: кадеты, все равно, не справятся с лѣвыми и скоро получат отставку сверху. Это соотвѣтствовало и утвержденіям правой печати. Во-вторых, говорил Муромцев, нельзя измѣнить уже сложившагося мнѣнія к. д. о министерствѣ из большинства Думы. Т. е. нельзя говорить с к. д. о «коалиціонном» министерствѣ, ибо «П. Н. Милоков уже чувствует себя премьером». В виду этого сомнительнаго для него отношенія к. д. к нему самому и «неизбѣжнаго в ближайшем же времени конфликта кабинета с Гос. Думой», Муромцев воздерживался сам и считал правильным отказ Шипова от премьерства.

Пріем у государя, состоявшійся в тот же день послѣ этих

переговоров, был очень любезный, хотя ему, несомнѣнно, была уже известна позиція Шипова. Разговор, именно поэтому, зашел очень далеко от Столыпинскаго «предрѣшенія» роспуска Думы. Так далеко, что и вариант чисто кадетскаго кабинета стал вдруг обсуждаться, как осуществимый. Зная уже об отрицательном отношеніи Шипова к роспуску Думы, царь прежде всего, все же спросил Шипова о его мотивах. Отвѣтъ Шипова, как я вижу теперь из его воспоминаній, был глубоко продуман и политически насквозь честен. Если предположить, что двор был доступен убѣжденіям этого рода и что ему только не хватало знанія о дѣйствительном положеніи дѣла, — тут было сказано, откровенно и искренне, все, что было нужно сказать. Так, кажется, никто до тѣх пор не говорил с Николаем II. Двусмысленность «конституціоннаго» манифеста 17 октября, ненормальность отношенія правительства к Думѣ, невозможность, при этих условіях, апеллировать вновь к избирателю и надѣяться, что он станет на сторону власти, неизбѣжность и несомнѣнность «гораздо болѣе лѣваго состава» в Думѣ, которая будет переизбрана: а с другой стороны, возможность примиренія с данной Думой при условіи искренней готовности работать с ней и вернуться честно к манифесту 17 октября, невозможность добиться примиренія с властью при «коалиціонном» кабинетѣ, а потому необходимость создать кабинет из думскаго большинства, вѣроятность смягченія тактики к. д., если они придут к власти, наконец, даже осторожная защита основных тезисов кадетской программы, в том числѣ и аграрной, — все это было высказано очень отчетливо и вполне доказательно. Все это было представлено, как звенья одной и той же логической цѣпи. В устах представителя другой политической группы это было почти неожиданно и свидѣтельствовало о ясном умѣ и высоком благородствѣ характера царскаго собесѣдника.

Рѣчь перешла, слѣдуя той же логикѣ, к вопросу о лицах. Из двух кандидатов в премьеры Шипов, конечно, выдвигал Муромцева, но отдавал справедливость и Милюкову. Милюков «самый вліятельный член партіи», Шипов «отдавал должную дань его способностям, его талантам, его научной эрудиціи». Но Милюков «слишком самодержавен» (Шипов тотчас пожалѣлся об этом выраженіи, «вырвавшимся необдуманно», в присутствіи самодержца). Кроме того, Милюков «по своему жизнепониманію преимущественно рационалист, историк - позитивист, в нем слабо развито

религіозное сознаніе». Поставленный во главу, он «едва - ли бы всегда в основу своей дѣятельности полагал требованія нравственнаго долга и едва-ли бы его политика могла содѣйствовать столь необходимому духовному подѣму в населеніи страны». Лучше будет поставить его на пост «министра внутренних дѣл или иностранных дѣл». Это будет «очень полезно и даже необходимо». С другой стороны, С. А. Муромцев — «человѣкъ высоко - моральнаго настроенія», «пользуется общепризнанным авторитетом», и его назначеніе премьером «будет привѣтствовано в широких кругах общества». В то же время Муромцев «отличается большим тактом и мягкостью характера». Он «обеспечит всѣм членам кабинета необходимую самостоятельность, и при его главенствѣ участіе П. Н. Милюкова в кабинетѣ будет особо полезно». Государь любезно резюмировал: «да, таким образом может установиться правильное соотношеніе умственных и духовных сил» — и «дал понять, что аудіенція кончена».

Возвращаясь послѣ аудіенціи, Шипов «чувствовал себя в бодром настроеніи». А Столыпин, которому он, как было условлено, сообщил в тот же день содержаніе разговора, — естественно — не мог скрыть «недовольства во всей своей фигурѣ». Ему было «извѣстно (очевидно, от самого царя), что высказанное Шиповым произвело благопріятное впечатлѣніе и встрѣчает сочувствіе». Это шло вразрѣз с его планами—и он очень обезпокоился. Если судить по «сочувствію» царя, он мог опасаться, что «предрѣшенный» с ним исход — роспуск Думы — сильно пошатнется. И, прощаясь с Шиповым, он бросил фразу, в которой переход в формальный тон граничил со скрытой угрозой: «Теперь посмотрим, что воспослѣдует». Я представляю себѣ столыпинскую интонацію, с которой это было сказано. Впослѣдствіи, В. О. Ключевскій, который был лично знаком с великими князьями и придворными сановниками, мнѣ рассказал, что, разговаривая в семейном кругу, царь замѣтил: «вот, говорят, Шипов — умный человѣкъ. А я у него все выпросил — и ничего ему не сказал». Это было для Николая II очень обычно.

Ка бы то ни было, оба противоположныя чувства — и «недовольство» Столыпина и «бодрость» Шипова, — послѣ 28 іюня возымѣли дальнѣйшее теченіе—одно в придворных, другое в кадетских кругах. В придворных кругах знали, что «благопріятное отношеніе» к докладу Шипова «продлилось ровно недѣлю». А. П.

Извольскій сообщил Шипову, что так было «до 5 іюля, но с этого дня положеніе измѣнилось, и, как видно, предположеніе о вѣроятности приглашенія в Петергоф С. А. Муромцева отпадает». На вопрос Шипова, «чѣм вызвана эта перемѣна», А. П. Извольскій высказал вполне основательное предположеніе, «что тут сказалося вліявіе П. А. Столыпина». До кадетских кругов свѣдѣнія о «благопріятном» поворотѣ вопроса о к. д. кабинетѣ дошли через общих друзей с Шиповым, с которыми наши добрыя отношенія не прекращались. С Муромцевым Шипов увидѣлся немедленно послѣ аудіенціи. Когда дошло до разговора о премьерствѣ, Муромцев взволновался. «Какое право ты имѣешь касаться вопроса, который должен быть рѣшен самой политической партіей?» Из сказаннаго выше понятен смысл этой реплики. Шипов заговорил тогда о «благѣ страны». Муромцев высказался яснѣе: он «выразил опасеніе относительно совмѣстнаго с П. Н. Милюковым участія в кабинетѣ». «Двум медвѣдям в одной берлогѣ ужиться трудно».

Все это я прочел гораздо позднѣе, в мемуарах Шипова. Ни с царской аудіенціи, ни о приведенном разговорѣ с Муромцевым я ничего не знал, — и поэтому был нѣсколько удивлен, когда думскій пристав нашел меня во время засѣданія в корреспондентской ложѣ и сказал мнѣ: «вас просит предсѣдатель придти немедленно к нему в кабинет». Я пошел. Муромцев поднялся с кресла навстрѣчу и, без предисловія, спросил меня с мѣста в карьер: «кто из нас будет премьером?» Это было так неожиданно и покалось мнѣ так забавно, что я расхохотался. «По моему, никто не будет», — отпарировал я. Но Муромцев настаивал. Тогда я сказал ему: «если уж дѣло дойдет до такого важнаго событія, как кадетское министерство, то вопрос о премьерствѣ — второстепенная подробность, которую рѣшит партія. Но что касается меня, то я с удовольствіем отказываюсь от премьерства и предоставляю его вам». Дѣйствіе этих слов было совершенно неожиданное. Муромцев не мог скрыть охватившей его радости и выразил ее в жестѣ, который мало подходил к его обычной предсѣдательской торжественности. Не помню дальнѣйшаго разговора: он был краток — не только потому, что надо было возвращаться в засѣданіе, но и потому, что Муромцев узнал все, что ему было в тот момент нужно. Он в эти дни, очевидно, серьезно ждал приглашенія из Петер-

гофа. Лишь позднѣе, в своем архаизирующем стилѣ, он должен был заявить, что призван не был».

А толки среди к. д. уже шли дальше: мы наканунѣ кадетскаго министерства. Я продолжал не вѣрять в его осуществленіе, но не мог не считаться с ходившими кругом слухами. «Благопріятныя» свѣдѣнія о приѣмѣ Шипова дошли и до меня: у нас они держались дольше. До тѣх пор я вел все это дѣло на свой страх, не посвящая в него почти никого. Теперь уже политическіе сосѣди узнали о моем участіи в переговорах. В виду возможности того или другого рѣшенія, я слѣшно созвал экстренное собраніе фракціи на 3-е іюля, чтобы доложить ей о всем уже сдѣланном мною и получить ея указанія на дальнѣйшее. Фракція собралась. Я сообщил ей, в общих чертах, о тѣх условіях, которыя, в случаѣ серьезнаго обращенія к нам, мы должны будем выставить согласно нашей программѣ и тактикѣ, — и получил санкцію собранія. Сколько помню, вопрос о допустимости смѣшаннаго по составу кабинета даже не ставился; не было рѣчи и о подборѣ личнаго состава к. д. Напротив, гораздо болѣе волновал фракцію вопрос о возможности роспуска, в случаѣ неудачи новой министерской комбинаціи. Этот вопрос обсуждался весьма горячо: всѣ рѣчи сосредоточились на выясненіи того, как в таком случаѣ должна реагировать Дума. Высказывались мнѣнія, довольно фантастическія: остаться сидѣть и принять бой на мѣстѣ; апеллировать к странѣ; во всяком случаѣ, не расходиться и быть готовыми на все. Помню, сѣдобородый старик В. И. Долженков, народный учитель по профессіи, горячій и убѣжденный до фанатизма кадет, был особенно непреклонен и хотѣл «умереть на мѣстѣ». Мы не предвидѣли только той формы, которую Столыпин выбрал, весьма коварно, для дѣйствительнаго роспуска. Мы все еще исходили из понятія о неприкосновенности Думы, о страхѣ власти перед ея роспуском, — и никак не ожидали той степени пренебреженія к ея правам, которое сказалось в губернаторской тактикѣ Столыпина. Во всяком случаѣ, было ясно, что расчет на мирный исход был очень слаб во фракціи, а убѣжденіе в неизбѣжности насильственной развязки и необходимости реагировать против нея — становилось всеобщим.

При таком настроеніи, естественно, слабѣло вниманіе руководителей и к мѣрам предосторожности против дальнѣйших частичных конфликтов. Много их мы предупредили вначалѣ; но те-

перь конфликтное положеніе стало постоянным и превратилось в привычку. Я лично виню себя в том, что среди текущей сутолоки прозввал обстоятельство, которое грозило самыми серьезными осложнениями. Как раз в эти дни рѣшающих переговоров о министерствѣ думскаго большинства — большинства-то у Думы именно не оказалось. Произошло это в результатѣ неожиданной постановки на очередь — *не нами* — самага остраго из конфликтных вопросов о т. наз. аграрном воззваніи к населенію. 20 іюня появилось правительственное сообщеніе, имѣвшее весь состав провокаціи: правительство «успокаивало» населеніе заявленіем, что думская аграрная реформа не будет осуществлена. Конечно, это было не только некоректно, но просто незаконно. В засѣданіи аграрной комиссіи депутат Кузьмин - Караваев, большой интриган и политическій путаник, самолюбивый и неумный, предложил опубликовать «контр - сообщеніе» от имени Думы. Если бы опасность этого шага была сразу оцѣнена, то выступленіе с ним могло быть парализовано. Но я о прохожденіи этого вопроса через комиссію ничего не знал. Кокошкин и Винавер во-время не прослѣдили за этим, а когда 4 іюля самый проект аграрнаго сообщенія стал на повѣстку общаго засѣданія Думы, никто из руководителей не был подготовлен к тому, как к нему отнестись. Наибольше осведомленным оказался... П. А. Столыпин! 4 іюля (замѣтим дату) он явился в Думу, гдѣ был рѣдким гостем, просидѣл цѣлое засѣданіе в министерской ложѣ и тщательно записывал пренія. В кулуарах заговорили, что причина этого неожиданнаго посѣщенія — именно аграрное обращеніе Думы к народу. Мы могли задержать обсужденіе по формальным причинам, — но этого не сдѣлали. Столыпин имѣл возможность выслушать самыя рѣзкія мотивировки лѣвых ораторов — и использовать их для доклада царю. Напомню, что это происходило 4 іюля. В вечернем засѣданіи фракціи этого дня об этом обстоятельствѣ вовсе не говорилось: очевидно фракція не подозрѣвала возможности правительственной реакціи.

Только утром 5 іюля (рѣшающій день) я, наконец, получил свѣдѣнія о происходящем. Я тотчас забил тревогу, бросился к Петрункевичу, об'яснил ему опасность уже принятаго нами текста обращенія и настоял на необходимости принять немедленно мѣры, чтобы, по крайней мѣрѣ, предупредить злостное толкованіе «аграрнаго обращенія». В нем заключался, кстати, призыв к народу «мирно и спокойно» ждать окончанія думской работы. В вечернем

засѣданіи фракціи я доказывал то же, о чем говорила на слѣдующее утро, 6-го іюля, моя передовица в «Рѣчи». Я обращал вниманіе на угрозу офиціоза Столыпина, что, в случаѣ аграрных волнений, вмѣшаются австро - германскія войска, и убѣждал «не дѣлать шага», который может быть истолкован, как неконституціонный. «Мы, может быть, наканунѣ страшных рѣшеній», — писал я. «Послѣдніе дни, когда еще возможно было установленіе согласія между законодательной властью и исполнительной, быстро проходят, и с обѣих сторон так же быстро растет готовность на крайнія рѣшенія... Вся психологія положенія (о думском министерствѣ) сразу измѣнилась... Люди, склонявшіеся к идеѣ думскаго министерства, отшатнулись от нея в послѣднюю минуту». «Россия» говорила откровенно, что «немыслимо вѣрить либеральной буржуазіи, что она без репрессій справится с крайними теченіями»; что лучше «репрессивныя мѣры», нежели согласіе на «крайнія программы». Я убѣждал Думу «в виду крайней напряженности положенія быть особенно осторожной».

Фракція, насторожившаяся уже послѣ моего доклада о министерствѣ, отнеслась неблагосклонно к моим предостереженіям. Мои сомнѣнія в «умѣстности обращенія» «вызвали ропот и возгласы неудовольствія»... Огромное большинство (всѣ против пяти голосов) высказалось за безусловное сохраненіе раз занятой позиціи — приглашенія к «мирному и спокойному» выжиданію населеніем конца думской работы по аграрному вопросу. Это казалось, — да оно так и было, — предѣлом умѣренности, — не даром как раз от этой фразы трудовики отказывались. Я все-таки убѣдил Петрункевича по возможности пересмотрѣть и обезвредить принятый уже текст. Но фракція большею частью отклонила предложенныя нами измѣненія, Г. Е. Львов отказался тогда от доклада, а Петрункевич, которому пришлось экспромптом защищать оставшіяся четыре поправки, не был достаточно подготовлен. Львые очень ловко этим воспользовались. При содѣйствіи правых и поляков, они воздержались от голосованія или голосовали против воззванія — и тѣм предоставили одним к. д. сдѣлать шаг, ради котораго вся Дума подставила себя под удар по обвиненію в революціонности. В результатѣ их отступленія, сама же Дума продемонстрировала отсутствіе в своей средѣ того большинства, на которое могло-бы опереться думское министерство.

У нас не было точных свѣдѣній о том, что именно этот факт

думскаго аграрнаго обращенія окажется послѣдней каплей и послужит к той крутой перемѣнѣ, которая, по приведенным выше словам А. П. Извольскаго, произошла именно к 5-му іюля. Насколько быстро распространились в высших кругах свѣдѣнія об этой перемѣнѣ отношенія царя к Шиповской комбинаціи, видно из одного сообщенія гр. Коковцева. В тот же день, 5 іюля, за обѣдом у графини Клейнмихель, — салонъ правых, — В. Н. Коковцев услышал от гр. Іосифа Потоцкаго, что «день роспуска Думы назначен на ближайшее воскресенье». Коковцев был поражен, но Потоцкій не повѣрил, что министр финансов ничего не знает даже о самом намѣреніи распустить Думу. Столыпин, как видно, вел свою игру втайнѣ даже от своего ближайшаго единомышленника. На другой день Коковцев спросил об этом Столыпина — и получил уклончивый отвѣтъ: вопрос о роспускѣ был «затронут» 4 іюля (на докладѣ царю), а к 7-му царь «желает знать мнѣніе правительства». В дѣйствительности, очевидно, вопрос о роспускѣ был не «затронут», а окончательно рѣшен по докладу Столыпина послѣ его думских наблюденій, и 7-го іюля нужно было не «знать мнѣніе правительства», давно составленное, а уже принять исполнительныя мѣры. Был давно уже заготовлен Столыпиным и передан Горемыкину указ о роспускѣ, и когда Коковцев позднѣе спросил, почему Столыпин ему ничего не говорил об этом, то Столыпин, по русскому изданію мемуаров Коковцева, отвѣтил, что это было исполненіе «простого приказанія государя», а по англійскому тексту, что он «не чувствовал никакой надобности дѣлать это в то время предметом общаго обсужденія». 7 іюля Столыпин пріѣхал в Царское Село не только с подробным планом роспуска именно на воскресенье 9 іюля, но и с документами, которые оставалось только подписать. Он, очевидно, ожидал и своего назначенія на мѣсто Горемыкина. Остальное в разсказѣ Столыпина Коковцеву — инсценировка, ретушированная для потомства: непреклонная воля царя (мотивированная старыми аргументами Коковцева), ссылка Столыпина на свою «недостаточную опытность», царское благословеніе перед иконой и — тотчас-же вслѣд — совѣм готовый подробный доклад новаго Годунова о военных мѣрах, уже принятых на воскресенье в предупрежденіе безпорядков... Всѣ, очевидно, чувствовали тогда, что совершается большое событіе, далеко не лишенное риска. Всѣ, кромѣ Столыпина! Бывшій губернатор готов был принять риск на себя.

Несмотря на невѣдѣніе фактов, я, однако, довольно точно оцѣнивал перемену настроенія. Вѣроятно, Столыпин мог бы разными аргументами переломить «благопріятное» отношеніе царя к докладу Шипова, как переломилось оно раньше — в том же неизмѣнном направленіи — к министерскому списку Трепова. Но, фактически, он, очевидно, воспользовался именно свѣжими данными об отношеніи Думы к жгучему вопросу, который с самаго начала был сдѣлан пробным камнем для существованія или несуществованія Думы — к вопросу аграрному. Однако, в своих тогдашних писаніях я нахожу упоминаніе еще об одном зигзагѣ политических настроеній сверху, уже послѣ 4-5 іюля. В самый день роспуска, 9 іюля, я писал в «Рѣчи»: «Размахи политическаго маятника в Петергофѣ продолжают совершаться под углом в 180 градусов. Не так еще давно маятник качнулся влѣво и чуть-чуть не дошел до точки, против которой написано: министерство из большинства. Но тотчас началось движеніе в обратную сторону, и в своем размахѣ вправо маятник почти достиг точки, против которой стоит: роспуск Думы». До сих пор мой діагноз был вѣрен за исключеніем словечка «почти». Но вот дальше слѣдует: «вчера (т. е. 8 іюля) происходило опять обратное движеніе *влѣво*, и неизвѣстно, на какой точкѣ остановится теперь новое колебаніе». Откуда-же происходил этот, правда, послѣдній минутный прилив оптимизма, за который I. В. Гессен в своих мемуарах упрекнул меня в недалновидности? Ищу в своей памяти — и не нахожу об'ясненія. А справляясь теперь, задним числом, с опубликованными данными, нащупываю два возможных отвѣта. Во-первых, П. А. Столыпин, готовясь к опасному, как тогда казалось, скачку, не только держал свои намѣренія в глубокой тайнѣ от всѣх, но, спеціально, чтобы ввести в заблужденіе думскіе круги, просил Муромцева назначить засѣданіе Думы для его личнаго выступленія в *понедѣльник* 10-го іюля. В это время всѣ мѣры уже были приняты для роспуска в воскресенье 9-го. М. М. Винавер вспоминает, что именно в ожиданіи *понедѣльничнаго* засѣданія мы ушли из Думы в субботу 8 іюля «успокоенные». Но это только половина отвѣта. Другая половина заключается в надеждах противников роспуска, которые до самаго конца не сложили оружія: о них, очевидно, я что-то и прослышал. По разсказу Столыпина собравшимся министрам, пріѣхав 7 іюля с Горемыкиным в Царское, по вызову государя, он застал там совершенно растерявшася, на-

нически настроеннаго барона Фредерикса, который сдѣлал послѣднюю отчаянную попытку — предупредить роспуск Думы. Фредерикс говорил Столыпину, что рѣшеніе распустить Думу «может грозить самыми роковыми послѣдствіями — до крушенія монархіи включительно», что Дума «совершенно лояльна», и если-бы государь лично выразил в посланіи к ней свое недовольство, — пригрозив притом мѣрами, предоставленными ему основными законами, если Дума не измѣнит образа дѣйствій, сѣющаго смуту, — то Дума «принялась бы за спокойную работу». На возраженія Столыпина Фредерикс сослался на мнѣніе «людей, несомнѣнно преданных государю, что все дѣло в плохом подборѣ министров» и что «не так трудно найти новых людей, которые бы сложили с царя отвѣтственность за дѣйствія исполнительной власти». Тут не было, конечно, ничего «безсвязнаго»: это были обрывки плана Трепова и Мосолова, и Столыпин это отлично понимал; тѣм болѣе, что ссылка на «плохой подбор министров» прямо была в него. Горемыкин, к которому Фредерикс раньше обращался «не раз», по его словам, «не хочет ничего и слышать». Но Гурко в своем вообще путаном разказѣ передает обрывок разговора уже самого Трепова с Горемыкиным. Выйдя от царя послѣ подписанія указа и назначенія Столыпина на его мѣсто, Горемыкин встрѣтил Д. Ф. Трепова, очевидно, поджидаващаго его. Узнав о том, что рѣшене роспуска, Трепов воскликнул: «это ужасно; утром мы увидим здѣсь весь Петербург». Горемыкин сухо отвѣтил: «тѣ, кто придут, назад не вернуться...» «Из слов Трепова он, однако, заключил, что будут сдѣланы все усилія, чтобы до опубликованія указа побудить царя вернуть обратно свое рѣшеніе». Дальше слѣдует уже только слух об исполненіи этой попытки, — но слух, который, по показанію Коковцева, «не вызывал никакого сомнѣнія в окруженіи совѣта министров и среди цѣлаго ряда лиц, близких отдѣльным министрам». Согласно этому слуху, поздно ночью на 9-ое іюля Горемыкину был доставлен из Царскаго Села пакет, в котором было «небольшое письмо от государя с приказаніем подождать с приведеніем в исполненіе подписаннаго им указа о роспускѣ Думы». Это колебаніе было бы характерно для обычной психологіи Николая II — и вполнѣ правдоподобно. Тот же слух передавал, что Горемыкин, зная положеніе, предвидѣл эту возможность и не велѣлъ себя будить ночью на 9-ое. А утром манифест о роспускѣ, со-

ставленный спѣшно той же ночью на основаніи указа, уже был напечатан, и выполнение его уже началось...

Слухи в тѣ дни быстро проходили разстояніе между Царским Селом и Петербургом. Не касаясь самаго факта предусмотрительности Горемыкина и полученія им царскаго пакета в ночное время, я считаю вполне вѣроятным, что слухи об усиліях группы Трепова спасти Думу в послѣднюю минуту от роспуска дошли до редакціи «Рѣчи»; они и нашли отраженіе в приведенной фразѣ моей передовицы. Она писалась именно ночью того же 8-го іюля, когда Горемыкин — тоже получавшій «слухи» из Царскаго, — поспѣшил принять мѣры, чтобы эти слухи не стали дѣйствительностью.

Как бы то ни было, в ночь на воскресенье 9-го іюля я сидѣлъ в редакціи «Рѣчи» и увѣрялъ I. В. Гессена, что он может спокойно ѣхать на дачу в Сестрорѣцк, потому, что в воскресенье ничего не будет. Уйдя из редакціи на разсвѣтѣ, я уже дома получил телефонный звонок из редакціи с сообщеніем, что манифест о роспускѣ (он в ту же ночь был выработан в совѣщаніи с участіем Крыжановскаго) печатается в типографіи. Я сѣлъ на велосипед и около 7 часов утра обѣхал квартиры членов Центрального комитета, пригласив их собраться у Петрункевича. Когда, около 8 часов, они начали собираться, текст манифеста был уже извѣстен, и мы знали, что на дверях Думы повѣшен замок. Всѣ мечты о том, что мы останемся «сидѣть» в Думѣ и не уйдем, сами собой отпадали. Мнѣ еще в маѣ, по поводу слухов о роспускѣ Думы «на каникулы», было поручено фракціей написать «манифест к населенію», хотя Винавер и вспоминает, что я находил такой каникулярный отпуск совершенно законным. Теперь дѣло стояло иначе, Ф. Ф. Кокочкин, наш главный эксперт по конституціонным вопросам, находил, что имѣются всѣ основанія признать роспуск нарушеніем конституціи. Слѣдовательно, вполне конституціонно было построить «манифест» на припринѣ пассивнаго сопротивленія. Порученіе составить проект манифеста на этой основѣ было возложено на меня. Ради предосторожности меня изолировали для выполненія этого порученія в сосѣдней квартирѣ брата И. И. Петрункевича, Михаила Ильича. Там, в пустой комнатѣ, стоя у рояля, я набросал карандашом на пыльной крышкѣ свой проект. Вернувшись в засѣданіе ц. к., я нашел там уже до двадцати собравшихся членов. Я прочел текст, выслушал ряд замѣчаній и внес соотвѣтствующія

исправления. Но основная идея Петрункевича и Кокошкина о пассивном сопротивлении возражений не вызвала: на ней сразу сошлись, как на самой минимальной формѣ необходимаго протеста. Тогда возразил я сам: понимают-ли участники совѣщанія, что задуманный шаг может повести за собой тот же печальный результат, как и добровольное рѣшеніе членов французскаго учредительнаго собранія времени революціи, — отказаться от участія в выборах в слѣдующее, законодательное собраніе? Тогда добровольный этот отказ лишил народное представительство ряда выдающихся людей. Дают - ли наши депутаты себѣ отчет, что никто из них, в случаѣ неуспѣха воззванія, уже поневолѣ в Думу не вернется? Если нѣтъ этой готовности к политическому хакари, то не надо дѣлать и задуманнаго шага. М. М. Винавер вспоминает отвѣтъ Ивана Ильича Петрункевича, «поддержанный всѣми присутствующими депутатами: эта сторона дѣла всѣм ясна и ни в ком сомнѣній не вызывает».

Винавер нашел мой проект манифеста слишком слабым: в нем не было «стихійной негодующей силы». Надо было, чтобы «крик возмущенія прозвучал, как блеск молніи, освѣщающій населенію истинный смысл совершившагося». Поэтому и заключительный призыв к неповиновенію населенія «не привлекал к себѣ вниманія». Весь шаг казался «жалким минимумом дѣйствія, остающагося в нашем распоряженіи» (оно так и было, конечно). Выслушав эти соображенія, Петрункевич предложил Винаверу написать тут-же другое воззваніе, но тот, «послѣ минутнаго колебанія», отказался. Для окончательной установки текста опять перешли из предосторожности в квартиру М. И. Петрункевича. Воззваніе было переписано в нѣскольких экземплярах, а оригинал — уничтожен.

Оставалось превратить проект партіи в рѣшеніе Думы. Но не только помѣщеніе Думы, а и наш клуб на Потемкинской улицѣ были оцѣплены войсками и полиціей. Было тогда рѣшено ѣхать в Выборг. Трудовики не возражали ни против воззванія, ни против поѣздки. Потом присоединились и с. д.

М. М. Винавер дал картину нашего пребыванія в Выборгѣ. Моя роль там ступшевывалась: я не был депутатом и оставался в сторонѣ от обсужденія и от принятія рѣшительнаго шага. Пріѣхав к ночи, я гдѣ-то как-то переночевал на полу, в повалку с другими. Уже с вечера начались совѣщанія; никого, кромѣ депутатов, в

зал не впускали. До «посторонних» доходили только слухи о том, что там происходит. Конечно, невѣрен был слух, что Муромцев открыл совѣщаніе словами «засѣданіе продолжается». В этой обстановкѣ председатель Думы чувствовал себя неловко. Переход от ожиданія «призыва» к засѣданію с революціонным отгѣнком был для него слишком рѣзок. Но председательство в совѣщаніи он не мог не принять: это разумѣлось само собою. Настроеніе собранія оставалось очень повышенным, но разумок вступал в свои права. Кадетскій «минимум», конечно, далеко не отвѣчал лѣвому «максимализму». Но как-то понималось, что жизнь может не выдержать и этого рекорда. Всѣ сознавали, к тому же, что важно *общее* рѣшеніе всей Думы. Оно не исключало отдѣльных партійных мѣр, которыя шли дальше, но и само это рѣшеніе требовало уже не фраз, а дѣйствій. Когда, в полуденный перерыв, были допущены в зал собранія партійцы — не члены Думы, и я в том числѣ, мы нашли настроеніе нашей фракціи значительно пониженным. Если первая половина воззванія продолжала казаться недостаточно яркой, то вторая — призывы не давать рекрут, не платить податей и — прибавленіе Вннавѣра — не платить долгов по займам и поднять вопрос о политической забастовкѣ — вызывала ряд возраженій, отнюдь не принципиальных, а практических и тѣм болѣе серьезных. Рекрутскій набор будет только в октябрѣ; прямые налоги — ничтожная часть бюджета, неплатеж по займам — пустая фраза, политическая забастовка отвергнута единогласно. Оставалась одна центральная идея: призыв к организованному дѣйствию народа без насильственных мѣр. Но «народ не готов»? Послѣ всѣх этих возраженій, воззваніе сохраняло лишь значеніе неизбежнаго в данную минуту тактическаго шага с цѣлью найти наиболѣе спокойный выход для общаго повышепнаго настроенія момента. С этой точки зрѣнія и приходилось его защищать. В худшем случаѣ это было предостереженіе правительству. Разумѣется, все это скорѣе подразумевалось, нежели высказывалось открыто.

Еще ночь была использована для обработки шестичленной комиссіей от трех партійных групп окончательнаго текста воззванія. А утром разгорѣлись еще болѣе острия пренія внутри нашей фракціи о пріемлемости воззванія по существу. Критика убивала настроеніе. Большинством двух голосов вся вторая часть воззванія была отвергнута. В открытом затѣм общем засѣданіи даже

такіе сдержанные и политически подготовленные члены Думы, как Герценштейн, Юлос, теряли спокойствіе и вносили в пренія большую страстность. В полуденный перерыв были опять допущены не-члены Думы. Не помню точно, что я говорил в перерывѣ наканунѣ, защищая воззваніе. Но тут и меня колебанія фракціи чрезвычайно взволновали и настроили на рѣзкій тон. Меня стѣсняло, что я не нес общей отвѣтственности; но все же я находил, что теперь отступать поздно и в такую минуту голос всей Думы должен прозвучать дружно. Только принятое *всѣми* воззваніе и имѣет политическій смысл, — хотя бы смысл тактическаго шага. Это мнѣніе побѣдило. Но явился на сцену болѣе сильный аргумент: приказ из Петербурга выборгскому губернатору распустить собраніе. Муромцев вышел для переговоров, обѣщал губернатору закрыть собраніе и — среди общаго волненія, надѣвъ перчатки — удалился. Петрункевич предложил тогда, прекратив пренія, подписать воззваніе, «как оно есть». Спорить было, дѣйствительно, некогда. Притом же, насиліе из Петербурга зажгло потухавшее пламя и сразу всѣх об'единило. Герценштейн и Юлос подписали манифест первые.

Только позже я узнал, что, при нашем возвращеніи в Петербург, черносотенцы готовили против нас покушеніе. В списокъ обреченных, кромѣ двух названных, стояли Винавер и я. И я тогда не понял, почему на Выборгском вокзалѣ одна преданная кадетка заготовила к приходу поѣзда пролетку, в которую, при выходѣ из вокзала, меня энергично втолкнула.

П. Милюков

Американскій нейтралитет

(ПИСЬМО ИЗ НЬЮ - ЙОРКА)

Через недѣлю послѣ начала міровой войны — 10 августа 1914 г. — банкирскій дом Дж. П. Морган и К-о обратился к статс-секретарю Брайану с запросом, имѣет ли правительство Соединенных Штатов возраженія против займа, о предоставленіи котораго просит французское правительство и банк Ротшильдов? Брайан был убѣжденным пацифистом. В меморандумѣ, при котором он передал запрос Моргана на разрѣшеніе президента Вильсона, он краснорѣчиво доказывал, что займы воюющим державам должны быть воспрещены. «Деньги, — писал Брайан, — худшій вид контрабанды, так как онѣ властвуют над всѣми остальными ея видами». Президент одобрил точку зрѣнія статс-секретаря, и уже 15 августа Брайан официально извѣстил фирму Морган, «что выдача американскими банками займов иностранным государствам, находящимся в состояніи войны, противорѣчит духу истиннаго нейтралитета».

Между тѣм из Европы стал изливаться живительный для американских фабрикантов поток заказов на предметы военнаго снабженія, и вскорѣ пред банками стал вопрос о необходимости финансировать эти заказы. Уже 23 октября 1914 г. президент одного из крупных нью-йоркских банков запросил государственный департамент, позволительно ли предоставлять временные кредиты иностранцам - покупателям американских товаров. Этот запрос был направлен уже не к статс-секретарю Брайану, а к юрисконсульту департамента Роберту Лансингу, котораго банкиры считали болѣе стоворчивым. Лансинг в тот же день получил от Вильсона полномочіе сообщить кому слѣдует, что падлежит дѣлать различіе между займами и обыкновенными коммерческими кредитами, для которых не требуется разрѣшенія правительства.

Но уже лѣтом 1915 г. у банкиров возникли новыя затрудненія. На этот раз письмо в государственный департамент поступило из Чикаго. Директор «Перваго Чикагскаго Національнаго банка» сообщает Лансингу (который тѣм временем смѣнил Брайана

на посту статс-секретаря), что курс фунта стерлингов стремительно падает и что необходимо поддержать английскую валюту: в противном случае американским экспортерам грозят громадные убытки. В том же смыслѣ увѣдомлял Вашингтон директор нью-йоркского Федеральнаго банка Стронг. Лансинг и зять Вильсона, министр финансов Мак-Эду, дѣлаютъ президенту энергичное представление: создалось критическое положеніе, из котораго есть только один выход — дать американской публикѣ возможность путемъ помѣщенія капиталовъ въ англійскіе займы содѣйствовать урегулированію англо-американскаго платежнаго баланса. Вильсонъ поддается этимъ увѣжденіямъ. Запретъ съ займовъ снятъ, и Америка начинаетъ снабжать союзниковъ «худшимъ видомъ контрабанды» — деньгами.

Приближается послѣдній актъ драмы. 5 марта 1917 г. американскій посолъ въ Лондонѣ Педж, с начала войны стоявшій за активное вмѣшательство Соед. Штатовъ, посылаетъ въ Вашингтонъ длинную телеграфную реляцію, в которой рисуетъ в самыхъ мрачныхъ краскахъ военное и финансовое положеніе союзниковъ. Донесеніе заканчивается фразой: «быть можетъ, наше вступленіе въ войну является единственнымъ средствомъ сохранить наше торговое преобладаніе и предотвратить грозящую панику». Ровно черезъ мѣсяцъ американскій конгрессъ, по предложенію Вильсона, объявилъ войну Германіи.

.Ишь двадцать лѣтъ послѣ начала міровой войны все это знаменательное сдѣяніе обстоятельствъ стало извѣстно американской публикѣ. В апрѣлѣ 1934 г. сенатъ поручилъ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Ная, произвести всестороннее обследованіе американской военной промышленности, начиная с 1914 года. Комиссія допросила десятки свидѣтелей и извлекла изъ архивовъ тысячи разныхъ документовъ — в том числѣ приведенную выше переписку Брайана и Лансинга с нью-йоркскими и чикагскими банкирами. Ея докладъ произвелъ понятную сенсацію.

Вопросъ об истинныхъ причинахъ вмѣшательства Америки в войну уже давно служилъ предметомъ оживленныхъ споровъ, и официальная версія о германской подводной лодкѣ и потопленіи «Лузитанія», какъ главномъ поводѣ интервенціи, перестала удовлетворять общественное мнѣніе. В опубликованныхъ комиссіей Ная документахъ скептики нашли разительное подтвержденіе для своихъ сомнѣній. «Каковъ бы ни былъ, — говоритъ по этому поводу крупнѣйшій аме-

риканскій историк Чарлз Бирд, — вердикт призрачнаго трибунала, называемаго «судом исторіи», популярное представление о Вильсонѣ, как чистом идеалистѣ, вступившем в войну с единственной цѣлью спасенія демократіи, было безповоротно разрушено» *).

Послѣ разоблаченій комиссіи Ная каждый американец, совершенно независимо от его политических симпатій, не может не испытывать негодованія при мысли о том, что вопрос об участіи его родины в величайшей из войн был фактически предрѣшен путем келейнаго давленія на правительство со стороны безответственных лиц, преслѣдовавших исключительно цѣли наживы. К чему, в самом дѣлѣ, провозглашенныя конституціей гарантіи суверенных прав Конгресса, если биржевики и банкиры все же могут хитро втягивать президента в свои сѣти, чтобы затѣм поставить и Конгресс, и страну пред совершившимся фактом?

Принятые Конгрессом, начиная с 1935 года, «законы о нейтралитетѣ» были в значительной степени продиктованы этими широко разлившимися по странѣ настроеніями. Цѣль этих законов — путем экономической изоляціи Соед. Штатов — предотвратить возможность повторенія опыта 1914 - 1917 г. г. Экономическая помощь одной из воюющих сторон ощущается противной стороной, как враждебное вмѣшательство в войну. Возникающія в результатѣ такой помощи финансово - экономическія связи неминуемо приводят к заинтересованности Америки в побѣдѣ той группы держав, которой она оказывает покровительство. Это создает мощный стимул к активному военному вмѣшательству. Путем серіи запретов и ограбиченій, законы о нейтралитетѣ пытаются оградить Соед. Штаты от этих опасностей — «удержать Америку от войны».

Наиболѣе радикальной из этих мѣр является принятое Конгрессом постановленіе о полном запретѣ вывоза в воюющія страны оружія и военнаго снабженія. Закон об эмбарго, автоматически вступающем в дѣйствіе в момент возникновенія войны, был принят в Конгрессѣ подавляющим большинством голосов **) в августѣ 1935 года. Чтобы гарантировать страну от роковых послѣдствій, какія в 1914 - 1917 г. г. имѣли предоставленные союзникам

---

*) *Beard, America in midpassage (New York 1939), p. 421.*

**) 376 голосов против 13-ти в палатѣ представителей и 63 против 6-ти в сенатѣ.

займы, общественное мнѣніе Америки единодушно требовало, чтобы предоставленіе воюющимъ странамъ какихъ бы то ни было кредитовъ было категорически воспрещено. «Наша страна, — говоритъ извѣстный финансовый дѣятель и постоянный совѣтникъ президента Рузвельта Бернард Барук, — должна рѣшительно отказаться финансировать воюющія государства какъ государственными, такъ и частными кредитами... Что бы мы ни продавали, мы должны придерживаться формулы: деньги на стол. Для насъ эта формула — первая заповѣдь мира и ненарушаемаго нейтралитета» *). Чтобы избѣжать конфликтовъ, связанныхъ съ потопленіемъ судовъ и конфискаціей грузовъ въ районахъ блокады, устанавливалось, что во время войны право собственности на экспортируемый товаръ должно еще на американской территоріи переходить къ покупателю — иностранцу. Если товаръ сполна оплачен и окончательно отчужден, то его дальнѣйшая судьба перестаетъ интересоваться американскаго экспортера. Далѣе, товары должны вывозиться исключительно на иностранныхъ пароходахъ, а американскимъ гражданамъ должно быть воспрещено путешествовать на этихъ пароходахъ. Наконецъ, необходимо поставить военную промышленность страны подъ постоянный бдительный контроль правительства.

Эти принципы нашли выраженіе въ принятыхъ Конгрессомъ в 1935, 1936 и 1937 г. г. резолюціяхъ и окончательно были формулированы въ изданномъ 1 мая 1937 г. «Актѣ о нейтралитетѣ»**). По этому акту, съ того момента, какъ президентъ въ особой прокламаціи объявитъ, что данныя иностранныя государства находятся въ состояніи войны, американскимъ гражданамъ воспрещается продавать имъ «оружіе, снаряженіе и военные матеріалы»***). Президентъ можетъ также опубликовать прокламацію, влекущую за собой эмбарго, въ случаѣ возникновенія въ какой-либо странѣ гражданской смуты, при которой вывозъ въ нее оружія можетъ «угрожать миру Соед. Штатовъ». Запретъ относится какъ къ непосредственному вывозу товаровъ въ предѣлы воюющихъ государствъ, такъ и къ экспорту въ нейтральныя страны грузовъ, предназначенныхъ къ переправкѣ въ эти страны.

---

*) *Baruch, Neutrality, «Current History», vol. 44, p. 41 (1936).*

***) Французскій переводъ полного текста «Акта о нейтралитетѣ» дается въ книгѣ *Alfred Max, La politique extérieure des États-Unis (Paris 1939) p. 165-174.*

***) «*Arms, ammunitions, or implements of war*» (Neutrality Act, Art. 1 (a)).

Список товаров, на которые распространяется эмбарго, устанавливается и публикуется президентом *).

Во время войны, экспортная торговля товарами, на которые эмбарго не распространяется, может производиться лишь под условием, что право собственности на проданный товар в момент совершения сделки переходит к иностранцу - покупателю. Перевозка товаров на американских судах воспрещается. Эти правила, известные под названием «статьи о наличном расчете и перевозке собственными средствами **»), были приняты 1 мая 1937 г. сроком на два года, так что для возобновления их действия после 1 мая 1939 г. требовалось новое постановление Конгресса. Лицам, живущим в Соед. Штатах, воспрещается покупка и продажа облигаций займов воюющих государств или частных предприятий, находящихся на их территории, равно как и предоставлять им займы или кредиты (за исключением обычных коммерческих кредитов). Американским гражданам воспрещается ъздить на судах, идущих под флагом воюющего государства.

Для наблюдения за военной индустрией организован «Государственный контрольный комитет» под председательством статс-секретаря Холла. Все фабриканты и торговцы предметами военного снаряжения обязаны зарегистрироваться в этом комитете и выбирать лицензии на каждую сделку по продаже таких товаров за-границу. Свидѣнія о заключенных сделках периодически публикуются комитетом.

В согласии с «доктриной Монро», действие акта о нейтралитете не распространяется на республики Южной и Центральной Америки в случае войны между такой республикой и внѣ-американским государством. Однако, закон применяется, если американская республика будет находиться в союзе с какой-либо неамериканской державой.

Правило об автоматическом эмбарго на оружие и военное снабжение, являющееся важнѣйшим пунктом законов о нейтралитете, действует с 27 августа 1935 г. Оправдало ли оно себя на практике за протекшіе четыре года? Президент Рузвельт, статс-

---

*) Нынѣ действующій список (прокламація президента от 10 апрѣля 1936 г. № 1637) включает в себѣ, кромѣ оружія и снаряженія всѣх сортов, также бронированные автомобили, аэропланы (военные и гражданскіе) и их составныя части.

***) «Cash-and-carry» clause.

секретарь Хола и значительная часть американского общественного мнѣнія склонны отвѣтить на этот вопрос отрицательно. Закон был принят во время войны между Италией и Абиссиніей. Прекратив снабженіе Италии товарами, на которые было наложено эмбарго, Соед. Штаты косвенно приняли участіе в санкціях, проводившихся Лигой Націй. Таким образом закон о нейтралитетѣ при первом же своем примѣненіи привел не к изоляціи Соед. Штатов от европейских споров, а, напротив, к их участію в конфликтѣ на сторонѣ одной группы европейских держав.

Лѣтом 1936 года началась гражданская война в Испаніи, и европейскія демократіи провозгласили лозунг «невмѣшательства». Соед. Штаты не участвовали в состоявшихся по этому вопросу соглашеніях и в первые мѣсяцы гражданской войны из американских портов производилось довольно усиленное снабженіе республиканскаго правительства оружіем. Однако, как только в январѣ 1937 г. собрался на очередную сессію Конгресс, обѣ палаты в экстренном порядкѣ приняли резолюцію об эмбарго на грузы, предназначенные в Испанію. Затѣм закон о нейтралитетѣ был дополнен статьей о «гражданских смутах, угрожающих миру Соед. Штатов». Снова механизм американскаго нейтралитета оказался согласованным с политическими планами европейских держав. Возраженія и споры, которые политика невмѣшательства вызвала во Франціи и Англии, с меньшей силой разгорѣлись в Америкѣ. Это ли было цѣлью законов о нейтралитетѣ?

В 1937 г. событія на Дальнем Востоку вновь поставили вопрос о рациональности этих законов. Чтобы избѣжать американскаго эмбарго, ни Японія, ни Китай не об'являют друг другу войны, и одна из кровопролитнѣйших войн в исторіи официально не носит этого имени. Президент не имѣет повода издать предусмотренную законом прокламацію о состояніи войны и он до сих пор не воспользовался своим правом об'явить эмбарго с ссылкой на гражданскую смуту. В результатѣ из Америки происходит усиленное снабженіе и Китая, и Японіи «оружіем, снаряженіем и военными матеріалами» — не без пользы для промышленности (в частности, в западных штатах), но к великому неудовольствію пропагандистов бойкота японских товаров.

Обострившееся с марта 1938 года положеніе в Западной Европѣ с новой силой поставило пред американским общественным мнѣніем вопрос о роли Соед. Штатов в международных отношені-

ях. Всеобщее возмущеніе методами и цѣлями европейских диктаторов приводит к все растущему сознанию общности интересов, связывающих Америку со странами демократического фронта, и опасности, какой грозило бы ей владычество «агрессоров» над Европой.

Убѣжденным провозвѣстником и пропагандистом этих настроеній является, как извѣстно, президент Рузвельт. Ему вторит, хотя и в болѣе спокойном тонѣ, статс-секретарь Холл. Рузвельт и Холл в болѣе или менѣе прикрытой формѣ заявляют, что в случаѣ войны между обоими блоками европейских держав Соед. Штаты едва ли смогут долго оставаться нейтральными. Поэтому они ставят законодательству о нейтралитетѣ новую цѣль: оно должно помочь созданію обстановки, при которой потенциальные агрессоры имѣли бы как можно меньше охоты начинать войну. Между тѣм, закон об автоматическом эмбарго наперед обѣщает Германіи и Италіи, что Америка в случаѣ войны не будет помогать их противникам поставкой оружія. Не увеличивает ли это боевой задор «агрессоров»? По мнѣнію Рузвельта и Холла, законодательство о нейтралитетѣ должно быть таково, чтобы ни одна группа держав не могла авансом рассчитывать на тот или иной образ дѣйствій Соед. Штатов.

Весной 1939 г. истекал срок нѣкоторых существенных частей закона о нейтралитетѣ, который поэтому должен был вновь поступить на разсмотрѣніе Конгресса. В связи с этим Рузвельт и Холл имѣли случай ясно формулировать свои пожеланія. В рѣчи, произнесенной 4 января при открытіи Конгресса, президент сказал облетѣвшую весь мір фразу: «и помимо войны есть другія средства, болѣе сильныя, чѣм слова», которыми Америка должна содѣйствовать обузданію «агрессоров». Это было понято как президентская директива, которую Конгресс должен имѣть в виду при предстоящем пересмотрѣ акта о нейтралитетѣ. В письмѣ, адресованном председателям комиссій по иностранным дѣлам обѣих палат Конгресса, Холл подробно изложил свои пожеланія: правило об автоматическом эмбарго должно быть отмѣнено, но остальные статьи закона должны быть вновь подтверждены и включены в новую редакцію акта.

Законопроект, соотвѣтствующій пожеланіям Рузвельта и Холла, был внесен в палату представителей председателем комиссіи по иностранным дѣлам Блумом. Обсужденіе проекта в комиссіи за-

няло нѣсколько мѣсяцев, причем, по существующей в Америкѣ парламентской практикѣ, сторонники и противники проекта могли приглашать экспертов, которые в публичных засѣданіях давали пространныя показанія и отвѣчали на задаваемые вопросы. Ряд политических дѣятелей, профессоров исторіи и международного права и т. д. имѣли возможность выступить пред комиссіей, и их показанія подробно излагались в газетных отчетах. В концѣ концов, комиссія большинством 12-ти против 8-ми голосов приняла законопроект Блума.

Однако, в пленумѣ палаты представителей, куда проект поступил с благоприятным докладом комиссіи, сторонники реформы потерпѣли серьезное пораженіе: по предложенію депутата Вориса, палата приняла поправку, возстановливающую, — хотя с нѣкоторым ограниченіем, — автоматическое эмбарго. Тогда Рузвельт и Холл пустили в ход всѣ способы давленія на сенат, куда поступил законопроект, чтобы добиться принятія проекта Блума без извращающей его смысл поправки. Однако, силы противников президента в сенатѣ оказались достаточно внушительными, чтобы помѣшать осуществленію этого плана и панести правительству еще болѣе чувствительное пораженіе.

Сенатская комиссія по иностранным дѣлам, разсматривавшая билль до передачи его в пленум, состоит из 23-х членов, из которых 16 являются членами демократической партіи. Рѣшительное голосованіе в комиссіи состоялось 11 іюля: большинством 12-ти голосов против 11-ти комиссія постановила отложить разсмотрѣніе закона о нейтралитетѣ до слѣдующей сессіи Конгресса, которая открывается только в январѣ 1940 года. В большинствѣ голосовали пять сенаторов - республиканцев, пять демократов и два члена мелких партій.

Рузвельт немедленно выразил свое крайнее неудовольствіе по поводу постановленія сенатской комиссіи. В специальном посланіи Конгрессу, а затѣм на совѣщаніи в Бѣлом домѣ с участіем видных сенаторов обѣих партій, Рузвельт и Холл сдѣлали еще одну попытку спасти свой проект. Но им пришлось лишь выслушать от сенаторов отвѣт, что никакое предложеніе о разсмотрѣніи билля в текущую сессію не может собрать большинства голосов в сенатѣ.

Таким образом, реформа законодательства о нейтралитетѣ отложена на неопредѣленный срок. Положеніе, создавшееся в результатѣ вотума снатской комиссіи, не лишено парадоксальности.

Осталось в силѣ правило об автоматическом эмбарго на оружіе, которое при примѣненіи на практикѣ дало повод для самых серьезных возраженій. Потеряла силу, за истеченіем срока, статья об обязательной продажѣ товаров за наличный расчет и перевозкѣ их на иностранных судах, — статья, пользовавшаяся единодушным сочувствіем.

Президент заявил, что в случаѣ международнаго кризиса не будет ждать января и созовет Конгресс на чрезвычайную сессію. Однако, он сам же добавил, что измѣненіе закона о нейтралитетѣ во время войны крайне нежелательно, так как одна из воюющих сторон несомнѣнно будет считать такое измѣненіе враждебным актом.

Как могло случиться, чтобы парламентская коммиссія, в которой значительное большинство принадлежит к правительственной партіи, похоронила законопроект, который лидер партіи и глава государства считает необходимым для руководства внѣшней политикой страны?

Вѣроятно, голосовавшіе в большинствѣ сенаторы убѣждены в том, что население Соед. Штатов в массѣ не сочувствует какому бы то ни было вмѣшательству Америки в европейскіе конфликты. Противники Рузвельта отнюдь не раздѣляют его желанія пользоваться законом о нейтралитетѣ, как средством для устрашенія и обузданія опредѣленной группы европейских держав. Они не без основанія считают такую политику не нейтралитетом, а, напротив, — вмѣшательством. По их мнѣнію, предлагаемая президентом тактика является рискованной игрой, так как если ея непосредственная цѣль — сохраненіе мира — не будет достигнута, то благодаря ей опасность для Америки быть втянутой в войну чрезвычайно увеличится.

Сторонники автоматическаго эмбарго понимают, что оно отнюдь не дает безусловной гарантіи нейтралитета. Но они все же считают существующій закон нѣкоторой, хотя и неполной, гарантіей — и не хотят выпускать ея из рук. «Нелегко будет, — говорит, напр., Бирд, — обезпечить строгое выполненіе закона. Но надо надѣяться, что он будет соблюдаться в достаточной мѣрѣ, чтобы не дать банкирам и политикам снова, как в 1914 - 1917 г. г., свергнуть страну в пучину» *).

---

*) *Beard, The Devil theory of war (New York 1936), p. 123.* — Любопытно сопоставить с этим сужденіем американскаго историка

Рузвельт хотѣл бы вести активную внѣшнюю политику. Значительная часть общественнаго мнѣнія ему в этом сочувствует, и лучшіе органы американской прессы его поддерживают. Однако, именно большая активность президента в международных дѣлах побуждает Конгресс ревниво охранять свою, установленную конституціей, прерогативу — рѣшать вопрос о войнѣ и мирѣ.

Даже многіе сторонники президента полагают, что его «словесная воинственность», начиная с рѣчи о «взятіи агрессоров в карантин» и кончая сенсационными, но непродуманными телеграммами Гитлеру, — во многом содѣйствовала понесенному им в Конгрессѣ поражению.

А. А. Гольденвейзер

23 іюля 39 г.

сентенцію французскаго изслѣдователя внѣшней политики Соед. Штатов, дѣлающаго из той же предпосылки обратные выводы: «*Toutefois, il est clair qu'avec une administration bienveillante, l'appât de gains privés aidant, les possibilités de fraude seraient considérables*» (*Max, La politique extérieure des Etats-Unis, p. 29*).

От національного хозяйства к міровому

В день празднованія 150-лѣтія французской революціи, бросившей в мір «Декларацию праъ челоуѣка и гражданина», президент Лебрэн обратился по радіо с привѣтствіем ко всѣм ста милліонам жителей французской имперіи, напоминая, что Франція, вѣрная безсмертным принципам, признает за всѣми людьми, внѣ зависимости от их состоянія, расы, цвѣта, религіи, право на свободу и равенство. На свою рѣчь он тут-же, по волнам эфира, получил отвѣт голосами из Ліона, Анжу, Туниса, далекой черной Африки, еще болѣе далекаго Аннама и с середины Атлантического океана, с парохода «Нормандія». плывшаго к Америкѣ.

Могли-ли бы повѣрить в возможность такого чуда, не скажу творцы «Декларации прав челоуѣка», а, хотя-бы, люди, жившіе в концѣ 19 вѣка? Но мы с такой быстротой привыкаем к взапуски несущимся, одна за другой изобрѣтаемым, новым формам и способам челоуѣческаго общенія и единенія, что почти не обращаем на эти чудеса вниманія, не отдаем себѣ отчета в их значеніи, в том, в какой степени они будят и будоражат мир, шепчут грезы о лучшей жизни негру Дакара, рабочим Калькутты, феллаху Египта, крестьянину Ирана. За послѣднія 25 лѣт экономика, техника, транспорт, аэроплан, радіо, кинематографъ, пресса, искусство, научное общеніе, туризм создали могучую и крайне чувствительную связь жизни всего міра. Волненіе и измѣненіе в одном мѣстѣ этой связи с быстротой, почти немедленно, передается другим элементам цѣпи. Множество факторов, дѣйствуя совместно, благодаря чувствительности міровой цѣпной связи, порождает повсюду стремленія к нивелировкѣ жизни, социализирует, дѣлает общими потребности, обычаи, желанія, вызывает глубинное тяготѣніе подняться к лучшему, к уровню жизни, уже достигнутому передовыми странами. Мір взбудоражен. Послѣ войны 1914-1918 г. г. он вошел в полосу крупнѣйших социальных трансформаций, толкаемых рѣзко повысившимися потребностями народных масс, их желаніем перемѣн, новых условій жизни. Лассаль, начи-

ная в срединѣ 60 годов 19 столѣтія пропаганду среди нѣмецких рабочих, с ужасом говорил, что наталкивается всюду на «проклятое отсутствіе потребностей». Вот чего уже никак нельзя сказать о нашем времени! Оно характерно как раз обратным: *мировой инфляціей потребностей, взрывом потребностей у сотен и сотен миллионов людей.*

Располагает-ли міровое хозяйство, міровая экономика достаточными ресурсами, чтобы удовлетворить этот разлив потребностей? Вопрос кардинальный и необходимый, если только мы не считаем нужным на счет самого главнаго, а *это самое главное*, оставаться в счастливом невѣдѣніи. Еще памятны, онѣ вѣдь не совсѣм испарились, недавно торжествовавшія теоріи, об'яснявшія кризис 1929 г. явным перепроизводством матеріальных благ, товаров. Кризис от переизбытка, от избытія! Развѣ такое об'ясненіе не получило потрясающаго по своей убѣдительности подтвержденія, когда всѣм стало извѣстно, что в Сѣв. Америкѣ сжигают пшеницу, хлопок, маис, уничтожают молоко и фрукты, в Бразиліи уничтожают кофе, на Кубѣ — сахар, во Франціи — виноградники, в Голландіи — молочных коров, в других странах выбрасывают обратно в море уловы рыб? Эти факты свинцом проникли в мозг народных масс. Вмѣстѣ с какой-то мистической вѣрою в машину, будто уже теперь почти избавившую человечество от обязанности трудиться, они заполонили, загипнотизировали сознаніе широчайших слоев рабочих. Было - бы странно, если - бы такое состояніе умов и психологіи народных масс не нашло себѣ крайних идеологических выразителей. Они, разумѣется, появились. И один из них писал в 1936 г., что так как «мы вступили в эру избытія», то сейчас не должны уже имѣть мѣсто старыя «капиталистическія» формы распределенія: «каждому по способностям, каждому по его труду». «Формула распределенія теперь должна быть иная: *каждому по его потребностям, каждому по его нуждам* (см. J. Duboin. Libération, стр. 229). В переводѣ на простой язык это означает: амбары міра в нашу эру избытія переполнены. Берите из них все, что пужно, хватит на всѣх!

Фантасмагорія и мипраж, созданные острым, неутоленным желаніем и разгоряченным воображеніем масс, разлетаются в прах, когда к чарованію красных вымыслов подходят с арифметикой. Благодаря Лигѣ Націй и превосходным работам ея экономическаго отдѣла, мы теперь знаем о міровой экономикѣ несравненно

больше, чѣм 20 лѣт назад *). И вопрос о ресурсах, о степени достигнутого человѣчеством «изобилія» теперь, пусть не достаточно точно, но все-таки может быть освѣщен не в масштабѣ локальном, а мировом. Так как статистикѣ пока еще непосильна задача точнаго учета всѣх издѣлій мировой обрабатывающей индустрии и ремесла, в Лигѣ Націй сосредоточили вниманіе на учетѣ «продукціи базы» (*production de base*), основных элементов, составляющих пищу человѣчества, дающих ему свѣтовую, тепловую, механическую энергію, дающих матерію, превращающуюся при ея обработкѣ в одежду, машины, транспорт, зданія. Подсчет Лиги Націй, произведенный в долларах и в цѣнах 1930 г., охватил 79 основных ресурсов, именно: пищевую группу, в видѣ пшеницы, ржи, риса, картофеля, свекловичнаго и тростниковаго сахара, мяса, молока, рыбы; вино и хмѣль, кофе, чай, какао, табак, маслянистыя вещества (соя, копра, арахид, сѣмена хлопка, льна, кользы, конопли и т. д.), текстильное сырье (хлопок, лен, конопля, джут, шерсть, шелк, искусственный шелк), каучук, лѣс и целлюлоза, топливо и электроэнергія, т. е. уголь, лигнит, нефть, натуральный газ, гидроэнергія, всѣ металлы от желѣза и кончая ртутью, минералы неметаллическіе — цемент, соль, сѣра, асбест, фосфаты, калий и т. д.

Воспользуемся же произведенным подсчетом и, сообразуясь с численностью населенія стран, попытаемся представить себѣ, каким количеством основных ресурсов, послѣ вѣков существованія и неустанной борьбы с природой, нынѣ в разных районах земного шара обладает человѣчество?

Оказывается, что в 1937 г., в среднем, на душу населенія міра, численностью в 2.115 миллионѣ душ, приходилось валовой продукціи базы всего на 29 долларов в год (мы даем все в округленных цифрах). Больше всего имѣет населеніе Океаніи, главным образом, Австралія и Новая Зеландія, гдѣ основные ресурсы на душу выражаются в 180 долларов. В их массѣ — хлѣб, мясо, молоко, шерсть занимают почти 90%. Населеніе «счастливой» Океаніи составляет лишь полпроцента населенія міра. Слѣдующим

---

*) См. изданія Лиги Націй: «*La production mondiale et les prix*», 1937-38, «*Annuaire Statistique de la Société des Nations*», 1937-38, «*Annuaire des Statistiques du Travail*», «*Statistique du Commerce internationale*» 1938, «*Aperçu général du Commerce Mondial*», 1937, «*Monnaies et Banques*» 1937, etc.

районом благополучія, в котором живет 7% мирового населенія, — Соед. Штаты Америки и Канада. Они имѣют в год на 108 долларов пищевых и сырьевых ресурсов. Среди послѣдних огромная доля (34%) приходится на разные виды топлива. Европа, вмѣстѣ с Россіей (берем в Россіи все ея населеніе, а не только европейское, т. е. до Урала), при населеніи в 27% мирового, имѣет основных ресурсов на 50 долларов в год. Южная Америка и латинскія страны Сѣв. Америки (Мексика, Гватемала, Коста Рика, Панама и т. д.), а их населеніе — 6% міра, имѣют еще меньше: 38 долларов. Населеніе Африки, составляя 7% мирового, довело свои основные ресурсы до 12 долларов в год. Наконец, Азія, гдѣ живет *больше половины (52,4%) рода человеческого*, имѣет пищи, топлива, сырья, всего на всего, на 9 долларов в год! В других районах земного шара из растительнаго сырья, металлов и минералов, с помощью энергоресурсов, вырабатывается множество издѣлій. Общая производимая хозяйственная цѣнность в Сѣв. Америкѣ превышает не менѣе, чѣм в 6 раз (в Европѣ гораздо меньше), цѣнность продукціи базы. В Азійи и Африкѣ этого нѣтъ. Хозяйственная дѣятельность, выражаясь в производствѣ кусочка пищи, примитивном строительствѣ жилья и пошивкѣ весьма примитивной одежды, в своей цѣнности очень мало превышает продукцію базы. Экономисты, исчисляющіе весь національный доход Китая и Азійи около 10 - 11 долларов на человѣка в год, вѣроятно, не далеки от истины. Эти районы земного шара — царство нищеты, голода, смерти. Да, царство смерти. Напримѣр, в Индіи средняя продолжительность человѣческой жизни всего *26 лѣтъ*, тогда как она была 41 - 46 лѣтъ в совѣтской Россіи (в 1927 г.), 54 - 59 лѣтъ во Франціи, 60 - 64 в Великобританіи и Скандинавских странах и 65-67 лѣтъ в Новой Зеландіи («*Annuaire Statistique 1937 - 38 г. Лиги Націй*»). Первая цифра дает продолжительность жизни мужчин, вторая женщин). Прибавив к азіатскому населенію, недалеко от него ушедшее, африканское населеніе и живущих в нуждѣ крестьян русских, польских, румынских, болгарских, сербских, греческих, итальянских, испанских, ирландских, португальских, бѣдноту в Южной Америкѣ, придется сказать, что, по крайней мѣрѣ, *68 - 70% населенія міра* находятся на сторонѣ прямо противоположной изобилію, — в состояніи, хотя и в разной степени, нищеты.

В таком случаѣ, что значит эта нехорошая фраза: «мы всту-

пили в эру изобилия? Кто это «мы»? Люди, очевидно, забыли о существовании миллиарда китайцев, индусов, аннамитов, негров или просто не считают их людьми. В действительности же, мир, не смотря на изобретенные техническия чудеса, летающие над Азіей и Африкой аэропланы, возможность из джунглей и с Сѣвернаго полюса говорить по радио с Нью - Йорком, Парижем или Москвою, не дает права на сравнение его с чашей изобилия. Было - бы правильно сказать о нем, что это океан нужды, недостатка, нищеты, среди котораго находятся небольшіе острова благополучія. Но, может-быть, на них-то, в противоположность голодной Азій и Африки, население уже и достигло высокой степени изобилия? Это можно проверить. За критерій оцѣнки «обилия благ», в этом случаѣ, мы возьмем не количество пищи, растительнаго сырья, добываемаго топлива, металлов и минералов, не валовую продукцію сельскаго хозяйства и добывающей индустріи, которыми в своих подсчетах оперирует Лига Націй, а другой, болѣе обширный и сложный, измѣритель. Возьмем душевой національный доход, т. е. производимую в странах в течение года новую хозяйственную цѣнность, состоящую не только из (чистой) продукціи сельскаго хозяйства и добывающей индустріи, но и из издѣлій обрабатывающей индустріи, строительства и цѣнности полезных услуг (транспорт, торговля). В этой области, за исключеніем нѣкоторых стран, конечно, нѣтъ точных подсчетов. Всѣ они приблизительны. Для наших цѣлей достаточно и их тѣм болѣе, что они, как мы о том будем говорить, преувеличены, а не преуменьшены. Цифру національнаго дохода Соед. Штатов мы берем из официальнаго изданія «Economic Research», всѣ остальные из сводки доходов, составленной в 1930 г. Дрезденским банком (см. его изданіе — «Die Wirtschaftlichen Kräfte der Welt»). Доходы нѣкоторых стран — Швеціи, Японіи теперь нѣсколько больше, чѣм указано. Для других, напримѣр, Бельгіи, пришлось брать исчисленія за болѣе раннее время. Рейхмарки, в которых показаны доходы в цитируемом изданіи, нами переведены по курсу того года в доллары.

Картина экономическаго уровня на «островах» сравнительнаго благополучія оказывается вот какой. В 1928 г. до міроваго кризиса національный доход (потребленіе и накопленіе) на душу населенія в долларах того времени равнялся: в Соед. Штатах Америки — 655 долларов, в Канадѣ — 586, Австраліи — 515, Великобританіи — 364. Голландіи — 363, Швейцаріи — 342, Нор-

вегії — 311, Данії — 266, Швеції — 258, Германії — 250, Франції — 232, Бельгії — 208, Австрії — 172, Італії — 138, Венгрії — 100, Латвії — 92, Румунії — 91, Японії — 87, Югославії — 80, Польщі — 74. В идущей вниз лѣстницѣ доходов рѣжет глаз ужасающее неравенство уровней жизни различных стран и народов. Проблема равенства, столь простая в моральной философіи и религіи, рѣшаемая с такой легкостью ораторами на народных митингах, приобретает глубоко трагическій облик, когда ее переносят в сферу отношений народов и на экономическую почву. Можно сколько угодно говорить, что пролетаріи или крестьяне Румыніи, Італіи или Венгрії «равны» или имѣют право на равенство с рабочими и крестьянами Канады, Америки, Австраліи. Увы, этого нѣт. Неоспоримо, что разбуженный мір стремится, алчет равенства, хочет равняться на высшій уровень. В Польшѣ хотѣли-бы жить, хотя-бы, как в Італіи. В Італіи, как во Франціи. Во Франціи, как в Англійи, в Англійи, как в Сѣв. Америкѣ, гдѣ, однако, народныя массы, как о том свидѣтельствуют соціальныя требованія и соціальная борьба, совсѣм недовольны своим положеніем. Всѣ хотѣли-бы жить лучше, и всюду экономика безжалостно одергивает: подсчитай твой національный доход, твои ресурсы...

Спрашивается, на какой ступенькѣ лѣстницы доходов можно было-бы говорить об «изобиліи»? Доход Польши почти в 7 раз превышает душевой доход китайцев. В сравненіи с ними Польша «богатая» страна. Кто все-таки рѣшится назвать богатым нуждающееся в самых элементарных вещах, очень плохо живущее, польское населеніе, душевой доход котораго почти в 9 раз меньше, чѣм в Сѣв. Америкѣ? Доход Франціи в 1928 г. — 232 доллара — 5.800 франков Пуанкарэ. Эту цифру мы получаем, подѣлив произведенную в году хозяйственную цѣнность с аптекарской точностью равномерно между всѣм французским населеніем. Можно-ли при этом национальном доходѣ удовлетворить требованія, которыя мы ежедневно находим на страницах «Populaire» и еще большія — на страницах «L'Humanité»? Отвѣт, конечно, отрицательный: нынѣшній уровень производства Франціи явно недостаточен, чтобы произвести то улучшеніе жизни трудящихся, о котором взыскует наша эпоха. Если же за мѣру относительнаго изобилія взять национальные доходы сверх 300 долларов на человека (7.500 фр. Пуанкарэ), то только 8 стран міра попадут в эту рубрику: Соед. Штаты, Канада, Австралія, Ново - Зеландія,

Великобританія, Голландія, Швейцарія, Норвегія. Их населеніе около 200 милліонов, немногим больше 9% мірового. Остальное населеніе — 91%, в том числѣ такія страны, как Германія, Россія, Франція, Бельгія, Італія находятся далеко от черты (весьма условнаго) изобилія. Дальнѣйшее увеличеніе производства является для них очевиднѣйшей необходимостью, если онѣ хотят, болѣе или менѣе ощутительно, улучшить жизнь своего населенія. Иным кажется положеніе в 8 перечисленных «счастливых» странах. При національном доходѣ свыше 300 долларод не сводится ли вся проблема к тому, чтобы равномѣрно и справедливо распределить создаваемые блага?

Отвѣт на такой вопрос можно дать, лишь уяснив, какое экономическое содержаніе скрывается за этой цифрой: «свыше 300 долларод». Цифра національнаго дохода есть высшее и предѣльно краткое резюме и измѣреніе экономическаго состоянія страны. Этот сложный іероглиф нужно умѣть расшифровать. Годовой національный доход, цифрами котораго обычно оперирует экономическая пресса, есть подсчет суммы доходов различных групп, составляющих общество. Он, это почти всеми упускается из виду, значительно больше цѣнности дѣйствительно произведенной продукціи. В него входят доходы групп, не участвующих в производствѣ — чиновников, либеральных профессій, арміи, прислуги, пенсіонеров и т. д., получающих (с помощью налогов) свою часть из доходов лиц, работающих в хозяйствѣ. Для опредѣленія дѣйствительно произведенной продукціи (т. е. чистой) нужно из суммы національнаго дохода вычесть сумму доходов указанных групп. А эта сумма доходов в передовых странах как раз очень значительна. Составляя не менѣе 20%, она, с ростом соціального обезпеченія старости (пенсіонеров) и культурных запросов общества, — имѣет тенденцію все время увеличиваться. Таким образом, при національном доходѣ, напримѣр, в 300 долларод на человек, чистая продукція, конечно, не будет больше 240 долларод. Другое указаніе. Уровень жизни населенія опредѣляется количеством цѣнностей, поступающих в его личное потребленіе. Продукція общества, однако, отнюдь не состоит только из предметов личнаго потребленія. В ней есть значительная доля предметов производственнаго назначенія, значительная доля, составляющая обязательное *накопленіе*—новые заводы, фабрики, двигатели, машины, зданія. Все это нужно вычесть из «чистой» продукціи, чтобы имѣть

представленіе о величинѣ цѣнностей, поступающих в личное потребление. Вот если-бы для каждой страны, имѣющей нац. доход свыше 300 долларов, мы произвели указанныя операціи (сложная экономическая задача!) и оставшуюся продукцію захотѣли совершенно *равнозѣрно*, уравнительно, распредѣлить между населеніем этих стран, весьма сомнительно, чтобы такое сплошное поравненіе, даже в Соед. Штатах, могло-бы обезпечить ея населенію *standart of life* культурно - живущаго и имѣющаго небольшой достаток мелкаго буржуа Европы. О других странах тогда и говорить нечего. Однако, в Сѣв. Америкѣ есть уже сейчас слой из рабочих, чиновников, либеральных профессій, торговцев, крестьян, имѣющих *standart of life* выше, чѣм у этого маленькаго буржуа Европы. Они не позволят произвести по совѣтской методѣ (до 1936 г.) «уравниловку вниз». Для улучшенія положенія тѣх, кто имѣет низшій уровень жизни, не затрагивая высшаго уровня, уже достигнутаго нѣкоторыми слоями трудящагося населенія, нѣтъ другого средства, кромѣ увеличенія національнаго дохода.

Значит, в 8 болѣе богатых странах, *как всюду, стоит тот же вопрос об увеличеніи производства*. К сожалѣнію, не только его увеличеніе, а даже сохраненіе уже достигнутаго уровня в них наталкивается на громадныя препятствія. Национальный доход Соед. Штатов, равный 78,6 миллиардов долларов в 1929 г., при кризисѣ скатился до 44,9 миллиардов в 1933 г., создав безработицу десяти миллионов людей. Из резервуара экономики сразу исчезла цѣнность в нѣсколько десятков миллиардов долларов. От этого національный доход свернулся. Из большого стал малым. Если-бы поровну подѣлить его, на каждого человѣка пришлось бы доля, гораздо меньшая, чѣм в 1929 г. Нужно было заставить вновь работать остановившійся аппарат экономики, возстановить производственный процесс, его развернуть и увеличить. Как ни бьется Америка, она все еще не может вернуться к уровню 1929 г. Какія же общія причины тому мѣшают? Причин *очень много*, в их числѣ и слѣдующая. Вокруг стран с высоким уровнем жизни, как вокруг островов, находится, мы это уже видѣли, безбрежный океан нищеты. Нищим и бѣдным людям остальных районов земного шара, а их болѣе половины рода человеческого, нечѣм отвѣтить на обращенныя к ним предложенія товаров и услуг со стороны болѣе обезпеченных стран, и той же Америки, желающих за это в

обмѣн получить продукты и товары, не имѣющіеся на их террито-
ріях. Азіатская и африканская нищета создает только горстку
пищи, шалаш и перевязку для чресл. Она не производит достаточ-
наго количества встрѣчных цѣнностей, поэтому и «покупательная
способность» отсталых стран равна нулю. Мнимое перепроизвод-
ство в одних пунктах мірового хозяйства существует от того, что
в огромной массѣ других пунктов имѣется отчаянное и самое ре-
альное недопроизводство. Процесс обмѣна цѣнностями, болѣе или
менѣе эквивалентное возмѣщеніе произведенных другой страной
затрат труда, невозможен, если одна сторона ничего предложить
не может. В этом случаѣ должен имѣть мѣсто уже не обмѣн, а дар,
раздача, вспомошествованіе. А на таком евангельском принципѣ,
при всей его моральности, нельзя построить развертываніе экс-
порта и производства индустриальных стран. Нужно кое - что
другое...

Народныя массы, даже в самых передовых странах, конечно,
очень плохо понимают общее положеніе эконоимики. Раз в Брази-
лии могут жечь кофе, а в Америкѣ пшеницу, значит, по их убѣж-
денію, в мірѣ изобиліе и существуют огромные излишки. Значит,
уровень мірового хозяйства дошел до такой высоты, что совсѣм
не вопрос о производствѣ благ, а только об их наиболѣе «уравни-
тельном», справедливом распредѣленіи стоит как главенствующій
в каждой странѣ. Народныя массы на національное и на міровое
хозяйство смотрят чрез окна какого - нибудь наполненнаго това-
рами универсальнаго магазина — Лувра или Самаритѣна. Их
«изобиліе» они проэцируют на весь мір», не догадываясь, что ма-
ленькая арифметическая операція — в видѣ дѣленія этого изоби-
лія, хотя-бы на нѣсколько миллионов людей, — от переполненности
«Лувров» ничего не оставляет...

Не возвышаясь над сознанием масс, а к нему, и часто ползу-
че, приспособляясь, их точку зрѣнія раздѣляет и крайне значи-
тельное число идеологов, политиков, представителей крайняго лаге-
ря. Лишь часть (шведских, датских, бельгійских, англійских) со-
ціалистов, как раз тѣх стран, гдѣ — обращаем на это особое
вниманіе — сохранилась демократія, не теоретически, а скорѣе
инстинктивно, освободилась от этого опаснаго недостатка. У всѣх
остальных «лѣвых» проблема распредѣленія всегда ставится не
слитно с проблемой производства, не послѣ нея, а неизмѣнно впе-

реди ея, над нею. «*La charrue est toujours devant les bœufs*». Словесно, проблема производства пользуется почтением, фактически она в лѣвых кругах всегда в тѣни.

Нужно к этому добавить, что в своих взглядах на экономику многіе идеологи стали, так сказать, жертвами исторической неожиданности. В теченіе десятилѣтій доктрина твердила, что капитализм подготавливает «производственные» предпосылки для социализма, бытіе опредѣляет сознание и социализм наступит, когда капитализм, так сказать, переполнит до потолка всяким добром общественные магазины. Не дѣло - де социалистов заботиться о производственных предпосылках. Все, что нужно, сдѣлает «объективный ход вещей». «Ходу» было угодно принести большія неожиданности. Сознание опередило бытіе с помощью *техники усовершенствованных способов человеческого общенія*. Совокупность социалистических требованій, в видѣ требованія развернутаго права на жизнь, большаго заработка, лучшаго жилища, лучшей нищи, лучшей одежды, передоваго соціального страхованія, гигиенических условій работы, пенсій старым, субсидій для образованія и т. д. появилась, распространилась, укрѣпилась в сознании и психологии *сотен и сотен милліонов людей*, на много раньше, чѣм это предвидѣла теорія, на много раньше, чѣм для возможности осуществленія массовых требованій была подготовлена «материальная производственная база». Теперь и царствующія «Божьей милостью» особы принуждены считаться с постановленіями международной конференціи труда. В этом смыслѣ для нашей эпохи весьма характерен слѣдующій документ, напечатанный в № от 30 іюня 1938 г. официальнаго бюллетеня «*Bureau International du Travail*» при Лигѣ Націй:

«Принимая во вниманіе, что международная конференція труда 19 іюня 1934 г. утвердила проект конвенціи ном. 41, касающійся ночной работы женщин, Мы, Божьей Милостью, Гази І. Царь Ирака, ознакомившись с этим проектом, его одобрили. Мы принимаем на себя обязательство и даем слово Царя осуществлять искренно и точно всѣ постановленія указанной конвенціи. С цѣлью придать ему оольшую силу и авторитетность, Мы прикладываем Нашу Царскую печать внизу этого документа, который мы подписали Нашей Царской Рукой. Дан в Царском Дворцѣ в Багдадѣ 21-го дня «*de Dhil Hujja 1356 de l'Hijsra*».

Наслѣдники в Багдадѣ Гарун-Аль-Рашида, не перешедшіе

еще к принятому во всем мірѣ лѣтоисчисленію, апперцепируют в полуфеодальной странѣ социальное законодательство, к которому пришли передовыя страны в результатѣ долгаго экономического развитія. Цѣпная связь міра, со всей ея техникой чудес, ея «пропагандой», социализируя сознание, приносит, навязывает, порождает взгляды, потребности, установленія, ни в какой мѣрѣ не стоящія в соотвѣтствіи с уровнем матеріальной базы. Так дѣло обстоит и в других странах: и в Греціи, и в Чили, и в Перу, и в Парагваѣ, и в Южной Родезіи, и множествѣ других мѣст. Рабочіе Алжира и Марокко, гдѣ вряд-ли имѣется и намек на подготовленность к социализму «матеріальной базы», требуют и 40-часовую недѣлю, и двухнедѣльных отпусков, и такого повышенія заработной платы, которая обезпечила-бы им хорошее жилище, хорошую пищу, одежду, удовольствія. Кто скажет, что эти, по телефону и по радио разносимыя по всему міру и быстро усваиваемыя, желанія морально незаконны? И, все-таки, возможно-ли плодить иллюзіи, что «мы уже вступили в эру изобилія», и не видѣть, как далека матеріальная база от пред'являемых к ней требованій?

В этой непредвидѣнной обстановкѣ естественно встает ряд доселѣ практически никак не ставившихся, совершенно новых, важных вопросов. Среди них, в передовых странах, — в первую очередь вопрос о социальных реформах *при одновременной плановой организаціи* развитія производительных сил и увеличеніи матеріальных благ с активным, сознательным, отвѣтственным *участіем новых общественных сил.*

Е. Юрьевскій

(Окончаніе слѣдует).

1780 - 1917 - 1939

150-літє великой французской революціи служит поводом для историков, политиков, идеологов различных направлений и режимов оглянуться вспять и, сравнив вѣк нынѣшній и вѣк минувшій, поставитъ вопрос о том, куда идет или куда за полтора вѣка пришел мїр?

На родинѣ революціи в этом отношеніи царит, можно сказать, единодушіе. Если откинуть невліятельную группу роялистов, типа Додэ и Морраса, вмѣстѣ с вѣрностью бурбомам сохранивших и вѣрность их династической традиціи — «ничего не забывая, ничему не научиться», Франція через полтора ста лѣт оказалась «единой и недѣлимой» в отношеніи к своей революціи. От самых неумѣренных націоналистов и до крайних коммунистов, участвующіе и неучаствующіе в официальных церемоніях и празднованіи юбилея, всѣ партіи и группы одинаково прославляют революцію; больше того — считаются с ней родством и сїлятся выдать именно себя за единственных, прямых и подлинных ея наслѣдников, вѣрных ея духу и завѣтам. Одни при этом рекомендуют в е р н у т ь с я к этим завѣтам («только принципы 1789 г. спасут Европу от порабощенія», — утверждает противник нынѣшняго режима во Франціи полк. де ла Рок), другіе б л ю с т и т ь их («когда народ становится свободным, он должен сам блюсти за своими судьбами», — говорил Даладьє на празднованіи «чудотворной години» в Трокадеро). третьи — р а з в и т ь их примѣнительно к новым нуждам и взглядам.

Если искать различія в нынѣшнем общенациональном сочувствіи к революціи 1789 г. во Франціи, оно пройдет все по той же линіи пріятія ея en bloc, в цѣлом, или в частичном пріятіи — ея заданій и принципов, но без террора или «эксцессов», искаживших ея лик и отягчивших самое осуществленіе провозглашенных ею праведных начал. Крайніе лѣвые, с коммунистами во главѣ, конечно, за революцію в цѣлом, с ея неистовством и казнями; умѣренные и центр, до радикал - социалистов, считающих себя яко-

бинцами 19-го и 20-го вѣка, — против такого общаго пріятія: «Я не пріемлю утвержденія, что революція составляет единый блок, — говорил на одном из официальных торжеств Эррио. Революція совершила ошибки, имѣла недочеты и того хуже. Взаимная ненависть застопорила движеніе идей... Казнь Байи, Лавуазье, Шенье — какое бессмысленное варварство!» Наконец, среди социалистов можно найти защитников и того, и другого взгляда. Б. министр правительства народнаго фронта Лагранж — за пріятіе революціи в цѣлом, а бывший глава правительство, в которое он входил, — обратнаго мнѣнія. Леон Блюм писал в «Попюлерѣ»: «Эррио, продолжающій изслѣдовать французскую революцію в духѣ Мишлэ и Жореса, показал в недавней рѣчи, к каким злоупотребленіям может привести идея «блока» революціи. Он требовал в отношеніи к этой дивной эпопеѣ — независимой критики для историка, свободы высказывать сожалѣніе и даже осужденіе. Он совершенно прав, — лишь бы только сужденіе опиралось на предвзятое усиліе разума и изученіе отдѣльных эпизодов постоянно восполнялось общим взглядом». — Свое же отношеніе к революціи Блюм формулировал цитатой из жоресовой «Исторіи революціи»: «О, правители сегодняшняго дня, — теперь же вносите возможно больше человѣчности в нравы и законы, чтобы найти ее в неизбѣжный день грядущей революціи. И вы, пролетаріи, помните, что жестокость — остаток рабства; она свидѣтельствует о том, что варварство режима - угнетателя сохранилось еще и в нас!..»

Так же, как для французской республиканской демократіи естественна ея положительная оцѣнка собственнаго революціоннаго прошлаго, так же естественно для тоталитарнаго германскаго рейха и фашистской итальянской монархіи их отталкиваніе от принципов 89-го года и, в первую очередь, — от прав человѣка и гражданина. Муссолини до Гитлера и Гитлер, превзойдя в ожесточеніи Муссолини, одинаково возстают против «арханческаго пережитка» конца 18-го вѣка. Они отрицают полностью (тоже «en bloc») все, что было неосмотрительно провозглашено и преступными средствами осуществлено французской революціей. Не «демократическая догма» и не «свободный народ» создали современную Францію и то, что в ней жизнеспособно и цѣнно, — пишет націонал-соціалистическая печать, а «военные диктаторы, которые сумѣли наступить на выю сотням тысяч плебеев».

В том, чтобы исправить ошибку французов, допущенную

исторіей в годы коллективнаго помѣшательства, фашисты и наци видят одно из главных своих исторических призваній и назначеній. В дни празднованія революціи во Франціи, германскій офицер «Фелькишер Beobachter» восхвалял фюрера за то, что «к 150 - му году революціи великіе народы вырвались из под хлороформирующаго ея вліянія и возстановили на почетное мѣсто вѣчные законы жизни, несмѣняемую іерархію. Люди и идеи, создавшіе новую эру, возстали против доктрины ложнаго равенства и лживой свободы»...

Вот, оказывается, к чему идет и частично уже пришел мір!

В яростности своих нападков на французскую революцію наци превзошли многих ненавистников французской революціи. Но в существѣ своего отрицанія они явились лишь энигонами и подражателями: как и во многих других случаях, наци 1939 года повторяют большевистскіе зады эпохи военного коммунизма.

*
**

И сейчас еще спорят о том, чего было больше в писаніях Маркса и Энгельса: апологіи формальной демократіи или диктатуры? Безспорно, что то и другое б ы л о в доктринѣ Маркса и Энгельса и что начало демократіи, или, чтобы быть болѣе точным, революціонизирующее вліяніе политической свободы на экономическія отношенія, подчеркивалось тѣм сильнѣе, чѣм ближе во времени, — особенно Энгельсом.

Большевистская линія русских марксистов шла как раз в обратном направленіи: от демократіи, которую большевики отстаивали, когда были в подпольѣ и в оппозиціи к власти, — они пришли к диктатурѣ, как только стали держателями власти. Сообразно с этим, в разное время бывало различно и отношеніе идеологов пролетарской диктатуры к французской революціи — к ея буржуазным принципам и достижениям. Из примѣра, достойнаго подражанія, французская революція превращалась в пункт отталкиванія, или в трамплин для «прыжка» ввысь и вдаль, — чтобы снова стать цѣннѣйшим достиженіем, оправдываемым не только исторически, но и политически.

При всем своем максимализмѣ Ленин до міровой войны меньше всего считал возможным введеніе социализма в наши дни в отсталой и капиталистически неразвитой Россіи: ей в пору исправить несправедливости, допущенныя при отмѣнѣ крѣпостнаго права в 1861 г. по отношенію к крестьянству, но никак не вводитъ со-

ціалізм. Ленин и большевики имѣли свое представление о «движущих силах» русской революціи; но, с буржуазіей ли в качестве гегемона или с пролетаріатом во главѣ крестьянства и буржуазіи, русской революціи, по их мнѣнію, предстояло лишь повторить в условіях начала XX-го вѣка французскую революцію конца XVIII.

С міровой войной пред Лениным открылись болѣе широкіе горизонты и новыя перспективы, — все же далекія от того, чтобы именно в Россіи усмотрѣть «родину социализма». Благодаря отсталости Россіи в ней легче произвести переворот; но новый социальный строй ей удастся заложить у себя лишь при помощи болѣе культурных и социальнo зрѣлых стран, которыя к революціи могут придти и позднѣе Россіи, но, конечно, раньше нея призваны свершить предусмотрѣнный «прыжок» в царство свободы. И послѣ завоеванія власти в Россіи официальная доктрина большевиков первоначально утверждала, что совѣтская Россія является лишь плацдармом и детонатором міровой социальной революціи, несущей социализм передовым странам Запада.

И только послѣ ликвидаціи Учредительнаго Собранія и заключенія брест-литовскаго мира, когда Ленин убѣдился, что ему непосредственно не грозит опасность «быть вывезенным на тачкѣ» и что «міровая» в Европѣ запаздывает, — когда возникла необходимость так или иначе устроиться на болѣе длительный срок на новых позиціях, по нуждѣ явилось и новое устремленіе: себя и свое во всем противопоставлять всему чужому, бывшему и существующему. Отсюда и миф о новом человѣкѣ на новой землѣ, созданной Совѣтами, — певѣдомыми Европѣ, но тѣм болѣе увлекательными для европейскаго сознанія. «Совѣтам» суждено было стать одновременно и свѣтлым мифом для западнаго человѣка, истощеннаго войной, нуждой и безработицей, и прикрытіем «неувязки» в большевистской идеології и практикѣ, получившейся в результатѣ побѣды социализма не в міровом масштабѣ, а в одной странѣ, наиболѣе отсталой политически и экономически.

...«Сгинь ты, англійское юдо,
Расплещися по морям,
Наше сѣверное чудо
Не постичь твоим сынам!..»

В порядкѣ утвержденія своей самобытности и особенной, совѣтско - социалистической стати, «сѣверное чудо» и было проти-

вопоставлено всѣм другим до того бывшим революціям и, в частности, — великой французской. Больше того: умаление и поношение «буржуазной» французской революціи, утвердившей собственническое начало, служило возвеличенію своей, — сначала «рабоче - крестьянской», потом «пролетарской» и, задним числом, «соціалистической».

Не власть привилегированных и владѣющих классов, как в буржуазных монархіях и даже республиках, а — власть рабочих и крестьян, рабоче - крестьянская власть; не чиновничество, полиція, суд и армія, служащіе угнетенію в буржуазных государствах, а — Совѣты рабочих и крестьянских депутатов, чтобы «сломать» аппарат насилія над трудящимися; не единая и недѣлимая нація, а — «федерація совѣтских національных республик» и, вмѣстѣ с тѣм, конфедеративный, или «свободный союз свободных націй», и т. д. На таких а н т и т е з а х построено почти все «революціонизирующее» декретное творчество эпохи военного коммунизма. На противопоставленіи октябрьской революціи — французской революціи и ея Декларации прав человѣка и гражданина покоится и утвержденная 3-м Всероссийским Сѣздом Совѣтов в январѣ 1918 г., так называемая «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемаго народа».

Написанная лично Лениным, «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемаго народа» всѣм своим содержаніем и даже заглавіем *) является полемическим отталкиваніем от Декларации прав человѣка и гражданина французской революціи. О личных правах ленинская Декларация и не упоминает. Но и права коллектива («трудящегося и эксплуатируемаго народа») она вовсе не считает «неотчуждаемыми и неотчѣпными», или первичными по отношенію ко всякой власти и государству, — как утверждала доктрина французской революціи. Ленинская Декларация провозглашала права с о в ѣ т с к а г о г о с у д а р с т в а, его задачи и цѣли, — а не права народа в отношеніи к государственной власти.

Декларация была признана, конечно, превосходящей по своему всемірно - историческому значенію все сущее и бывшее, — в

---

*) В полемикѣ с Робеспьером якобинец Буасель предложил принять не Декларацию прав человѣка и гражданина, а «Декларацию санкюлотов». Не отсюда ли, не у автора ли «Катехизиса рода человѣческаго» заимствовал Ленин и заглавіе для своей Декларации?.. — См. **М. А. Landau-Aldanov** «Deux Revolutions», p. 115. — Paris. 1920.

том числѣ и всѣ Декларациі прав человѣка и гражданина французской революціи. Не успѣлъ, однако, военный коммунизм отойти в прошлое, как Конституція РСФСР от 11 мая 1925 г. сочла уже за благо не включать в свой текст пресловутую «Декларацию прав трудящагося и эксплуатируемаго народа», а ограничиться глухой и общей ссылкой на нее. Пройдет послѣ этого еще 11 лѣтъ и новая «всемирно - историческая», так называемая, сталинская конституція (5 декабря 1936 г.) откажется даже от глухой ссылки на бывшее творчество Ленина и отведет в то же время цѣлую главу X-ую — Основным правам человѣка и гражданина.

*
**

Рѣзкое противоположеніе себя, Совѣтов, и своей, «никогда в мірѣ невиданной» революціи, конституціи, «соціалистическаго отечества» и проч. — всѣм прочим буржуазным «Европам» и Америкам, — служило не только цѣлям большевистской пропаганды и прельщенія внутренняго и международнаго. В замкнутости совѣтскаго міра, в воспитаніи любви к своему совѣтскому отечеству, в созданіи высококомѣрія совѣтских народов, в их изоляціи от буржуазной Европы власть видѣла одну из серьезнѣйших гарантій собственной прочности. Это стремленіе к самоизоляции сохранилось и тогда, когда внѣшняя политика Совѣтов коренным образом измѣнилась, и Совѣты стали вращаться в лучшем буржуазном обществѣ Женевы и Лондона, имѣли свое представительство и на похоронах высочайших особ, и при их коронаваніи и т. д., и т. д.

Многолѣтній свидѣтель того, как велась на мѣстѣ совѣтская внѣшняя политика, Н. Бассехес недавно писал по поводу «Московского пакта», что «большевики всегда боялись дружественных отношеній с западными государствами больше, чѣм враждебных: когда в 1922 году, послѣ заключенія рапальскаго договора, отдѣльные чины красной арміи стали вступать в контакт с германскими военными, в Москвѣ испугались и не рѣшились на превращеніе этого договора в военный союз». И сейчас, как и раньше, «духовной интервенціи» совѣтская власть страшится пуще всего: «вот почему на всей территоріи СССР, от польской границы и до Тихаго океана, нельзя найти ни одной иностранной газеты: вот почему число иностранных корреспондентов в совѣтской Россіи сведено к минимуму; вот почему визы на в'ѣзд в соціалистическое государство выдаются только в видѣ исключенія. Тѣ же

рѣдкіе иностранцы, которые проживают в совѣтской Россіи, самым радикальным образом отрѣзаны от населенія. Власть опасается деформации казенной идеологии в мозгах граждан. Но вызвать такую деформацию извнѣ друг может гораздо скорѣе и легче, чѣм враг: в этом смыслѣ заключеніе пакта с западными демокрагіями является, с точки зрѣнія совѣтской власти, рискованным предпріятіем»...

Извилистая политика совѣтской власти не исчерпывается, однако, самоизоляціей и противопоставленіем себя всему прочему міру, — не исчерпывается ни внѣшне, ни внутренне. Рядом с утвержденіем «соціализма в одной странѣ» продолжала маячить — в разное время на большем или меньшем отдаленіи — и увлекательная мечта о міровой революціи*). И во внутренней политикѣ ближайшія и очередныя задачи перемежались с болѣе длительными историческими заданіями. Так, сталинская конституція была — оставшейся пока на бумагѣ — политической уступкой «отца народов» давленію обстоятельств и домогательствам ближайших соправителей, объявленных позднее вредителями и измѣнниками. Но та же конституція, вмѣстѣ с стремленіем противопоставить себя всему прочему міру, обнаружила и обратную претензію Совѣтов стать законным наследником исторических достиженій чловѣчества на пути к утверденію свободы.

Именно в этих цѣлях Сталин самолично провозгласил свою конституцію «единственной в мірѣ до конца демократической», исполненной «послѣдовательнаго и до конца выдержаннаго демократизма». (См. его доклад на Чрезвычайном УІІІ С'ѣздѣ Совѣтов — «Правда» ном. 6939). Конечно, полностью отрѣшиться от привычнаго бахвальства и фанфаронства оказалось невозможным и при новой установкѣ. Поэтому тут же прибавлено, что сталинская конституція «не просто провозглашает равенство прав граждан.

---

*) И с таким изумительным коварством подготовленный и с молниеносной поспѣшностью заключенный только что договор Сталина с Гитлером обнаруживает тѣ же двѣ тенденціи. С одной стороны желаніе отойти от буржуазно - европейских забот и тревоженій, не подвергая себя, свою власть и режим риску войны; и с другой стороны, — сохранить себя и свою власть до того вождельннаго момента, когда изнемогшіе во взаимном истребленіи народы явят собой благодарный матеріал для торжества коммунистической пропаганды и октябрьской революціи в міровом масштабѣ.

но и обеспечивает его», что «демократизм новой конституции является не «сбычным» и «общепризнанным» демократизмом вообще, а «демократизмом социалистическим», или «демократией для трудящихся, т. е. демократией для всех» и проч. Это не мѣняет того, что в конституции уже и помину нѣтъ о пресловутой «Декларации трудящагося народа». Статьи 118 - 133 формулируют «Основные права и обязанности граждан» по о б ы ч н ы м и о б щ е п р и з н а н н ы м образцам французской революции — конституциям 1791 и 1793 г. г.

Новая установка позволила совѣтской печати и 150-лѣтній юбилей французской революции воспринять и расцѣнить почти как свой собственный.

«Люди сталинской эпохи, вооруженные идеями марксизма - ленинизма, построив социалистическое общество, грудью защищая свое отечество от капиталистического окружения и идя вперед к коммунизму, знают историю», — пишет теперь в «Комсомольской Правдѣ» совѣтскій академик Лупшол. «И в перспективѣ вѣков они с особым уваженіем останавливаются на тѣх людях и на тѣх идеях, которые, в мѣру отлущенного им временем, по-революціонному боролись с абсолютнѣтско - феодальным строем... И мы говорим им: в пантеонѣ человѣческих гегіев вы — наши»... Таков путь, пройденный совѣтской доктриной.

Историческій подход дал возможность возвыситься над противрѣчными политическими оцѣнками французской революціи, хотя прославленіе бывших участников чужой и буржуазной революціи не мѣшает расправѣ с активнѣйшими дѣятелями собственной «социалистической» революціи!... Тот же историческій подход дал повод припомнить и воспроизвести всѣ положительныя оцѣнки французской революціи Лениным. А академику Тарле, на 22-м году «социалистической» революціи, дозволено было напечатать в «Правдѣ» даже слѣдующія строки: «Никогда до 1789 года, ни при одной из предшествовавших больших революцій, ни в Нидерландах в XVI вѣкѣ, ни в Англии в XVII вѣкѣ, ни в Сѣверной Америкѣ в XVIII вѣкѣ не было столь радикальной ломки старых, отживших учреждений и порядков, какую продѣлала французская буржуазная революція XVIII вѣка» (ном. 193 от 14.-7). Та же мысль повторена и даже усилена Тарле в «Извѣстіях» от того-же 14-го іюля, в статьѣ по поводу взятія Бастиліи: — «За время существованія человѣчества (!) ни одно событіе внутренней жизни ка-

кой-либо нации не имѣло такого колоссальнаго и ни с чѣм несоизмѣримаго вліянія на всѣ остальные націи».

И в «буржуазной» литературѣ — даже во Франціи — немного достигает таких степеней превознесенія великой французской революціи!

К празднованію 150-лѣтія французской революціи совѣтская идеологія и практика — пока что, правда, на бумагах — вернулись к ряду принципов 89-го года, в отрицаніи коих и в противопоставленіи коим своих, совѣто - социалистических первоначально полагались весь смысл и оправданіе Октября. Демократія снова оказалась в чести: не только реабилитирована, но монополизирована — демократіи Запада расцѣпываются в СССР как мнимыя и «так называемыя»; бывшее представительство от профессионально - производственных «коллективов» и «групп» в Совѣты рабочих, крестьянских, солдатских, казачьих и батрацких депутатов смѣнилось всесовѣтским, или всенародным представительством от избирательных округов и на основѣ «четырёхвостки»; отрицаніе индивидуальных прав смѣнилось их утвержденіем; интернаціонализм — патриотизмом в стилѣ санкюлотов французской революціи; а право на національное самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія — пристальным наблюденіем за «самоопредѣленіем» сосѣдних с Россіей народов. Для значительных слоев совѣтскаго населенія революція и нація стали синонимами.

И каким безнадежным архаизмом звучат сейчас, даже в совѣтской идеологіи и быту, слова Ленина эпохи военнаго коммунизма и Брест-Литовска: «Всяческія воспоминанія и аналогіи с патриотизмом французской революціи 1792 года — одна революціонная фраза»!?. Именно эти слова и являются сейчас «фразой».

*
**

Проф. Тарле не ограничился выдачей похвальнаго аттестата «ни с чѣм несоизмѣримо» прошлому. Он думает и о грядущем: «Гдѣ и когда совершится слѣдующій этап? Этот вопрос ставился много раз — одними со стѣсненным сердцем, другими с надеждой. В разной формѣ, прямо или косвенно, его ставили и Шатобриан во Франціи, и Карлейль в Англии, и лѣвые гегельянцы в Германіи, и Огюст Бланк, полжизни просидѣвшій в тюрьмѣ, и Аристид Бриан, полжизни пробывшій министром. Октябрь 1917 года дал отвѣтъ».

Так, нѣсколько неожиданно для историка, заключает Тарле,

не нашедший на протяжении 128 лет от французской и до октябрьской революцией ни одного заслуживающего внимания «этапа». В противоречие с самим собой и с своим коллегой по академии Лупполом, он полагает; что «то, что было прогрессивным тогда, 150 лет назад, не является таковым сейчас». Передовик «Правды» определенно подчеркивает, что октябрьская революция «не является ни продолжением, ни завершением великой французской революции», ибо — Сталин сказал (в интервью с Эмилем Людвигом): «Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма». Что это значит, — уточняет тот же Луппол: «Не дополнять пужно старую декларацию новыми правами, а из'ять из старой декларации, отмѣнить в старой декларации одно право — право частной собственности на средства и орудия производства, т. е. право эксплуатации человека человеком».

Не будем поднимать спора относительно фактического упряднения в СССР эксплуатации человека человеком. Отмѣтим только, что, так называемая, сталинская конституция пошла не тем путем, который намѣчает Луппол, а — как раз в обратном направлении. По примеру Веймарской конституции, она дополнила личные права французской революции рядом новых прав: правом на труд, на отдых, на образование. С другой стороны, не упоминая о правѣ частной собственности, она закрепила в текстѣ конституции, наряду с «господствующей социалистической системой хозяйства», — «мелкое частное хозяйство» (ст. 9) и «право личной собственности» (ст. 10). И завѣряя на разные лады, что в СССР создан «социалистический строй, или первая фаза коммунизма», сам Сталин признал, что «свѣтское общество не перестало быть классовым», а состоит из «передового класса — рабочих», «дружественного» послѣдним — «класса крестьян» и классовой «прослойки» — интеллигенции.

Подчинивший себя шестую часть земной тверди и удержавшийся у власти вот уже скоро 22 года, Октябрь — событие, конечно, всемирно-исторического значения. И сколь ни анти-исторична сама террористическая диктатура с ея ленинизмом — сталинизмом, как подобием идеологии, — эволюция, продѣланный диктатурой, свидетельствует все же о непрерывности некоторых исторических законов. Если даже большевикам, несмотря на пре-

дѣльный их «динамизм» и неразборчивость в средствах, пришлось, при исключительно счастливой международно - политической кон'юнктурѣ, отступить от первоначальных задач, — какія еще нужны доказательства, что самыя их заданія были ирреальны и неосуществимы? Конечно, 1939 год не 1789-й: мiр стал иным, но человѣчество не на много измѣнилось, — во всяком случаѣ не настолько, чтобы уже притти к тому строю, который французская революція характеризовала как царство свободы, равенства и братства, а новѣйшая эпоха именуется социализмом.

Из неудачи большевистскаго опыта слѣдует не только то, что к социализму нельзя притти путем террора и что «обобществление средств и орудій производства» само по себѣ еще не создало социализма. Это было самоочевидной истиной и раньше: «Социализм будет социализмом свободных людей или его вовсе не будет», — повторил незадолго до смерти руководитель социалистическаго интернационала Вандервельде на празднованіи 50-лѣтія бельгійской рабочей партіи. «И деспот может экспроприировать класс капиталистов и поставить себя на его мѣсто. В таком случаѣ трудящіеся оказались бы не рабочими, получающими заработную плату от капиталистов, как то было раньше, а рабами государства, единой и неограниченной власти», — утверждал Каутскій. Да и Ленин это признавал до прихода к власти: «Кто хочет итти к социализму по другой дорогѣ, помимо демократизма политическаго, тот неминуемо приходит к нелѣпым и реакціонным, как в экономическом, так и в политическом смыслѣ, выводам» («За 12 лѣт». — СПб. 1908). — Горьчайшим для многих выводом из опыта большевиков и всего того, что он породил в мiрѣ, явилось убѣжденіе, что вообще «социализм в наши дни» — утопія. Слишком далеки современному человѣку сознаніе и ощущеніе «братства», или «солидарности», которая не исчерпывается вѣдь одинаковой «заинтересованностью» и не сводима к одной общности интересов.

Между тѣм «социализм в наши дни» — очень распространенное, чтобы не сказать модное, заблужденіе. Его раздѣляют не только максималисты, большевики в СССР или лѣвые социалисты в Англии, — которым и принадлежит этот призывный лозунг. Оно присуще и иным убѣжденнѣйшим противникам большевистскаго строительства и всѣх социалистических увлеченій на Западѣ. Так вдумчивый и талантливый Е. Юрьевскій обнаружил совѣм недавно «подлинный социализм» — не «через 200 лѣт, не через 70, а

сейчас, сегодня, завтра», и не в СССР, а, как бы в пику большевикам, — как раз в капиталистических странах. «Куски подлинного, живого социализма, большей или меньшей величины, уже повсюду вкраплены в толщу современного «капиталистического» (ироническія кавычки оригинала. — М. В.) строя»: в Америкѣ, Ново-Зеландіи, Норвегіи, Англии. «Забота о старых развѣ не социализм?...» «Прекрасная забота о юном поколѣніи — развѣ это не социализм?...» «В новопостроенные дома, свѣтлые, отвѣчающіе требованіямъ гигиены, снабженные ваннами и всякимъ комфортом, из старых, сырых, темныхъ квартир переселилась треть населенія Англии и Уэльса! Развѣ это не подлинный социализм...» («Соврем. Зап.», ном. 69, стр. 298 - 299).

Идя такимъ путем, автор обнаружилъ наличность социализма в Америкѣ, Ново-Зеландіи, Норвегіи, Англии, Франціи. Никто и не замѣтилъ, какъ міръ заговорилъ социалистическими «стихами»... В новомъ варіантѣ повторилась старая ошибка доктринальнаго либерализма, усматривавшаго «социализмъ» и посягательство на экономическую свободу почти во всѣхъ социальныхъ реформахъ новаго времени: в законодательномъ ограниченіи рабочаго времени, в установленіи обязательнаго минимума гигиены и безопасности, в подоходномъ налогѣ, социальномъ страхованіи, выкупѣ и строительствѣ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, монополіи на изготовленіе и торговлю спиртомъ, табакомъ, спичками и т. д., и т. д.

Если не злоупотреблять понятіями и не довольствоваться «номиналистическимъ» рѣшеніемъ проблем, нельзя однимъ и тѣмъ же словомъ покрыть самыя разныя явленія. Рузвельта и Поля Рейно такъ же нельзя причислить къ социалистамъ, какъ нельзя датировать социализмъ начальной фазой фабричнаго законодательства.

Социализмъ не есть лишь обобществленіе средствъ и орудій производства*). Но социализмъ не можетъ быть сведенъ и къ праву на жизнь и существованіе, — которое сейчасъ защищаетъ Е. Юрьевскій, в качествѣ адекватнаго выраженія социализму, и которое в свое время защищали Влад. Соловьевъ, П. А. Новгородцевъ, І. А. Покровский и др. противъ социализма. Его защищали в конвентѣ и Робеспьеръ, говоря: «Первое изъ правъ — право на существованіе. Сама собственность существуетъ для того, чтобы давать людямъ жить. Все необходимое для сохраненія жизни есть соб-

---

*) См. мою статью «О социализмѣ, совѣтскомъ и иномъ». «Соврем. Зап.», № 64, стр. 387 и др.

ственность всего общества. Только сверх нея избыток может быть частной собственностью и служить об'ектом торговых сдѣлок». — Или и Робеспьер был социалистом?..

За 150 лѣт, протекших с французской революціи, в мірѣ не успѣла сложиться окончательно и окрѣпнуть, так называемая, формальная или политическая демократія. вмѣстѣ с тѣм успѣло вскрыться огромное значеніе экономическаго фактора — неравенства и угнетенія: недостаточность одной политической свободы и риск, которому подвергаются политическія достиженія при всяком повороте экономическом продвиженіи по линіи социальной справедливости. Сейчас уже не приходится настаивать на роли и значеніи социальной экономики: это трюизм, не перестающій о себѣ вопіять и за себя мстить. Плановое и управляемое хозяйство стало неотмѣнимым законом общежитія. Частное хозяйствованіе, индивидуальное и коллективное, все шире и глубже пронизывается вмѣшательством и надзором со стороны цѣлаго, государства. Если опредѣлять социалистическую струю в этом процессѣ, она идет по линіи сведенія к минимуму частной выгоды и барышей от пользования чужим человѣческим трудом и, обратно, — к максимальной оплатѣ человѣческаго труда или, как гласит «предѣльная», в реальности неосуществимая формула социализма, — «полнаго продукта труда». И в международной экономикѣ мір идет к координаціи хозяйства, производства, кредита, сбыта.

Сейчас приходится доказывать уже не значеніе общественной экономики, а увы, — неотмѣнимую цѣнность политической самостоятельности и свободы. И в этом непреходящее значеніе великой французской революціи и ея принципов — не только в историческом прошлом, но и для нынѣшней политической дѣйствительности. И сейчас борьба идет — и предстоит — не за или против социализма, а за элементарнѣйшія права человѣка и гражданина, провозглашенныя французской революціей и только частично и несовершенно осуществленныя на протяженіи послѣдовавших полтора столѣтій.

Оказалось, что исторія движется вперед гораздо медленнѣе, чѣм того хотѣлось бы или чѣм то представлялось.

Тайная экономика

(К 20-лѣтію монополии внѣшней торговли)

В связи с двадцатилѣтіем существованія совѣтской власти в Россіи опубликованы были многочисленныя юбилейныя статьи и книги, подводящія итоги дѣятельности в различных областях хозяйства, в том числѣ и монополии внѣшней торговли.

Но если в отношеніи других областей хозяйственной дѣятельности в опубликованных работах мы находим не только статистическія данныя, свидѣтельствующія о чисто количественных успѣхах, но и экономическіе анализы и обобщенія, то в отношеніи к внѣшней торговлѣ предпочитают ограничиваться описаніем успѣхов чисто количественных или финансовых. Хозяйственный смысл операций, внутренняя хозяйственная дѣятельность заграничных представительств, все это остается тайною за семью печатами. Даже в отношеніи прошлаго соблюдается строгая тайна. Выпячиваются лишь самыя послѣднія улучшенія во внѣшней торговлѣ, и ни слова не говорится о том, во что обошлась странѣ и в особенности крестьянству эта «твердыня совѣтскаго строя».

Область внѣшней торговли остается самой засекреченной частью совѣтскаго народнаго хозяйства. Совѣтская власть обѣщала устранить тайную дипломатію, но засекретила свою дипломатическую работу так, как этого не бывало пикогда. Но на ряду с тайной дипломатіей она создала еще и тайную экономику. Ея областью является в особенности внѣшняя торговля. Годовые отчеты и отдѣльныя обслѣдованія, производимыя торгпредствами, доклады, посылаемые ими в Москву, все это печатается на машинкѣ в шести экземплярах, отсылается дипломатической почтой, а в торгпредствах передается в одном экземплярѣ в секретный отдѣл и выдается для просмотра только тѣм очень немногим отвѣтственным сотрудникам торгпредства, которые имѣют письменное разрѣшеніе на пользованіе матеріалами секретных отдѣлов.

Засекречено здѣсь все: не только касающееся взаимоотно-

шений с иностранными государствами или планов вывоза и ввоза — что мотивируется боязнью «экономического шпионажа», но и чисто хозяйственные и даже чисто бухгалтерские анализы совершенных коммерческих сделок. Вследствие всего этого, вся огромная область хозяйственной деятельности советов, вся внешняя торговля сколько — нибудь подробно и точно известна только со своей количественной стороны: — какие товары в какие страны вывозились и ввозились, каков расчетный и платежный баланс России. Анализ же чисто хозяйственной стороны монополии внешней торговли, подведение итогов тому, что она берет у населения и что она дает, как она маневрирует своими заказами и товарами на мировом рынке, все это представляет чрезвычайно большие трудности в виду совершенно отрывочных и несистематизированных данных, имеющих по данным вопросам в литературе. Опубликованная юбилейная литература, к сожалению, в этом отношении очень мало что осветила, так и оставив экономику внешней торговли России — тайной экономикой.

Я попытаюсь дать некоторые итоги монополии внешней торговли, пользуясь не только печатными трудами, но и некоторыми неопубликованными отчетами и обследованиями торгпредств.

**

Как и во всех иных областях своего хозяйствования, советская власть и в области внешней торговли обещала «догнать и перегнать» капиталистические страны, создав такие формы хозяйствования, которые устраняют всякие «паразитические» доходы и в то же время дают народу самую высокую прибыльность.

Область внешней торговли для жизненной проверки этих горделивых заявлений представляла совершенно особенный интерес. Пока шла речь о хозяйственной жизни в самой России, тут за китайской стеной фактически невозможны были никакие сравнения и сопоставления с явлениями американского или европейского хозяйства. Но внешняя торговля выводила советские товары, советские заказы, советских хозяйственников и их методы хозяйствования на мировой рынок и тут ставила их рядом со многими множеством людей и товаров, стекавшихся со всех концов мира и открывавших повседневную, реальную и наглядную возможность сравнения.

Ленин, а за ним и Красин, предсказывали, что монополия

внѣшней торговли Россіи блестяще выдержит это соревнованіе и сравненіе с «анархической» капиталистической торговлей и докажет свое огромное перед нею преимущество. С отвлеченной точки зрѣнія выгоды монополіи внѣшней торговли по сравненію с конкурирующими друг с другом частными фирмами были совершенно безспорны. Сосредоточив в своих руках всѣ продажи и закупки на внѣшнем рынкѣ, совѣтское правительство получило этим возможность устранить внутри всякую конкуренцію, а во внѣ — выступать единым хозяйственным фронтом, предлагая внѣшнему рынку товары или дѣлая у него заказы от имени всей огромной страны и этим самым получая возможность добиться наилучших условий, как крупнѣйшій в мірѣ единый продавец и покупатель.

«Ни один другой орган, ни один отдѣльный синдикат или трест, даже самый крупный, — говорит Красин, — не может имѣть за границей и сотой доли того вліянія и тѣх связей, которыя при всем их несовершенствѣ уже имѣют наши торговые представительства, в особенности, благодаря тому политическому вліянію и вѣсу, которые они получают вслѣдствіе того, что всѣ закупки и всѣ продажи рабоче - крестьянскаго союза с 130-ти милліонным населеніем концентрируются в этих торговых представительствах» (Л. Красин. Вопросы внѣшней торговли. М. 1928, стр. 91).

Капиталистическій мір, доказывает далѣе Красин, безсилен противопоставить нашему единому хозяйственному фронту свой единый хозяйственный фронт, ибо «интересы отдѣльных капиталистических стран и отдѣльных капиталистов внутри каждой страны непримиримо противорѣчивы, и не представляет особаго труда, при единствѣ и централизаціи нашей торговой системы, маневрировать таким образом, чтобы заинтересовать в сферах тѣ группы капиталистов и тѣ фирмы, с которыми на извѣстных условиях возможно временное соглашеніе, оказывая в то же время давленіе, вплоть до бойкота, на другія фирмы и группы, с которыми соглашеніе невозможно. Таким образом, рано или поздно, единый капиталистическій фронт всегда удастся прорвать и этот абсолютно вѣрный способ останется в наших руках, пока мы сохраняем монополію внѣшней торговли». Этому большому общему, так сказать, стратегическому преимуществу монополіи внѣшней торговли соотвѣтствуют и ея очень большія чисто - хозяйственныя преимущества, которыя тот же Красин формулирует так:

«Сосредоточеніе внѣшней торговли всего государства в опе-

ративных органах вѣншторга обезпечиваетъ значительныя добавочныя выгоды государству, какъ послѣдствіе естественной экономіи отъ централизаціи аппарата. Оплата служебнаго персонала, помѣщеній, конторскихъ и канцелярскихъ расходовъ, расходовъ по упаковкѣ, храненію, транспорту и страхованію грузовъ, телефонныхъ, телеграфныхъ, почтовыхъ сношеній, пользованіе воздушными сообщеніями, организація технической приѣмки, юридической и технической консультаціи, веденіе служебныхъ процессовъ, всѣ эти и многія другія статьи расходовъ, отнесенныя на единицу обращающихся въ торговлѣ товаровъ, будутъ на много ниже при централизаціи всѣхъ закупочныхъ и экспортныхъ операцій по сравненію съ тѣмъ, если бы этотъ об'емъ торговыхъ сдѣлокъ осуществлялся черезъ безконечное число контор отдѣльныхъ фирмъ, посредниковъ и коммиссіонеровъ».

Таковы основныя преимущества монополіи вѣншной торговли, какъ они формулированы ея самымъ крупнымъ дѣятелемъ Л. Б. Красинымъ.

И несомнѣнно, что многія изъ этихъ преимуществъ, отвлеченно говоря, присущи монополіи вѣншней торговли, если бы только они могли быть проявлены на дѣлѣ. Но тутъ, какъ и во многихъ иныхъ областяхъ совѣтскаго хозяйства, отвлеченные плюсы переходятъ въ конкретные минусы, какъ только мы отъ сослагательнаго наклоненія переходимъ къ из'явительному. Разсмотримъ основныя предпосылки Л. Б. Красина и проверимъ ихъ не на отвлеченныхъ разсужденіяхъ о томъ, что могло бы быть, а на конкретныхъ фактахъ того, что было. Если мы возьмемъ не алгебраическій случай съ неопредѣленными величинами, а сосредоточимся на арифметикѣ съ ея конкретными цифрами, т. е. возьмемъ не государство «въ себѣ», а русское конкретное государство при власти большевиковъ, то увидимъ, что эти алгебраическіе плюсы превращаются въ арифметическіе минусы.

Въ самомъ дѣлѣ, — экспортъ нуженъ былъ совѣтскому государству для полученія валюты. Не имѣя иностранныхъ долгосрочныхъ кредитовъ и займовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занятое грандіознымъ хозяйственнымъ строительствомъ, снѣшно создавая крупную тяжелую промышленность, нуждающуюся въ иностранныхъ машинахъ, матеріалахъ, совѣтское правительство вывозило свое сырье и товары для того, чтобы на вырученныя деньги купить за границей все необходимое для промышленнаго строительства. Экспортъ былъ единственнымъ способомъ полученія валюты. Эти финансовыя соображенія опредѣляли

размѣр и характер экспорта. Для проведенія первой пятилѣтки под страхом очень суровых взысканій, от всѣх торгпредств требовалось, чтобы они в самом сибшном порядкѣ распредѣлили крупнѣйшіе промышленные заказы и закупили промышленное сырье. Как это отражалось на импортѣ, мы увидим ниже, по по отношенію к экспорту это вело к тому, что вся стройная система сосредоточеннаго в руках государства планомѣрнаго экспорта, маневрирующаго на міровом рынкѣ как великолѣпно дисциплинированная армія, разлетѣлась в прах и смѣнялась лихорадочным разбазариваніем экспортных цѣнностей, подхлестываемым телеграфными требованіями Москвы во что бы то ни стало к опредѣленному числу выручить такую-то и такую-то валютную сумму. В торгпредствах назначались финансовые диктаторы, которые слѣдили за тѣм, чтобы завѣдующіе экспортными отдѣлами к точно опредѣленному сроку во что бы то ни стало продали экспортных товаров на опредѣленную сумму и валюту переводили в распоряженіе Москвы.

Создавались сначала «десятидневки», а потом и «пятнадцатки», в теченіе которых во что бы то ни стало должны были быть проданы товары. Так как товары эти поступали огромными количествами из Россіи, опять таки под острым давленіем неотложной финансовой нужды, не соображаясь с сегодняшней кон'юнктурой мірового рынка, его спросом, сезонностью и т. д., то совершенно неизбѣжно реализація товара происходила по крайне невыгодным цѣнам. К этому надо прибавить, что капиталистическій рынок, которому Л. Красин собирался диктовать свои цѣны и условія, очень скоро приспособился к этой лихорадочной распродажѣ созданных товаров в порядкѣ быстрой финансовой помощи. Он внимательно слѣдил за пріобрѣтеніем совѣтских товаров и даже за их заготовкой в Россіи. Получая при этом самыя точныя свѣдѣнія, несмотря на тайную экономику, он, соприкасаясь с торгпредствами, быстро улавливал их распродажное настроеніе и очень ловко вел биржевую игру на пониженіе цѣн на совѣтскіе товары в эти острые минуты, скупал их по дешевой цѣнѣ, а затѣм, когда они были скуплены, он начинал игру на повышеніе и дешево скупленные совѣтскіе товары продавал по сильно повышенной цѣнѣ, кладя в карман огромные барыши. Это в особенности легко и просто дѣлалось по отношенію к таким товарам, как леп, как нѣкоторые сорта лѣса, как марганец, пушнина, нѣкоторыя лѣк. травы и т. д.,

т. е. тѣ совѣтскіе товары, по отношенію к которым Россія занимала до извѣстной степени монопольное положеніе. В отдѣльные моменты, правильно уловленные, капиталистическій мір вел безпринципную биржевую игру совѣтскими товарами, скупая их в моменты, когда совѣтам нужны были деньги и продавая их, когда совѣты исчерпывали свой запас этих товаров. Зная какіе заказы размѣстило данное торгпредство и когда по ним наступают сроки платежа, иностранные коммерсанты знали точно, когда совѣтам остро нужны будут деньги. Это была плановая экономія спекулянтов.

Торгпредовскія обслѣдованія продаж льна, марганца, лѣкарствен. трав, лѣса, яиц, приводя таблицы цѣн, по которым эти товары продавались, и выводя затѣм кривую движенія цѣн на міровых рынках, всегда приводят к меланхолическому заключенію, что продажа основных экспортных масс производилась Россіей по болѣе низким цѣнам, которыя существовали на міровом рынкѣ.

Благодаря этому и вопреки тому, что предсказывал Красин, совѣтскій экспорт реализовался по цѣнам значительно болѣе низким, чѣм если бы он находился в руках многих частных фирм, которыя бы, во-первых, не выбрасывали сразу на міровой рынок таких огромных масс товара и которыя, не находясь в финансовых тисках и не нуждаясь в огромных валютных суммах для импорта, спокойно выжидали бы болѣе выгодной кон'юнктуры, умѣло дозируя реализацію сырья.

Но не только финансовые тиски обезцѣнивали совѣтскій экспорт. Этому же в немалой степени содѣйствовали коммерческая неповоротливость как центральных московских учреждений, так и торгпредств, их оторванность от міровых рынков, незнакомство с их обычаями, отсутствіе специалистов, боязнь отвѣтственности и так далѣе.

В итогѣ, если мы посмотрим по каким цѣнам продавались совѣтскіе экспортные товары и сопоставим их с цѣнами, которыя выручались за тѣ же товары на том же рынкѣ в то же время другими странами, не имѣвшими монополіи внѣшней торговли, то мы увидим, что Россія недобирала огромныя суммы за свои качественно болѣе высокіе товары, но неумѣло продаваемые не в сезон, не в той упаковкѣ, в плохой сортировкѣ, из-за валютной пужды, и т. д.

Пишущій эти строки опубликовал в нѣмецком спеціальному

журналъ статью, в которой по отношенію к одному лишь году и на одном только нѣмецком рынкѣ обслѣдовал продажныя цѣны на однородные товары из Россіи и из других стран. Итоги получились очень печальные, показывающіе какую огромную дань и за неумѣніе торговать, и за превращеніе экспортных цѣнностей в до зарѣзу нужную валюту, уплачивает Россія, т. е. в конечном итогѣ русское крестьянство, так как безжалостно и преступно разбазаривалось то, что с таким огромным трудом и лишениями производило русское крестьянство.

Приведем нѣкоторыя обобщающія цифры этого обслѣдованія.

В одно и то же время, на одном и том же германском рынкѣ горох, привозимый из Польши, продавался по средней цѣнѣ 30,19 мар. за двойной центнер; тот же горох продавался берлинским торгпредством по цѣнѣ 26,77 мар. Чечевица, привезенная из Румыніи, продавалась по 46,11 мар. за дв. центнер, а из совѣтской Россіи — по 43 мар. Масло совѣтское продавалось по 295 мар., а литовское — 320 мар. Пенька польская по 110 мар., а совѣтская по 78,90 мар. и т. д., и т. д. В итогѣ за один только год, на одном только германском рынкѣ совѣтское правительство не добрало минимум 40 милл. мар. по сравненію с тѣм, что оно получило бы, если бы продавало по цѣнам, по которым продавали эти же товары другія страны: Литва, Польша, Румынія, не говоря уже о таких странах, как Соед. Штаты, Канада, Данія и т. д. При этом природное качество совѣтских продуктов было выше природнаго качества продуктов других стран. И болѣе низкія цѣны выручались из-за нужды в валютѣ, из-за неумѣнія торговать, бюрократизма, плохой сортировки, упаковки и т. д.

В особенности печально обстояло дѣло с т. н. «второстепенным экспортом», куда входили мелкія статьи. По отношенію к этому рода экспорту торгпредствам было дано общее распоряженіе продавать с тѣм расчетом, чтобы выручаемая цѣна с нѣкоторым излишком покрывала только валютную стоимость, т. е. только тѣ суммы, которыя уплачены были в иностранной валютѣ за провоз, страховку, храненіе, пошлину. Что же касается самой стоимости товара в совѣтских рублях и расходов по его перевозкѣ по совѣтской территоріи, то они принимались за нуль. Необходимо было лишь выручить в валютѣ немного больше того, что только в валютѣ было на данный товар затрачено. И это считалось рентабельным экспортом, так как давало валюты больше, чѣм ея затрачи-

валось, а рублевые расходы приравнялись к нулю. Австрийское торгпредство в одном из своих, конечно «секретных», годовых отчетов сдѣлало любопытный подсчет, во что в валютѣ обошлись ему проданные товары второстепеннаго экспорта и что они в валютѣ же дали.

При этом оказалось, что продажа таких товаров, как огурцы, фруктовое желе, мука, деревянный уголь, лук, картофель, даже если совѣтскую их стоимость брать за нуль, не покрыли в вырученной за них цѣнѣ даже валютные лишь расходы, т. е. были проданы с чистым убытком. В остальных же товарах, проданных с прибылью, валютные расходы поглотили до 80% вырученной в валютѣ цѣны.

Такия же печальныя данныя мы находим и в отчетѣ парижскаго торгпредства. Так, напр., во Франціи продавались большія партіи совѣтскаго пека (смолы). Средняя цѣна на него стояла тогда 150 - 180 шиллингов, а продавался он торгпредством по 114 шилл., и в один только год, по расчетам парижскаго торгпредства, на одном парижском рынкѣ недополучен был на одном пекѣ, по сравненію с существовавшими на рынкѣ цѣнами, миллион рублей.

По поводу этих хаотических продаж пека парижское торгпредство хорошо характеризовало, яко бы строго «плановый» характер совѣтской внѣшней торговли. «Наша торговля пеком носит характер дикой торговли, т. е. мы случайными партіями, в случайное время, в случайных странах, случайным покупателям и по случайным цѣнам продаем, нарушая гармоничную политику крупных концернов». Даже по отношенію к такому товару, как русскій лен, являющемуся на міровом рынкѣ по своему количеству и качеству полумонопольным товаром, отчет парижскаго торгпредства отмѣчает, что вырученныя цѣны всегда были ниже тѣх, которыя можно было получить, ведя дѣло по коммерчески, и что рынок «разыгрывал» торгпредство и безошибочно играл то на повышеніе, то на пониженіе, а в проигрышѣ всегда оставалось торгпредство, выбрасывавшее на продажу большія партіи льна, сообразуясь только со своими валютными нуждами, а не с настроеніем рынка.

От экспорта перейдем к импорту, т. е. к заказам и закупкам иностранных машин и сырья.

Здѣсь мы сталкиваемся, прежде всего, с тѣм же явленіем неотложной потребности в валютѣ, которая злым роком тяготѣла над всей исторіей монополии внѣшней торговли. Обширные заказы для

лихорадочной индустриализации страны при отсутствии займов, при некотирующемся за границей рубль, требовали обширных и долгосрочных кредитов у тех иностранных фирм, которые выполняли советские заказы. Но эти фирмы частью не могли, а частью не хотели оказывать эти кредиты, так как не уврены были в прочности советского строя и, кроме того, не имели возможности переучесть советские векселя в банках, да и векселя эти по своей форме и по своей длительности были совершенно необычны. Государствен. гарантии и кредиты пришли позже и не вездѣ, да и они гарантировали лишь часть риска. Из положения выход найден был благодаря тому, что учет советских векселей взяли на себя частные лица и среди них подавляющую массу представляли выходцы из России. Отчеты торгпредств с душевным прискорбием сообщают, что на учетѣ этих векселей «составили состояніе» эмигранты. Но неся риск, эти частные лица взимали за учет советских векселей чудовищные проценты, доходившіе до 35 - 40% годовых!

Так-то исполнялось утверждение Красина, что советские заказы будут обходиться на иностранных рынках дешевле, чѣм заказы капиталистических стран и что они устранят всяких посредников.

Иностранные фирмы, принимая советские заказы, вынуждены были включать в цѣны эти чудовищные проценты, в которые им обходился учет советских векселей на, так назыв., черной биржѣ. Всѣ советскія торгпредства отмѣчают в своих прежних отчетах, что советские векселя учитываются по 25 - 30%, а в минуту каких-либо осложнений в советском союзѣ учетная ставка поднималась до 40 - 45% годовых. Так как при этом и фирма зарабатывала 10 - 15%, то слѣдовательно, до 50%, уплачиваемых по советским заказам, уходило на прибыль фабрикантов и вознагражденіе спекулянтам, учитывавшим советские векселя. Особенно ясно и губительно это сказывалось при покупке, так назыв., биржевых товаров, как металлы, колониальные товары, шерсть, джут и т. д. Эти товары котировались на биржѣ, и цѣны их легко было точно установить. При этом товары эти по существующим коммерческим обычаям всегда продавались за наличные, и покупка их в кредит всегда представляла явление необычное. Советское правительство закупало эти товары в очень большом количествѣ и закупало в кредит. Торгпредства в Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ

высчитали, что, по сравненію с котировочными цѣнами, торгпредства переплачивали на этих товарах до 60%!

Так напр., берлинское торгпредство подчитало, что при покупке в кредит больших количеств джута, — товара, относящагося к группѣ биржевых, — оно переплачивало свыше 3 фунтов на одной тоннѣ, что составило 64,3% годовых за кредит! При очень крупных закупках иглонок в Германіи, совѣтское правительство платило на 29% дороже, чѣм тѣ же иглолки в то же время продавались другим странам.

В Германіи образовались в промышленности даже особыя «русскія цѣны», т. е. за заказы для Россіи назначались спеціальныя цѣпы — на 25 - 30% выше цѣны для других стран. Этим страховалась возможность учета. Эти чудовищныя переплаты по русским заказам отмѣчают не только секретные отчеты торгпредств, но и выходящій в Москвѣ официальный орган внѣшторга «Внѣшняя Торговля». Так в № 18 за 1935 г. он помѣстил спеціальную статью «К вопросу о русских цѣнах», в которой сообщает, что по данным нѣмецкой спеціальной печати нѣмецкіе промышленники платили за учет совѣтских векселей до 36% годовых.

«Приведенные матеріалы, — говорит официальный орган внѣшторга, — неопровержимо свидѣтельствуют о примѣненіи ипостранными поставщиками в отношеніи товаров, закупаемых нашим союзом, спеціальных «русских цѣн» и не оставляют мѣста сомнѣніям».

Итак мы имѣем два ряда фактов, признаваемых и совѣтскими учрежденіями. При продажѣ совѣтских товаров монополія внѣшней торговли недовыручила огромныя суммы, принимая во вниманіе длительность и размѣры операций, так как продавала эти товары значительно ниже рыночных цѣн. Покупая же и заказывая за границей, монополія внѣшней торговли переплачивала еще болѣе огромныя суммы, значительно превышающія нормальныя. Таким образом дѣятельность внѣшторга с двух сторон оказывалась убыточной, разорительной для народнаго хозяйства Россіи.

Страдал от этого в первую голову и сильнѣе всѣх русскій крестьянин. Это вѣдь его хлѣб, масло, кожи, лен, пеньку внѣшторг вез за границу и получал за них там суммы, не соответствующія цѣнам мірового рынка. Там же он покупал импортные товары и оборудованіе втрдорога и ввозил их в Россію, гдѣ эти непомерныя цѣны ложились, опять таки, на плечи крестьянства. Платя

крестьянам за доставляемые ими экспортные товары в советских обезцѣненных рублях и по крайней низкой оцѣнкѣ, Внѣшторг получал за эти товары валюту, которой оплачивал свое индустриальное строительство.

Один из талантливѣйших советских экономистов Е. Преображенскій, не боявшійся называть вещи их собственными именами, говорил, что монополія внѣшней торговли есть лишь один из видов, одно из проявленій той «феодальной эксплуатаціи деревни», которая легла в основу советскаго хозяйства.

Монополія внѣшней торговли содѣйствовала тому, что крестьянин на внѣшнем рынкѣ крайне дешево продает свои продукты, а на своем внутреннем рынкѣ неизмѣримо дорого покупает всѣ товары, производимые промышленностью; заграничные дешевые товары, не пропускаемые в Россію, ему совершенно недоступны. Поэтому Бухарин еще при жизни Ленина требовал коренной реформы всей внѣшней торговли Россіи, как крайне убыточной для крестьянства, настаивая, чтобы была открыта возможность товарообмѣна между русской деревней и мировым рынком на основѣ болѣе нормальнаго и рациональнаго эквивалента.

По поводу монополіи внѣшней торговли Н. Бухарин с полною справедливостію писал: «Ни у Ленина, ни у Красина нѣтъ ни звука о тѣх безчисленных убытках, которые несет хозяйство страны от неработоспособности наркомвнѣшторга, вытекающей из его принципиальной структуры, нѣтъ ни слова об убытках, которые происходят от того, что мы сами не в состояніи мобилизовать крестьянскій товарный фонд и пустить его в международный товарооборот». И систему монополіи внѣшней торговли Н. Бухарин в этом частном письмѣ называл непочтительно системой «главзапора».

С этой стороны, к нынѣшнему двадцатилѣтію монополіи внѣшней торговли, положеніе нисколько не измѣнилось: она попрежнему считается незыблемым краеугольным камнем всей советской и политической, и экономической системы. Всѣ попытки смягчить эту систему были отвергнуты как вылазки «капиталистических прихвостней» и в юбилейных статьях по поводу монополіи внѣшней торговли мы находим чрезвычайно рѣзкія нападки на разстрѣяннаго Бухарина за то, что он осмѣлился указать на необходимость перестроить систему внѣшней торговли на иных началах, так как в теперешнем своем видѣ она обрекает русское

крестьянство на разорение и при продажѣ, и при покупкѣ товаров.

Монополія внѣшней торговли в таком видѣ, как она существует в Россіи, была обусловлена и могла быть оправдываема исключительными обстоятельствами времени и мѣста, когда, послѣ мировой и гражданской войны, Россія была совершенно разорена, не была признана и нуждалась во всем. В настоящее время положеніе иное.

Россія может наладить нормальныя хозяйственныя отношенія со всѣм міром. Ея добыча золота сильно возросла, и она заняла второе мѣсто в мірѣ по добычѣ золота. Ея кредит в значительной степени возстановлен. Индустриальная гигантоманія проходит, и, вмѣстѣ с тѣм, Россія теперь производит у себя цѣлый ряд товаров, которые она прежде в очень большом количествѣ ввозила из-за-границы. При этих условіях китайская стѣна монополіи внѣшней торговли должна была бы раздвинуться и открыть в Россіи доступ иностранной легкой промышленности, необходимой крестьянству. Конечно, при этом сохранились бы и высокія таможенныя пошлины, и плановое хозяйство, от чего совѣтская Россія не откажется. Но в китайской стѣнѣ была бы пробита брешь, и от этого выиграл бы не только крестьянин, для котораго монополія внѣшней торговли крайне разорительна, но и совѣтская промышленность, у которой на совѣтском рынкѣ появился бы иностранный конкурент, и это внесло бы оздоравливающее начало.

Но подходя к новѣйшему періоду в развитіи монополіи внѣшней торговли и отмѣчая ниже значительныя улучшенія, наблюдаемые в самые послѣдніе годы, мы, однако, не видим, чтобы эти улучшенія внесли хотя бы малѣйшія измѣненія в самую систему внѣшней торговли. Не подняли они и личной хозяйственной квалификации работников торгпредств. И даже наоборот. В результатѣ чисток уровень торгпредовских кадров сильно снизился.

Улучшенія же выражаются в том, что сокращеніе импорта и сильно выросшая добыча золота позволили совѣтскому правительству погасить свою внѣшнюю задолженность, добиться активнаго не только торговаго, но и расчетнаго баланса, и от покупок в кредит перейти к покупкам за наличныя, что сразу внесло оздоравливающее начало во внѣшторговую операцію. Как плюс надо отмѣтить, что многіе товары, которые прежде ввозились в Россію в очень большом количествѣ и требовали огромных затрат валюты,

теперь или совсѣм перестали ввозиться, или даже (как, напр., хлопок) стали вывозиться за-границу.

Структура совѣтскаго экспорта и импорта рѣзко измѣнилась за послѣдніе годы.

За двадцать лѣтъ по сравненію с довоенным временем рѣзко вырос экспорт пушно - мѣховых товаров. Они вывозились до войны на сумму 31,7 мил. руб., а нынѣ вывозятся на сумму 155,1 мил. руб. Это об'ясняется тѣм, что в совѣтской Россіи научились окрашивать и обрабатывать мѣха, поэтому выросла их цѣнность. Рѣзко сократился вывоз хлѣбных продуктов. Если хлѣб в зернѣ до войны вывозился на сумму 2619,7 мил. руб. в год, то в 1936 г. было вывезено всего на 35,9 мил. руб., и лишь в 1937 г. и 1938 г. произошло вновь повышеніе, несравнимое, однако, с довоенным временем. Масло до войны вывозилось на 272,8 мил. руб., а нынѣ — 42,1 мил. руб. Вообще сельско - хозяйственный экспорт уменьшается, а промышленный возрастает.

В импортѣ же рѣзко сократился ввоз каучука: с 145,6 мил. руб. до войны, до 60,5 мил. руб. теперь, в виду производства в Россіи синтетическаго каучука и разведенія каучуконосных растений. Хлопок ввозился до войны на 483,3 мил. руб.; теперь ввозятся лишь спеціальные сорта, а грубые сорта экспортируются.

Несомнѣнно, что по отношенію к отдѣльным товарам сокращеніе, а мѣстами даже полное прекращеніе импорта вызвано ростом внутреннего производства этих товаров. Тут извѣстныя достижения бесспорны. Но совѣтская печать ошибочно толкует, что сокращеніе импорта вызвано *только* этим, — только тѣм, что Россія, якобы, не нуждается больше в большом импортѣ. Это толкованіе невѣрно. Россія продолжает оставаться страной приглушенных и задержанных потребностей, не находящих себѣ удовлетворенія из-за отсутствія доступных по цѣнѣ и по качеству товаров. Это справедливо и по отношенію к промышленности, нуждающейся для своего широкаго развитія в очень большом импортѣ; это справедливо и по отношенію к потребительскому рынку, лишенному самых элементарных товаров.

Импорт сокращается потому, что вслѣдствіе сильнаго роста городского населенія и арміи и слабаго развитія сельско - хозяйственнаго производства экспортныя возможности Россіи сильно сокращаются. Она не имѣет достаточно экспортных цѣнностей, чтобы покрывать крупный импорт. На помощь мог бы притти ра-

стущій золотой запас, в связи с увеличивающейся добычей золота, но в ожидании и опасении войны совѣтское правительство собирает этот золотой запас внутри страны. Этим и об'ясняется сокращение совѣтскаго импорта при далеко неудовлетворенных потребностях в нем и крупной промышленности, и потребительскаго рынка.

Перестройка всей системы внѣшней торговли с расширением и приближением Россіи к міровому рынку, с ея втягиванием в хозяйственную орбиту всего свѣта, содѣйствовало бы и экономическому оживленію всего мірового хозяйства, и подѣму хозяйственного уровня Россіи. Поднятіе шлюз монополии внѣшней торговли, с введеніем системы планомѣрных таможенных пошлин и континентов, вызвало бы приток потребительских товаров, рассчитанных на крестьянскій спрос и кошелек, и этим повысило бы благосостояніе деревни. А угроза конкуренціи иностранных товаров повысила бы производительность совѣтской промышленности и ея техническій прогресс.

Тѣ самые успѣхи, которые совѣтская внѣшняя торговля в послѣдніе годы несомнѣнно сдѣлала: погашеніе заграничной задолженности, покупки за наличные, активность торговаго и расчетнаго баланса, — несомнѣнно ставят на очередь дня коренную реформу системы совѣтской внѣшней торговли. Но сталинскій курс считает задачей своей политической бдительности снимать с очереди историческаго дня всѣ вопросы, выдвигаемые эволюціей совѣтскаго хозяйства.

П. Карин

НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(ПОРТРЕТ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА)

Адольф Гитлер — послѣдній отпрыск вымирающей семьи, сын угасшей имперіи. Одиноким он вырос — в одиночествѣ живет и теперь, несмотря на весь кажущійся внѣшній блеск. Как политик он совершенно одинок в современности, — быть может, вообще в исторіи...

Отец его был таможенным чиновником погибшей австро-венгерской монархіи. Он охранял границы своей родины от сосѣдней Германіи. По словам людей хорошо его знавших, отец Адольфа Гитлера имѣл обыкновение бранить Пруссію, Бисмарка, германскаго кайзера. Он хотѣл, чтобы сын был непременно австрійским чиновником, несмотря на упорное сопротивленіе Адольфа.

Жизнь Адольфа с самаго ранняго дѣтства была сочетаніем принужденій, возмущеній, странностей и скорби. Необычной была и семья, в которой он вырос. Отец его в качествѣ внѣбрачнаго ребенка был отдан дѣдом в глухую придунайскую деревушку; был батраком, затѣм деревенским сапожником. Вел беспокойную жизнь, мечтал выбиться в люди и сдѣлался таможенным чиновником. Он был узаконен своим отцом, когда был уже взрослым человеком и с тѣх пор Алоид получил право на фамилію «Гитлер». До тѣх пор его звали Шикельгрубер.

Отец Адольфа был трижды женат. Первая жена была состоятельной женщиной, происходила из болѣе высокаго круга и была старше своего мужа на четырнадцать лѣтъ. Третья жена была на 23 года моложе супруга. Это была тихая, симпатичная дѣвушка с мечтательными глазами. Своему мужу она приходилась племянницей и по существу была его приѣмной дочерью. Этой дѣвочкѣ, женѣ

*) Предлагаемая статья написана специально для «Русских Записок». Ея автор — Конрад Гейден — извѣстный биограф Гитлера и историк націонал-соціализма. Только что им выпущена на французском языкѣ, в изд. Sorlot книга — «Les Vêpres Hitlériennes».

уже дряхлаго мужа, и было суждено стать матерью Адольфа Гитлера.

Фамилія «Гитлер» очень часто встрѣчается в церковных записях в теченіе столѣтій, но семья Гитлеров, к которой принадлежит германскій канцлер, кончится вмѣстѣ с ним (если не считать рожденного в Англии и выросшаго англичанином племянника); и это несмотря на то, что отец Адольфа имѣл от трех жен семерых дѣтей. Два брата Адольфа (Густав и Эдмунд) и сестра (Ида) умерли в дѣтствѣ. До сих пор жив его единокровный брат (отец упомянутаго англійскаго племянника), который неоднократно сидѣл в тюрьмѣ за кражи и многоженство. Любимая племянница Адольфа Гитлера умерла насильственной смертью восемь лѣтъ тому назад. Сам он 16-ти лѣтъ от роду перенес тяжелую легочную болѣзнь. Лѣчившій его врач деревенской больницы заявил его теткѣ: «Этот долго не проживет». Отец Адольфа, несмотря на болѣзнь легких, дожил, однако, до 66-ти лѣтъ.

Краткій очерк исторіи семьи Гитлеров свидѣтельствует о склонности к физическим заболѣваніям, к авантюризму, к чудачествам. Вопреки многочисленным утвержденіям, нѣтъ прямых доказательств наличія в семьѣ душевно - больных. В семьѣ матери были люди «со странностями».

Основным переживаніем в юности Адольфа Гитлера была упорная борьба с силой, вяжущей его волю. Эту силу воплощал старик - отец, австрійскій патріот, желавшій во что бы то ни стало сдѣлать сына чиновником. Сын не хотѣл. Отец примѣнял жестокія мѣры. Сын научился молчать, скрывать свои мысли, упорно сопротивляться, не возражая отцу открыто. Об этом он сам рассказывает в своей книгѣ. Он утверждает также, будто только для того, чтобы разстроить планы отца, он забросил работу в школѣ. Найденныя до сих пор школьныя аттестаціи дѣйствительно очень плохи; особенно отмѣтки по нѣмецкому и французскому языкам, по математикѣ, по прилежанію. Отец умер, когда Адольфу было 14 лѣтъ. Он предпочел заниматься дома у матери и перестал посѣщать школу. На выпускной экзамен он не явился, вѣроятно из боязни провалиться, так как до этого ему ни разу не удалось сдать ни одного экзамена. Ему было 19 лѣтъ, когда умерла мать, и он вступил в жизнь без всяких знаній, совершенно неподготовленный и ни к чему не пригодный.

Австріец Адольф Гитлер был как-бы специально создан под-

тверждающим примѣром для австрійской психологической школы, ставшей известной всему міру под именем «психо - анализа Зигмунта Фрейда». Одной из основ этой школы является т. н. теорія эдипова комплекса, согласно которой сын в раннем возрастѣ в темных глубинах подсознательнаго питает любовь к матери и вожделѣет убить отца. Гитлер в дѣйствительности обожал мать и ненавидѣл отца. Отец знал о чувствах сына и соответственно реагировал. Предсмертныя мысли отца сын излагает слѣдующим образом: «ему казалось, что провалилось то, к чему он больше всего стремился — создать сыну возможность существованія и уберечь его от собственной горькой судьбы». Алоиз Гитлер умер полный сомнѣнія в пригодности сына к жизни.

Слѣдует всячески подчеркнуть это полное крушеніе попыток Гитлера войти в буржуазный быт, даже больше того — освоиться с обычной человѣческой жизнью. В этом утвержденіи нѣтъ пристрастія. Гитлер - политик историческаго масштаба; он необычайно умен. Это должны признать и его противники. Но с этими дарованіями связана кака-то ущербленность личности, убожество, омраченность чувств при избыткѣ безсодержательной сантиментальности. В результатѣ этот водитель масс персонально проходит сквозь жизнь как нищій. Его жизнь подчинена беспощадному закону больших чисел. Для него существуют только массы — он не знает человѣка, довлѣющей себѣ индивидуальности. Дни его проходят без любви и дружбы. Эта рѣзкая противоположность между политической ролью и личным существованіем создает особое душевное напряженіе, которое в свою очередь порождает магнетическую силу воздѣйствія.

Как печальна, до смѣшного печальна, его жизнь в теченіе тридцати лѣт до начала политической карьеры! Причина не во внѣшних обстоятельствах, а в нем самом. Он мог бы получить хорошее школьное образованіе, но бросил школу. Он хотѣл сдѣлаться художником и дважды имѣл возможность держать экзамен в вѣнскую художественную академію, но принесенные им рисунки были настолько плохи, что оба раза его не допустили к экзамену. Свыше трех лѣт (с 1909 по 1913 г.) живет он в вѣнском пріютѣ для бездомных, жизнью неопишимо скорбной и нищей. Он питается сначала подаяніем, а позже случайным заработком — переноской чемоданов, очисткой улиц от снѣга и т. п. Ему приходилось почевать на скамейках парка, его преслѣдовали полицейскіе. Он

питался супом для бѣдных, который раздавали у ворот монастырей. Ему приходилось рисовать открытки и рекламные плакаты для лавочников и аптекарей, составлять проспекты. Одѣт он был в какое-то подобіе фрака, подареннаго ему пріятелем - евреем. В теченіе 9-ти лѣтъ родные не имѣли о нем никаких вѣстей и думали, что он умер. В 1913 году он переѣхал в Мюнхен и продолжал там бѣдствовать. Денег у него не было. Жил он у случайнаго знакомаго в его меблированной комнатѣ.

В эти годы нужды и бѣдствій всѣх знакомых Адольфа Гитлера поражала его политическая одержимость, в которой было что-то отпугивающее. Он совершенно не цѣнил обычных развлеченій молодежи: не курил, не пил. Своим знакомым он часто рассказывал о доступности замужних женщин, но рѣзко осуждал тѣх, кто кружил голову дѣвушкам. Для себя лично он считал это совершенно недопустимым.

Долгіе годы бѣдствій, отчужденности, презрѣнія окружающих навсегда разрушили и без того непрочную в нем тягу к простому, нестѣспенному общенію с людьми. Постепенно он весь пропитывается чудовищным пессимизмом, презрѣніем ко всему міру, который с таким постоянством его неизмѣнно отвергал. В нем прочно впѣдрилась вѣра в безграничную власть зла над человѣком, в силу обмана и соблазна, в успѣх неблагоприятных пріемов воздѣйствія на человѣка, которые он позже в своих рѣчах приписывал коварству евреев, а еще позже, так широко и с таким неизмѣнным успѣхом примѣнял сам. Его безпомощная отчужденность по отношенію к ближним, сомнѣніе в избранной карьерѣ художника и, наконец, грызущее сознание собственной мѣшковатости и нерадивости в ранней юности были причиной боязни людей и презрѣнія к массам.

Выходом из безнадежнаго существованія была политика. Она предстала пред ним в образѣ мировой войны. «Тѣ часы (объявленія войны) представляются мнѣ, как момент спасенія. Я не стыжусь признаться, что охваченный бурным воодушевленіем, я опустился на колѣни, чтобы от всей души благодарить Небо», — пишет он в «Моей борьбѣ». Гитлер был вдохновенным солдатом, хотя физически для военной службы был мало пригоден: в 1913 г. он был забракован австрійскими врачами. Возможно, что именно это обстоятельство повудило его поступить добровольцем в германскую армію. Лично он ничѣм не был связан с Германіей. В этой странѣ

он был так же одинок, как в свое время в Вѣнѣ. По собственному утверждению, он ни разу за все время войны не получил на фронтѣ ни одного письма. В то время как его товарищи в окопах, по солдатскому обыкновению, ворчали иногда по поводу плохой ѣды, рѣдких отпусков, мокрых траншей, — солдат Гитлер радовался побѣдам, скорбѣл о пораженіях и всѣ свободные часы посвящал обсужденію вопросов стратегіи. Он был вѣстовым при штабѣ полка и, слѣдовательно, на виду у начальства. Он отличился рѣдкой преданностью, о чем сам пишет. Его старанія были вознаграждены рядом отличій — вплоть до Желѣзнаго Креста I класса. Судьбѣ угодно было, чтобы этот высшій орден он получил из рук ротнаго командира - еврея по фамиліи Гуфман. Солдаты смѣялись над Гитлером, как над завѣдомым чудаком. «Вы еще обо мнѣ многое услышите», — говорил он им. «Мы смѣялись и никогда не относились к нему серьезно», — сообщает рассказчик. Начальство аттестовало его, как «скромнаго и не бросающагося в глаза солдата». Эти характеристики взяты из протоколов его послѣвоенных судебных процессов. Несмотря на воинскую доблесть, Гитлер не дослужился до чина выше ефрейтора, т. е. солдата перваго класса. Его непосредственному начальству ни разу не пришла в голову мысль произвести его в командиры, хотя бы самой маленькой воинской группы.

В 1918 г. в лазаретѣ он узнает о поражении Германіи и о вспыхнувшей революціи. Бунтовщики в свое время пытались свратить и его. Начальству он о них не донес, ибо «это было - бы безцѣльно». Об этом любопытном отступлении от правил Гитлер рассказал на процессѣ в Мюнхенѣ, но в «Моей борьбѣ» он об этом случаѣ не упомянул.

Я не намѣрен излагать в этом очеркѣ, посвященном личной характеристикѣ Гитлера, его политическую карьеру. Если нужно в чрезвычайно упрощенной формулѣ опредѣлить причину его успѣха, то можно сказать, что Адольф Гитлер сдѣлался вождем нѣмецкаго народа, когда этот народ прошел через изнурительную войну, поражение, хозяйственное разстройство, общественное разложение и когда матеріальное и духовное состояніе германскаго народа стало нѣкоторым коллективным подобіем самого Гитлера. Человѣкъ, потерпѣвшій жизненное крушение, связался с потерпѣвшим крушение народом. К сожалѣнію, эта формула кое-что об'ясняет и в нынѣшних внѣшних успѣхах Гитлера. Европа находится в по-

лосѣ ослабленія своей традиціонной мощи и своих духовных скръби. Это ослабленіе и создало почву для успѣхов великаго разлагателя - Гитлера.

Гитлер — есть опредѣленное состояніе нѣмецкаго народа, но не его вѣчный образ. Было бы все-таки заблужденіем считать Гитлера чисто нѣмецким феноменом. Он является новым социальным типом, который имѣется и у других народов. Это тип «интеллигента массы», открывшій до сих пор невѣдомые способы воздѣйствія на общество и использовавшій их для своих политических цѣлей. Порожденный массами, новый интеллигент является по существу «техником общественнаго строенія», при чем общество разсматривается им как аппарат, и себя самого он ощущает лично, как часть этого аппарата, назначеніе всякой машины обязательно функционировать; что же касается отдѣльных колес и винтов, то с ними внѣ аппарата абсолютно не приходится считаться.

Всѣм народам извѣстна легенда о «замороженном человѣкѣ», продавшем дьяволу свою душу, собственную тѣнь, свое отраженіе и, в качествѣ проклятаго, душевно давно умершаго человѣка, превратившагося в автомат, имѣющій большіе внѣшніе успѣхи в жизни, но в дѣйствительности воплощающій нищету и убожество. Если этот живой труп является государственным дѣятелем или властителем, ему легко изобразить себя святым, который якобы свою личную жизнь и личное счастье приносит в жертву интересам цѣлаго. Таков Гитлер.

Нѣсколько лѣтъ тому назад извѣстная нѣмецкая драматическая артистка должна была подписать контракт с фильмовым обществом. Ей было поставлено особое условіе: два - три раза в недѣлю до трех часов ночи она должна находиться в обществѣ фюрера. В этом предложеніи не было ничего фривольнаго; ей просто нужно было участіем в бесѣдѣ облегчить Гитлеру проводить безсонныя ночи. Гитлер уже много лѣтъ страдает бессонницей. Это замѣтили его товарищи прежних времен. Когда он поражал подробным и ясным анализом политическаго положенія и быстрыми рѣшеніями, — выяснялось, что он размышлял над этим всю ночь. Иногда, — рассказывает Геббельс, — возвратившись послѣ труднаго дня в Берлин на аэропланѣ, он не успѣвает лечь в постель, как его по телефону вызывают к канцлеру. «В два часа ночи я заставал его свѣжим за работой и в теченіе двух часов выслушивал его соображенія о постройкѣ автомобильной дороги». Тот - же Геб-

бельс описывает пребывание в Оберзальцберге: «каждую ночь до 6 - 7 часов утра был виден свет в комнате Гитлера. Это фюрер диктовал длинные рѣчи, которыя он должен был произнести черезъ нѣсколько дней на конгрессѣ».

Без сна проводит он свои ночи; внутренне одинокій, даже в буйной людской толчеѣ, проводит он свои дни. Он совершенно лишен личной жизни, вѣрнѣе, он стыдится имѣть личную жизнь. Безсильный удовлетворить жажду общенія с человѣком, он тянулся к массам, но уйти от масс к человѣку он уже не может. Ему не удается даже, как многим одиноким чудакам, создать себѣ свой особый духовный мир; между тѣм, казалось бы, именно ему и нужен был бы запас познаній и свѣжій приток мыслей. Он очень любит собирать книги. «Вы будете поражены, рассказывал один из его приближенных, когда увидите изумительную библиотеку Гитлера. Всѣ стѣны уставлены прекраснѣйшими книгами, — ни одна из них не прочитана».

Страх познанія и духовнаго общенія даже с книгой гнетет его. Польскій журналист Казимир Смогоржевскій рѣшился спросить его (в 1936 г.): «Какіе великіе люди прошлаго имѣли духовное вліяніе на ваше превосходительство?» На это послѣдовал классическій и для Гитлера примѣчательный отвѣт: «Трудно перечислить всѣх творцов, которые оплодотворили своим участіем в прошлом какую - нибудь великую идею. Наше міровоззрѣніе составлено в значительной части из результатов духовной работы прошлаго и в гораздо меньшей долѣ из собственных познаній. Рѣшающее значеніе имѣет способность разумно и цѣлесообразно упорядочить оставленное нам идейное наслѣдіе прошлаго и сдѣлать из него соотвѣтствующіе выводы. К чему всѣ познанія, если у нас нѣтъ достаточно энергіи их использовать? Если нам из совокупности идей и познанія удастся сдѣлать опредѣленные политическіе выводы, только тогда мы преодолѣли инерцію и дали нашему національному бытію новый и, я увѣрен, рѣшающій импульс».

Таков отвѣт. Он вообще характерен для метода Гитлера отвѣчать на вопросы: уклониться от основного предмета бесѣды, декларативно что-то утвердить, а затѣм с гипнотическим фанатизмом повторить тысячу раз излюбленныя идеи — иногда банальныя, иногда совсѣм нелѣпыя. При чем вовсе не обязательно выслушивать собесѣдника, — важно заставить его слушать себя. В приведенном отвѣтѣ Гитлер так и не указал, с кѣм он духовно связан.

Он должен был бы признаться, что, в действительности, не связан ни с каким культурным духовным наслѣдіем, нѣмецким или европейским. Сомнительно, чтобы на него когда - либо произвела впечатлѣніе строка из Гете. За 15 лѣтъ в безконечных его рѣчах нельзя найти ни одной цитаты из классиков, как и в его книгѣ «Моя борьба». Чужак и самородок в царствѣ духа, готовый расколоть скрипку Страдиваріуса, чтобы изжарить на ней шницель и при этом утверждать, что он разумно и цѣлесообразно использовал наслѣдіе прошлаго. Однако у него нѣтъ мужества открыто проповѣдывать возврат к варварству и презрѣніе к образованію; он даже будет требовать благодарности за защиту европейской культуры, к которой он примѣняет положеніе: лѣс рубят, щепки летят.

Вряд-ли какого - либо другого человѣка способен так окрылять и вдохновлять успѣх, как Гитлера. Его способности растут вмѣстѣ с ростом удачи и счастья. Мошь обогащает и поучает. Надо быть абсолютным ничтожеством, чтобы такая власть и такіе успѣхи, какими судьба ядѣлила Гитлера, не обогатили его духовно. Какія минуты взлета и паденій должна испытывать теперь неустойчивая натура Гитлера! На низшей ступени — это дѣтская чувствительность со слезами и истерическими выкриками; на высшей — колдовская, магнетическая энергія невѣроятной силы; в цѣлом — тип близкій к патологическому, разумѣя это не в чисто клиническом смыслѣ. Надо всегда учитывать, что личныя выступленія нынѣшняго диктатора Германіи обладают иногда неслыханной силой внушенія. Нѣсколько лѣтъ назад австрійскій политик видѣл Гитлера входившим в автомобиль у дверей коричневаго дома в Мюнхенѣ. При этом Гитлер отдал нѣсколько распоряженій окружающим. Ничего особеннаго в этих распоряженіях не было, но рассказчик увѣряет, что в теченіе нѣскольких мѣсяцев он не мог отдѣлаться от сильнаго впечатлѣнія, которое произвел на него Гитлер. Об этом - же свидѣтельствует Геринг. В 1921 г. он присутствовал на патриотической манифестаціи под открытым небом в Мюнхенѣ. Незнакомый ему тогда Гитлер стоял недалеко от него и говорил с сосѣдами. Образ этого незнакомца долго преслѣдовал Геринга. Возможно, что упомянутый австрійскій политик и Геринг принадлежат к натурам, легко поддающимся всякому внушенію. Но вѣдь под этим внушеніем много лѣтъ находятся огромныя людскія массы. Способность внушенія такой мощи порождает особую пропагандную дерзость.

Во всем мірѣ было широко распространено мнѣніе, что Гитлер вѣрен своим убѣжденіям. В дѣйствительности он остается вѣрен лишь своим приемам и то, — поскольку они до сих пор были цѣлесообразны. Представитель политическаго направленія, которое не является доктриной, а лишь практикой господства, для всѣх положеній имѣющей точный и ясный отвѣтъ, — Гитлер неизбѣжно должен мѣнять по мѣрѣ надобности основы своего міровоззрѣнія. Поэтому, когда он вдруг заговорил о необходимости взаимнаго пониманія между французским и нѣмецким пародом, то даже очень внимательные слушатели уловили в его точѣ искренность. Для Гитлера является непреложной истиной, что еще недавно провозглашенные им взгляды не должны препятствовать реальным успѣхам сегоднешняго дня. Вѣдь для него вещи, люди и идеи являются лишь средством. Цѣли же мѣняются в зависимости от реальной обстановки, на которую мы не в состояніи вліять. Кажущаяся фанатическая преданность Гитлера своим убѣжденіям есть лишь привязанность к опредѣленным методам. Все опредѣляет успѣх, к которому Гитлер тянется, как металлическая пластинка к магниту. Убѣжденность и искренность не всегда сливаются в человѣческом сознаніи.

Символом воздѣйствія на массы мог бы служить ораторскій пульт Гитлера. Об этом пультѣ сообщил сотрудник начальника германских радіо-станцій, нѣкій Бесе. Удивительный механизм «пульта фюрера» подвергался пятикратной передѣлкѣ. В нем множество кнопок. Нажимая их во время рѣчи, фюрер указывает в какой момент должен быть произведен фильмовый снимок, усилен свѣтъ прожекторов, измѣнено их направленіе. Включеніе, усиленіе, выключеніе свѣта повышает успѣх рѣчи; от кнопок-же исходят сигналы к рукоплесканіям, возгласам, выкрикам. Описание заканчивается совершенно излишним указаніем Бесе, — «этими специальными приспособленіями может пользоваться для своих рѣчей лишь Адольф Гитлер» («Франкфуртер Цейтунг», от 14 марта 1936 года).

В ярком свѣтѣ прожекторов этой гипнотизирующей машины исчезают люди, остается однородная масса, превращенная в покорный автомат. Для чего такому тонкому мастеру уловленія душ нужны такіе грубые механическіе приемы воздѣйствія? Повидимому, для него не столь важно привлечь души, сколько ослѣпить их и слить воедино свѣтом прожектора. Среди слушателей не должна

выдѣляться ни одна индивидуальность. Массы — ликуют, отдѣльный-же человек — противорѣчит. Лицо, очень близкое к Гитлеру, довѣрительно сообщило: «если среди десяти тысяч крикунов он увидит одно мрачное лицо, — день для него потерян».

Фюрер это механик — демиург, царящій со своей машиной внушенія над коллективным автоматом послушанія. Но как индивидуум Адольф Гитлер несчастнѣйшій человек. Ночныя посѣщенія могил родителей в Леондингѣ или могилы племянницы Гели Раубаль в Вѣнѣ; застѣнчивое блужданіе по улицам в рождественскую ночь; меланхолическое погруженіе в самого себя по цѣлым дням, а иногда и недѣлям в Оберзальцбергѣ; полосы неспособности работать и принимать рѣшенія; безрадостные переходы от бѣшенства к слезам; от неподвижности к суетливости; от ласки к жестокости, — всѣ эти данныя свидѣтельствуют, как безрадостна личная жизнь Адольфа Гитлера. Сильнѣйшая политическая фигура современности воплощена в человекѣ, лишенном всѣх жизненных радостей и раз'ѣдаемом сомнѣніями.

Лѣтъ 20 тому назад он предложил набросать свой портрет именно так, каким он сам себя представляет. Сдѣлал это его тогдашній пріятель, а пылкій замѣститель — Рудольф Гесс. Богатый южно-американец предоставил мюнхенскому университету деньги для преміи за лучшую работу на тему: «Каким должен быть создан человек, призванный вернуть Германіи прежнес величіе?» Премію получил студент Рудольф Гесс за работу, имѣющую мало общаго с наукой, но зато очень смѣло, в блестящем стилѣ предусмотрѣвшую образ грядущаго диктатора... «Для спасенія отечества он (диктатор) не постѣняется пользоваться оружіем противника, демагогіей, ходячими словечками и т. п. Когда исчезают всѣ авторитеты, народная толпа создает себѣ свой собственный авторитет. Об этом свидѣтельствует успѣх Муссолини. Чѣм глубже связан был диктатор с народными массами, тѣм лучше он понимает, как воздѣйствовать на их психологію, с тѣм меньшим недоверіем отнесутся к нему рабочіе и тѣм больше будет количество его сторонников, набранных среди самых энергичных элементов народа... Сам — же он в дѣйствительности ничего общаго с низами имѣть не будет; он — особая личность, подобно всѣм великим людям... Если обстоятельства этого потребуют, он должен без стѣсненія проливать кровь. Всѣ крупныя проблемы разрѣшались всегда кровью и желѣзом. Здѣсь — же пред нами дилемма: гибель или вос-

кресеніе... Парламент может болтать — этот человек будет действовать. Несмотря на свои частыя обращенія к народу, он умѣет, когда нужно, молчать. Возможно, что им будут разочарованы и собственные сторонники... Для достиженія цѣли он перешагнет через трупы ближайших друзей.. Для великих конечных цѣлей он не должен опасаться прослыть в глазах большинства даже предателем народа...»

В этом наброскѣ Гесс сознательно рисовал своего пріятеля Гитлера; он изобразил его не только таким, каким выглядѣл тогда 32-лѣтній Гитлер, но и таким, каким Гитлер рисовался самому себѣ. Нѣкоторыя фразы тѣм болѣе интересны, что Гесс переиздал эту работу в 1934 году. Поразительно слѣдующее его утвержденіе: «Созданіе диктатора не должно соответствовать масштабу его величія, — иначе, при его уходѣ, рухнет все зданіе, как это было с государством послѣ смерти Фридриха и Бисмарка. Самостоятельныя личности, которым придется в будущем управлять германской колесницей, не могут развиваться при наличіи диктатора. Поэтому диктатор завершает свою работу великим подвигом: вмѣсто того, чтобы использовать свою власть до конца, он слагает ее и, как вѣрный поденщик, отходит в сторону».

В этом заключеніи весь Гитлер с его непонятой и неудовлетворенной тоской по частной жизни; с его постоянной заботой о смѣнѣ послѣ смерти. В своей партійной программѣ от 1920 года он писал, что партія исчезнет, когда ея программа будет выполнена. На судѣ в 1924 г. он заявил, что свою задачу он будет считать законченной, когда ему удастся возвысить германскій народ. Когда наступит этот момент? Гесс считает, что этим моментом будет объединеніе в «составѣ новой великой Германіи всѣх людей нѣмецкой крови».

Много лѣт спустя (в 1934 г.) Гесс построил себѣ виллу в Герлахингѣ возлѣ Мюнхена. Гитлер пріѣхал ее осмотрѣть. Гесс впал в мечтательность: он всегда рисовал себѣ свою старость в такой виллѣ, между полем и лѣсом; здѣсь, глядя на Альпы, он кончит свои дни. На это Гитлер отвѣтил строгим тоном (возможно в данном случаѣ он был и не совсѣм искренен — его фраза соответствовала хорошему партійному тону): «Нѣт, Гесс, умрем мы совсѣм по другому. Смерть на полѣ битвы — вот конечная цѣль, а не в частной жизни»...

Конрад Гейден

Пушкин и Россія в польском литературовѣдѣніи

«Народам», в особенности тѣм, которые оформлены в государственныя цѣля, свойственно не понимать друг друга. Бывает и так, что взаимное непониманіе сильнѣе, когда они пространственно друг к другу ближе. Исторія русско - польскихъ отношеній. кажется, — один из примѣровъ этого рода. Дѣло здѣсь осложнялось тѣм, что в теченіе вѣковъ та часть Россіи была «Польшей». то Польша была частью «Россіи». Къ сожалѣнію, поскольку дѣло идетъ объ антипольскихъ настроеніяхъ у русскихъ, можно было - бы привести не мало примѣровъ изъ русской литературы. Даже у Толстого в первый періодъ его духовнаго развитія, а также еще в пору написанія «Войны и Мира», как это показалъ недавно проф. Ледницкій *), полякъ выводится всегда какъ «чужой». Зависимость в данномъ случаѣ Толстого отъ старинныхъ литературныхъ образцовъ, нереальность изображенія у него, величайшаго реалиста, этого «чужого» является какъ разъ характернымъ примѣромъ в подтвержденіе сказаннаго выше. Впослѣдствіи Толстой преодолѣваетъ в себѣ эту предубѣжденность; полякъ, изъ «чужого», становится для него «своимъ», братомъ во Христѣ.

Къ чести обоихъ народовъ надо сказать, что в ихъ средѣ всегда имѣлись люди, умѣвшіе ставить человѣческое начало выше узко-національнаго и такъ или иначе стремившіеся отрѣшиться одни отъ полонофобства, другіе отъ руссофобства. Сильнѣе всего это сказывалось какъ разъ в ту эпоху, которой специально занимается проф. Ледницкій, — в началѣ XIX в., в пору пробужденія національнаго сознанія и вмѣстѣ с тѣмъ жизненности идей *Weltbürgertum*, когда центральной проблемой философіи исторіи была проблема совмѣщенія національнаго и общечеловѣческаго начала, когда каждый мыслящій человѣкъ считалъ вполне возможнымъ наступленіе момента, «когда народы, распри позабывъ, в великую семью соединятся», и считалъ своимъ моральнымъ долгомъ содѣйствовать

---

*) V. Lednicki. *Quelques aspects du nationalisme et du christianisme chez Tolstoï.* — Краков, 1935.

осуществленію этого идеала. Если мѣрять на современную мѣрку, мѣрку времени, когда національное сознание выродилось в безобразно - жестокой и тупой национализм, то какими умѣренными и человѣчными покажутся стихотворенія Пушкина, составляющія его «антипольскую трилогію»! И тѣм не менѣе для лучших из его современников появленіе этих стихов было нравственным ударом. С пушкинским «конформизмом», далеко не безоговорочным, они примириться не могли. Чѣм рѣже имѣют мѣсто явленія, свидѣтельствующія, что «человѣческая», «европейская» традиція все же еще и сейчас не угасла окончательно в европейском сознаніи, тѣм они отраднѣе, тѣм цѣннѣе. В частности, что касается русско-польских отношеній, к этой категоріи явленій должны быть отпесены работы проф. Ледницкаго и его сотрудников в изданном им Пушкинском сборникѣ *).

Особая пріятельность этюдов проф. Ледницкаго, прежде всего, в том, что, занимаясь преимущественно Пушкиным и Мицкевичем, он сам словно дышет их «воздухом», воздухом времени, когда человек был, дѣйствительно, во всѣх отношеніях и в полной мѣрѣ человеком, когда он не подчинял своей мысли никаким «идолам». Отсюда та полная безпредвзятость и то безпристрастіе, с каким проф. Ледницкій судит и говорит о людях этой эпохи, об их взаимоотношеніях, и та способность сочувственного пониманія, которая, в сочетаніи с строгой научностью, с интересом к «*petits faits*», не ради их самих, не из науковѣческаго педантизма, но в силу стремленія приблизиться к постиженію исторической реальности во всей ея пестротѣ и сложности, дали ему возможность увидѣть очень много такого, что до сих пор не замѣчалось. Говоря это, я имѣю в виду вовсе не только то, что в работах Ледницкаго имѣет прямое отношеніе к Пушкину. Проф. Ледницкій — «пушкинист»; но это не значит, что все, что не имѣет прямого отношенія к вопросам т. наз. «пушкиновѣдѣнія», лежит внѣ поля его зрѣнія. Уже одно то, что наряду с Пушкиным в центрѣ

---

*) Puszkin, 1837 - 1937. — 2 тома. Краков, 1939. — Оговариваюсь, что нижеслѣдующія мои замѣтки о результатах работ выдающагося польскаго пушкиниста основаны на его статьях в этом сборникѣ, а также на тѣх, которыя были изданы им в 1935 г. под общим заглавіем *Przyjaciele Moscale*. С его главной работой о Пушкинѣ (Puszkin, Краков, 1937), я, к сожалѣнію, до сих пор был лишен возможности ознакомиться.

его вниманія стоит и Мицкевич, дает ему возможность чрезвычайно расширить предѣлы самого «пушкиновѣдѣнія».

Его «Пушкинскій Table-Talk», как он назвал свои этюды о Пушкинѣ, помѣщенные в Пушкинском сборникѣ, поучительны для русских «пушкинистов» между прочим вот в каком отношеніи: эти послѣдніе, за малыми исключеніями, когда они занимаются вопросами об иностранных источниках Пушкина, когда вскрывают его, по выраженію — неточному — Гершензона, «плагіаты», обычно останавливают вниманіе на французских, англійских, итальянских поэтах. А Мицкевич, который был другом Пушкина? Котораго вещи Пушкин переводил? Тут снова сказывается дѣйствіе указаннаго выше своего рода «закона исторіи»... Сколь, однако, важно для пониманія Пушкина знакомство с творчеством Мицкевича, можно судить по первому этюду из серіи «Table-Talk» — о «Полемикѣ Пушкина с Мицкевичем». «Полемику» эту, как оказывается, Пушкин вел нерѣдким у него способом: перефразируя того, с кѣм он полемизировал, — в данном случаѣ в «Галубѣ», гдѣ В. Ледницкій обнаружил ряд «цитат» из «Конрада Валленрода», в дѣйствительности, явных «отвѣтов» автору, представляющих собою развитіе той же темы, только, так сказать, переложенной в другую тональность. Герои обѣих поэм находятся в аналогичном положеніи — «варвара», принявшаго христіанство и тѣм самым вырваннаго из своей среды. Оба испытывают тоску, но один — у Мицкевича — по родинѣ, другой — у Пушкина — по чужбинѣ. Если принять во вниманіе, что «Галуб» писался в связи с «Путешествіем в Арзрум», то из сопоставленія этой недоконченной поэмы с Мицкевической становится ясным, что основная ея тема та же, что, в болѣе или менѣе зашифрованном видѣ, затрагивалась, как извѣстно, столь часто Пушкиным: тема «ухода», бѣгства, тяги к «чужой землѣ», освобожденія от «опеки» августѣйшаго «покровителя» поэта *).

Было бы недостаточно остановиться на выводѣ из этого о важности, для пониманія Пушкина, сопоставленія его произведеній с произведениями Мицкевича. Исслѣдованія проф. Ледницкаго открывают перед нами еще другія перспективы. Одна из пѣн-

---

*) Укажу, в связи с этим, на статью Вл. Фишера в сборникѣ Ледницкаго: «Агонія Пушкина», гдѣ наличіе этой-же темы удачно вскрыто в «Родригѣ», «Пророкѣ». отрывкѣ из Буніана, также, отчасти, и в «Русалкѣ».

ных особенностей этих изслѣдованій в том, что автор не замыкается в предѣлах основной темы и, удачно избравши для них форму «застольных бесѣд», не запрещает себѣ отклониться в сторону, затрагивать и вопросы, на первый взгляд, побочные, па дѣлѣ подводящіе нас к лучшему уразумѣнію *реального* Пушкина, реального в смыслѣ величины, существующей «*an und für sich*» но в опредѣленном «контекстѣ», — немислимаго таким, каким он был, внѣ этого контекста. каковой, с извѣстной точки зрѣнія, может быть для историка не менѣе важным, чѣм сам он, Пушкин. Пушкин не раз «перекликался» с Мицкевичем, вел с ним скрытую дружескую полемику. Это — давно установлено. Но проф. Ледницкій, если не ошибаюсь, первый обратил вниманіе на чрезвычайную близость тѣх мѣст в «Предках» (*Dziady*), гдѣ Мицкевич говорит о царской, петербургской, Россіи, о ея «безличіи», «призрачности», — против которых возражал Пушкин, — с рядом мѣст из «Философических писем» Чаадаева, причем важно то, что прямого заимствованія ни перваго у втораго, ни втораго у перваго быть не могло. Неизвѣстно даже, был-ли Чаадаев лично знаком с Мицкевичем. Как в таком случаѣ объяснить эти совпаденія? Тѣм, во-первых, что Чаадаев раньше, находясь в Польшѣ, был близок с людьми, с которыми был близок и Мицкевич, во-вторых, что общая им обоим философія русской исторіи создавалась у них под вліяніем одних и тѣх-же мыслителей. «Философскія Письма» и «*Dziady*» — продукт *одного и того же* духовнаго «климата», характернаго столько-же для Польши той поры, сколько и для Россіи. Русская и польская историко-философская мысль питались общими источниками и двигались в *одном* направленіи. Чаадаев в Россіи не был одинок. Пусть Пушкин и полемизировал с ним, как и с Мицкевичем (любопытно, что при этом он не замѣтил совпаденій у обоих своих антагонистов, на что указывает проф. Ледницкій): был-ли он, однако, *убѣжден* в их неправотѣ? Это сомнительно; слишком уж много его высказываній, в которых он так или иначе «проговаривался», противорѣчат этому. С указанной точки зрѣнія чрезвычайно важно сдѣланное автором сопоставленіе «Фил. Писем» с «Думой» Лермонтова. Здѣсь словесныя совпаденія бьют в глаза и проливают свѣтъ на подлинный замысел Лермонтова: в дѣйствительности он имѣет в виду не «наше поколѣніе», а *всю* Россію, всю ея исторію. «Дума» — сво-

его рода поэтическое *résumé* чаадаевской характеристики России.

Расширяя, таким образом, поле своих изысканий и оперируя методом сопоставлений стилистических особенностей изучаемых авторов, проф. Ледницкій успѣл сдѣлать еще не мало цѣнных выводов. Так, напр., ему удалось установить близость Тютчева к Пушкину в их пониманіи Наполеона, в их оцѣнкѣ декабристскаго движенія (большой заслугой автора, кстати сказать, надо признать его опроверженіе ходячаго в послѣднее время взгляда на отношеніе к декабристам русскаго общества послѣ разгрома движенія: будто-бы *все* общество цѣликом отшатнулось от декабристов и проявило полное равнодушіе к постигшей их участи). Автор обнаруживает «двусмысленность» тютчевскаго «Вас развратило самовластье», заключающаго в себѣ осужденіе «самовластья» в такой-же мѣрѣ, как и возставших против него *).

В своем стремленіи уловить, с одной стороны, тѣ общія духовныя тенденціи, какія были присущи русской интеллигенціи пушкинской поры, с другой — выявить их общность с настроеніями и тенденціями современной ей интеллигенціи польской, проф. Ледницкій не ограничивается только сопоставленіями чисто - литературнаго свойства: он подходит к проблемѣ и с соціологической точки зрѣнія. В своем сборникѣ этюдов, посвященном тѣм-же вопросам, «Русскіе друзья» (*Przyjaciele Moskale, 1935*— заглавіе связано с заглавіем извѣстнаго стихотворенія Мицкевича, обращеннаго к его «русским друзьям»), он, между прочим, дает удачную характеристику польской культуры, как культуры по преимуществу «дворянских гнѣзд**»). В *этом* ея сродство с русской культурой. А в своей статьѣ из *Table Talk'a* о «Поэзіи супружества» у Пушкина, гдѣ вскрыт генезис Тургеневскаго «Дворянскаго Гнѣзда» из «Евг. Онѣгина» и прозаических пуш-

---

*) Позволю себѣ одно замѣчаніе по поводу сближеній, дѣлаемых автором между тютчевскими и пушкинскими средствами выраженія. Сопоставленія эти показывают, что Тютчев дѣйствительно испытал на себѣ весьма сильное вліяніе поэтическаго языка Пушкина. Все-же такія указанія как на рифмы **любовь** — **кровь** или на эпитет **роковой** у Тютчева, кажется мнѣ, не имѣют доказательной силы: это не болѣе как поэтическія *clichés*, одинаково частыя как у Пушкина (извѣстно, что уже сам Пушкин подобными *clichés* тяготился и подсмѣивался над ними), так и у всѣх других поэтов той-же поры.

***) В статьѣ *Zdziechowski - Jusycysta*.

кинских повѣстей, он убѣдительноѣм образом показывает, в какой мѣрѣ русскій роман был обусловлен этой русской общественной структурой, в которой «Дворянское Гнѣздо» играло преобладающую роль.

Я остановился на мѣренно на тѣх сторонах изслѣдованій проф. Ледницкаго, которыя, по моему, представляют особый интерес, поскольку онѣ являются проявленіем благородной и рѣдкой в наше время тенденціи к преодолѣнію стѣсняющих мысль націоналистических предразсудков, во-первых; а во-вторых, поскольку онѣ показывают, сколь плодотворным может быть тот общій его подход к проблемам русской культуры и, в частности, русской литературы, при котором принимается во вниманіе связь этой культуры с культурою польской (при всѣх их различіях), — то, что, повторяю, в подавляющем большинствѣ случаев как раз игнорируется. Этим, однако, не исчерпывается сущность изслѣдовательскаго метода проф. Ледницкаго. С полной послѣдовательностью он расширяет область поисков источников Пушкина — стилистических и идейных не только, т. сказать, «горизонтально», но также и «вертикально». Насколько я знаю, пушкинисты обычно, ставя вопрос о русских источниках Пушкина, обращаются к тѣм авторам, на которых указывал он сам, и, поскольку дѣло идет о литературѣ до-пушкинскаго и до-карамзинскаго времени, дальше Богдановича и Державина не идут. Ледницкому-же удалось установить несомнѣнную связь между «Родословной моего героя» и кантемировской сатирой «Филарет Евгений»: эта «приписка» к «Мѣдному Всаднику» является, опять таки, своеобразным «отвѣтом» Кантемиру *).

Из приведенных примѣров видно, сколь необходимо для каждаго из нас, русских, интересующихся вопросами русской литературы и русской общественной мысли, знакомство с работами

---

*) *Przyjaciele Moskale*, 197 - 209. — Проф. Ледницкій считает, что эта-же сатира послужила источником также и для Грибоѣдова — в самохарактеристикѣ Молчалина: «Мнѣ завѣщал отец»..—Но вряд-ли. Совѣты, которые дал Молчалину отец, почти дословно совпадают с тѣми, какіе Генриетта из «*Les Femmes Savantes*» Мольера дает своему возлюбленному для того, чтоб он снискал расположение ея матери (акт I. явл. 3), — что уже давно отмѣтил Алексѣй Веселовскій. (Этюды и характеристики, 1894, стр. 159). Сходство между этим пассажем из «Горя от ума» и цитированным у автора из Кантемира несравненно болѣе отдаленное.

польскаго историка русской литературы. И не его одного. В «Русских Друзьях» *), во II-ом томѣ Пушкинскаго сборника, приведено немало фактов, свидѣтельствующих о том, что, вопреки всѣм тѣм *imponderabilia*, какія, говоря вообще, создают какую-то моральную стѣну между двумя народами, обреченными на вѣчное сожителство и «вѣчный спор между собою», все-же в Польшѣ ведется — и велась уже раньше — серьезная работа над познаніем Россіи; и пусть эта работа нерѣдко направлялась — и направляется — соображеніями, обусловленными все тѣм-же прискорбным «комплексом», все-таки есть люди, вдохновляющіеся побужденіями совсѣм иного свойства, сроднившіеся с Россіей, искренно стремящіяся к тому, чтобы пробить эту «стѣну», и труды которых не могут игнорироваться русскими образованными людьми. Правда, кромѣ *imponderabilia*, есть еще одно препятствіе: язык. Ни русскій, ни польскій язык еще не стали *общими* европейскими языками. Образованный русскій не считает для себя необходимым знакомство с польским языком, как и образованный поляк — с русским. У проф. Ледницкаго и его сотрудников цитаты из французских и англійских авторов приведены просто в оригиналѣ; цитаты-же на русском языкѣ всегда с переводом.

К участию в своем Пушкинском сборникѣ проф. Ледницкій привлек ряд польских ученых (нѣкоторые из них его ученики, и работы их возникли в руководимом им семинаріи по исторіи русской литературы), а также и русских. За недостатком мѣста я вынужден ограничиться упоминаніем лишь о нѣкоторых из их статей, — тѣх, какія кажутся мнѣ особенно значительными. А. .І. Бем («Путь Пушкина к прозѣ») правильно указывает, что преобладаніе прозаических произведеній над стихотворными в послѣдній період жизни Пушкина было не отходом от поэзіи, а переходом от стихотворнаго *повѣствованія* к прозаическому, что было связано с его стремленіем к освобожденію поэзіи от внѣ-поэтических элементов, к «чистой» поэзіи. М. Г. Горлин («Египетскія ночи») внес ряд цѣнных дополненій к изслѣдованіям Бонди, М. Гофмана и покойнаго Ходасевича, посвященных разгадкѣ «тайны» этого произведенія (весьма важно указаніе на вліяніе, наряду с Гофманом, французской «*école frénétique*», также — на сродство «Ег. ночей» с «Пиковою Дамой» и «Мѣдным Всадником»). Статья К. Заводзинскаго («Около Пушкина») содержит в

*) M. Zdziechowski — rusycysta krytyce przekladach.

себѣ тонкій анализ творчества Баратынскаго, выполненный путем сопоставленія его поэзіи с пушкинской. Превосходна статья Ел. Вильман - Грабовской («Поэт мрака и мятели»). Путем, кажется, исчерпывающаго подсчета наиболѣе часто повторяющихся у Пушкина образов, — образов ночи, мрака, бури, мятели (особенно удачны, с этой точки зрѣнія, сопоставленія этих и подобных образов в стихах и в прозаических вещах) и наблюдений над их вариациями и их развитіем, автор приходит к убѣдительному выводу, что это у Пушкина было вовсе не результатом простого слѣдованія модным тогда образцам, а отвѣчало его собственному видѣнію міра, тому его *трагическому* в основѣ своего жизнеощущенію, которое дало начало всѣм лучшим его вещам. Эта работа служит как-бы дополненіем к статьѣ В. Фишера «Агонія Пушкина», о которой я уже упомянул выше. Позволю себѣ сказать, что из всей пушкинской «юбилейной» литературы, сборник Ледницкаго, по моему, должен быть поставлен на первом мѣстѣ — именно оттого, что он лишен элементов «юбилейности», что он отражает стремленіе, как самого проф. Ледницкаго, так и его сотрудников, прежде всего приблизиться к свободному от всяческих предвзятостей, от какой-бы то ни было задней мысли, постиженію Пушкина, каков он был, а вмѣстѣ — и русской литературы и русскаго сознанія пушкинской поры.

Надлежит еще отмѣтить, в заключеніе, обширную библиографію всего, написаннаго о Пушкинѣ и касающагося Пушкина на польском языкѣ. Эта замѣчательная библиографія, заключающая в себѣ 766 номеров, составлена Маріаном Топоровским и сама по себѣ представляет явленіе единственное во всѣх работах подобнаго рода.

П. Бицилли

ХРОНИКА

Перед войной

(СЛОВЕСНАЯ ДУЭЛЬ И РѢШИТЕЛЬНЫЕ ШАГИ)

В послѣднее время все чаще приходилось слышать и читать, что, в сущности, «война уже ведется». Она ведется не только в видѣ воздушных налетов и морской блокады, военных маневров «красных» и «синих» армій на угрожаемых границах, но и в формѣ словесной борьбы противников, готовых к вооруженному столкновению. Никогда еще, кажется, в исторіи дипломатіи не была до такой степени «явной», и словесная дуэль перед началом военных дѣйствій не растягивалась на такое продолжительное время. Министры и кабинеты узнают теперь из газет о своих рѣшеніях раньше, чѣм они приняты, — и часто принуждены их видоизмѣнять до опубликованія. Парламентскія пренія окончательно лишают дипломатію ея прежняго оружія — «тайны», но за то дают ей новую силу — общественную поддержку. Демократическій блок уступает, правда, в этом отношеніи «тайпой» дипломатіи «тоталитарнаго» противника и не всегда может проникнуть в его секретные замыслы, но все же принуждает и его постоянно отступать от прямых путей и придумывать обходные маневры.

За два мѣсяца, истекшіе со времени нашего послѣдняго обзора, мы вплотную придвинулись к переходу «скрытой» войны в открытую. Позиціи были заняты демократіей окончательно. Велась лишь словесная перестрѣлка. Заявленія о твердости и непреклонной волѣ повторялись в тѣх же выраженіях, свидѣтельствуя о том, что позиціи демократическаго блока заняты безповоротно. Правда, Чемберлен постоянно сопровождал этого рода деклараціи надеждами на мирный исход и на возможность «сговориться». Но возможные колебанія были пресѣчены непримиримой позиціей Польши, кото-

рая вовсе не желала повторенія исторіи с Чехословакіей. Именно поэтому судьба Данцига выдвинулась на первое мѣсто. Конечно, против германскаго обладанія Данцигом выдвигались со стороны Польши принципиальныя соображенія. Но, если бы не было поучительнаго урока с Чехословакіей, едва ли бы именно на этой точкѣ демократическій блок приготовился дать рѣшительное сраженіе Гитлеру. Уже признано теперь многими, что на примѣрѣ Чехословакіи обѣ стороны совершили тяжчайшія ошибки. На Чехословакіи Гитлер потерял лицо и маску, разбудив своим небывалым цинизмом не спѣшившія проснуться демократіи. С их стороны значеніе потери Чехословакіи, как центральнаго бастиона в приближавшейся рѣшительной схваткѣ, было, к несчастью, понято только послѣ того, как факт совершился и обнаружались его послѣдствія. Невѣдѣніе, соглашательство, ложно понятый нацифизм сыграли тут роковую роль. Во всяком случаѣ, повторитъ Чехословакію и Мюнхен на новом этапѣ гитлеровскаго захвата теперь уже никто не хотѣл, как-бы ни смотрѣли на значеніе Данцига спеціально для Польши. Данциг сдѣлался символом, и его судьба стала центральной позиціей той «войны, которая уже ведется». Это был теперь не только *один* из «невральгических пунктов» Европы: он стал очередным и первым, пріобрѣтя принципиальное значеніе в непрекращавшемся процессѣ борьбы права против насилія. И естественно, что всѣ парламентскія пренія и министерскія рѣчи, весь газетный репортаж и всѣ статьи о международном положеніи так или иначе сводились к вопросу о Данцигѣ.

Это также — тот вопрос, на котором Гитлер впервые проявил признаки колебанія, — который завел его в тупик и привел к рѣшительному шагу. Прошло время, когда Гитлер говорил: «В Прагу я пришел в ботфортах, а в Данциг я приду в туфлях». Повторить эту ночную прогулку Гитлеру не удалось. Приходилось совершать приготовленія к новому акту насилія при дневном свѣтѣ. В обозрѣваемом періодѣ блеффъ принялъ грандіозныя формы и кончился трагедіей. Новое «мирное» завоеваніе не удалось.

Прежде всего надо было, дѣйствительно, надѣть «ботфорты». Гитлер принялся вооружать Данциг на случай польскаго нападенія. Помимо с'ѣзда мнимых «добровольцев», в Данциг из Восточной Пруссіи на торговых судах были доставлены ночью 29 іюня первыя четыре тяжелых орудія, зенитная артиллерія и... четыре тысячи мундиров. В отвѣтъ на это 1 іюля одновременно появилось

офіціальне заявленіє в «Пти Паризьен», що «Франція и Англія выполнят свои обязательства перед Польшей», и заявленіє данцигскаго офіціоза: «Возвращеніє Данцига рейху рѣшено; дату опредѣлит Гитлер». Наступил «уик-энд» — 1-3 іюля, когда серьезно ждали переворота и приѣзда Гитлера в Данциг. Но Гитлер отступил перед очевидной угрозой войны, — и Лондон нѣсколько успокоился. Задуманная Польшей нота данцигскому сенату, долженствовавшая ультимативно потребовать прекращенія вооруженій, не была одобрена в Лондонѣ и Парижѣ. Вооруженія продолжались. Со стороны «оси» это была уже не «словесная дуэль» — Гитлер разговаривал мало, — а явное приготовленіє к рѣшительному шагу. Намѣчался и срок: вторая половина августа, когда кончится сбор урожая. Чемберлен все-таки совѣтовал Беку «не рисковать ускореніем конфликта». В Лондонѣ заговорили о возможности переговоров между Варшавой и Берлином. Чемберлен в рѣчи 10 іюля произнес осторожную фразу: «мы обѣщали поддержку Польшѣ, в *случаѣ, если бы* ея независимость подверглась *явной* угрозѣ и *если бы* она признала необходимым сопротивляться этой угрозѣ всѣми своими силами». Он сослался на прежнія заявленія Бека и Гитлера о «возможности переговоров» — и сам признал эту возможность при «болѣ спокойной атмосферѣ». Даже польскій офіціоз высказывал тогда надежду, что Гитлер «образумится». А тѣм временем в Данцигѣ вербовались мѣстные нѣмцы, устанавливались пулеметы, принимались мѣры пассивной обороны, строился понтонный мост для сообщенія с Восточной Пруссіей (давно уже готовый). Данцигскій офіціоз отвѣчал на сдержанные польскіє авансы заявленіем, что переговоры возможны только в том случаѣ, «если Польша не будет цѣпляться за искусственныя построенія версальскаго договора». Смысл намека был ясен: Чехословакія не «цѣплялась».

За «успокоеніем» появились тотчас-же новые поводы к безпокойству. Фюрер приказал Форстеру, главѣ данцигских наци, продолжать военныя приготовления, в виду того, что «момент дѣйствія близится». Было выселено пограничное с Польшей населеніє; холмы вокруг города были заняты зенитной артиллеріей; рылись окопы; германскія войска сосредоточивались на южной границѣ Польши, со стороны чешской и словацкой границы. Естественно, что Польша отпрянула от всяких расчетов на «переговоры» и от разговоров об уступках. Маршал Смиглый Рыдзь заявил,

что Польша будет сражаться за Данциг, даже если останется одна. Со своей стороны Форстер, данцигскій «гаулейтер», находившійся в непрерывных сношеніях с Гитлером, заявил печатно в германском офиціозѣ: «мы непоколебимо вѣрим, что Адольф Гитлер вернет в общую родину 400.000 своих соотечественников». 29 іюля Форстер заявил на митингѣ: «Милитаризація вольнаго города закончена». И данцигскій сенат снова поднял, в рѣширенной формѣ, спорный вопрос о польских таможенных чиновниках в Данцигѣ. Послѣдовал обмен нот, в котором — по приказанію Берлина — сенат уступил. Форстер говорил теперь (5 августа): «мы не знаем, когда час возвращенія к рейху наступит. Это рѣшит фюрер». Однако, сѣздив снова в Берхтесгаден, Форстер 10 августа определеннѣе заговорил на митингѣ об «угрозах близкой войны» из-за польскаго «подстрекательства», предостерегал поляков от «нападенія и от политики захвата» — и увѣренно обнадеживал нѣмцев, что «недалек тот день, когда мы соберемся здѣсь, чтобы праздновать соединеніе Данцига с великим германским рейхом». По чехословацкому прецеденту, германскія газеты заговорили о «гоненіях» и о «невыносимом террорѣ против милліона нѣмцев. равносильном об'явленію войны».

Очевидно, близилась очередная попытка создать совершившійся факт аннексії. На 13 августа назначен был сѣзд представителей «оси» в Берхтесгаденѣ и Зальцбургѣ для принятія окончательных рѣшеній. Однако, тут произошел какой-то поворот, едва-ли предусмотрѣнный Гитлером. Видѣшим признаком того, что не все обошлось благополучно, было то, что бесѣды Чіано с Риббентропом затянулись вмѣсто нѣскольких часов на два дня; Чіано нѣсколько раз сносился с Муссолини, дважды видѣл Гитлера, — и никакого сообщенія о результатах бесѣды не было дано. Косвенно можно было заключить о ея содержаніи из того, что Гитлер пригласил в Берхтесгаден также и Буркхардта, верховнаго комиссара Лиги Націй в Данцигѣ, и Буркхардт, вернувшись, вел переговоры с президентом сената, с верховным комиссаром Польши. Повидимому, попытки перевести захват на мирные рельсы шли от дуче, не желавшаго воевать из-за Данцига.

Близость военнаго столкновенія с Гитлером из за Данцига имѣла одно логическое послѣдствіе: усиленныя попытки противопоставить Гитлеру совѣтскую Россію. Значеніе участія Россіи и для предупреденія войны, и для ея успѣха, если она возникнет,

было, конечно, давно сознано — и даже сильно преувеличено лѣвыми элементами общественнаго мнѣнія. Но с другой стороны, далеко не ослабѣло и психологическое отталкиваніе от русскаго коммунизма. Что касается самого СССР, — нейтралитет в европейской войнѣ, естественно, представлялся в Москвѣ самой безопасной и выгодной политикой. Отсюда — неизбѣжныя колебанія и расхожденіе в самом исходном пунктѣ давно начавшихся переговоров: со стороны демократическаго блока — нѣкоторое пренебреженіе к интересам Россіи, с русской стороны — особенная чувствительность к сохраненію равноправной роли в союзѣ и к обезпеченію военных преимуществ, связанных с участіем Россіи на сторонѣ демократій. Именно эти преимущества и предстояло закрѣпить в текстѣ союзнаго договора.

Новая стадія переговоров в послѣдніе два мѣсяца и открылась статьей вліятельнѣйшаго сотрудника Сталина Жданова в «Правдѣ», свидѣтельствовавшей о различном отношеніи к пакту в самой совѣтской средѣ. Жданов признавал, что договор СССР желателен, как способ парализовать «агрессоров». Соотвѣтственную позицію занимала тогда и совѣтская печать. Но, становясь на сторону демократій, Жданов продолжал заподозривать их намѣренія. 75 дней длятся переговоры, говорил он; из них только 16 употреблены СССР для формулировки своих требованій, тогда как 59 дней понадобились демократіям для отвѣтов. Дипломатія демократическаго блока отвѣчала на это правильным указаніем, — что за это время девять десятых совѣтских требованій уже удовлетворены; остается одна десятая. Эта «десятая часть» сводилась к желанію СССР обезпечить себя от германскаго нападенія со стороны Балтійскаго моря. Чемберлен отвѣчал на это, что «гарантировать» новообразованныя балтійскія государства от подчиненія их политикѣ Гитлера значило бы вмѣшиваться в их внутреннюю политику. Он соглашался лишь гарантировать Россію от *прямого* нападенія с этой стороны. Совѣтскіе дипломаты доказывали, что не менѣе важны *косвенные* способы воздѣйствія на балтійскія государства со стороны Гитлера.

2 іюля союзные дипломаты представили Молотову в Москвѣ новыя предложенія, долженствовавшіе установить компромиссную формулу относительно этой, послѣдней «одной десятой». 3 іюля был получен из Москвы неудовлетворительный отвѣт. Тогда в Москву были посланы новыя условія. Совѣтской дипломатіи предла-

галось ограничиться пока «минимумом»: заключеніем англо - франко - совѣтскаго союза для оказанія, на началѣ равноправія, взаимной помощи в случаѣ нападенія на одну из трех великих держав. Эта стадія соглашенія была уже достигнута ранѣе. Такое соглашеніе, возражали совѣтскіе дипломаты, недостаточно и неполно: вѣдь «косвенное» нападеніе Гитлера грозит не большим, а малым государствам. 8 и 9 іюля состоялись в Кремлѣ новыя бесѣды, болѣе длительныя, чѣм прежнія. Но онѣ натолкнулись на прежнее коренное разногласіе. В рѣчи 10 іюля Чемберлен сообщил, что Финляндія и балтійскія государства «освѣдомили его о своем желаніи сохранить свою независимость и нейтралитет» и что «эта позиція является также частью британской позиціи», с которой правительство будет считаться во время переговоров с СССР.

Переговоры явно заходили в тупик. Тогда Москва выдвинула «новыя предложенія». До разрѣшенія *политических* споров и до заключенія тройственнаго договора с Англійей и Франціей, она предлагала переговорить о военных союзах — в том числѣ с Польшей и Турціей. Демократическій блок согласился приступить к переговорам между военными штабами будущих союзников — для выясненія конкретных способов защиты от нападенія. Была намѣчена посылка военных экспертов. Она стала неизбежной, когда 15 и 16 іюля новыя совѣщанія с Молотовым в Кремлѣ опять «не дали окончательных результатов». Остановка была все за тѣм же: за точной формулировкой понятія «косвеннаго нападенія». По настоянію Франціи, были намѣчены новыя уступки (против которых возражала Англія) и посланы 21 іюля. Через день состоялась бесѣда с Молотовым — и снова наткнулась на неуступчивость Англии в спорѣ о «формах давленія» на балтійскія государства. 26 іюля, на новом совѣщаніи в Кремлѣ, рѣшено было, наконец, выдвинуть вперед вопрос о переговорах англійскаго и французскаго и совѣтскаго военных штабов, отдѣлив политическую сторону переговоров, по предложенію Молотова, от военной. Это и дало возможность продолжать переговоры. Москва согласилась поставить в зависимость от исхода военных переговоров свое согласіе на политическія предложенія демократическаго блока. 10 августа военные миссіи прибыли в Петербург; 12-го онѣ были в Москвѣ, и тогда же начались совѣщанія с русской делегаціей, возглавляемой Ворошиловым. В программѣ военнаго совѣщанія значился вопрос о

закрытіи восточной части Балтійскаго моря при помощи союзных флотов, что само по себѣ устраняло германское вмѣшательство в поведеніе балтійских государств. Однако, и чисто - военные переговоры сразу обнаружили существенныя разногласія. Послѣдовали новые перерывы, и прежде чѣм переговоры двинулись дальше, разорвалась новая «бомба» Гитлера, вызвавшая роковую перемену не только в ходѣ переговоров, но и во всем взаимоотношеніи договаривавшихся сторон.

Как теперь выясняется, перемена московской политики связана с отставкой Литвинова и с замѣной его Молотовым, — послушным исполнителем воли Сталина о сближеніи с Германией.

Уже с начала марта, параллельно с открытыми переговорами об англо - франко - совѣтском соглашеніи начались в глубокой тайнѣ переговоры с Германией, пошедшей на всякія уступки, чтобы обезпечить себѣ нейтралитет. Исторія этих тайных переговоров оставалась скрытой для всѣх; но их результат был оглашен в момент крайняго международнаго напряженія — очевидно, по инициативѣ Гитлера. В ночь на 21 августа официальное агентство Д. Н. Б. сообщило о рѣшеніи рейха немедленно заключить пакт с СССР о ненападении и о пріѣздѣ Риббентропа 23 августа в Москву для окончанія переговоров. Даже для Берлина это было сюрпризом, не говоря уже о дипломатіи демократических держав и для их военных представителей в Москвѣ. Но кто мог ожидать, что цинизм двух диктаторов дойдет до таких предѣлов и что протагонист «антикоммунистическаго» пакта так легко сговорится с московской «гидрой», против которой он только что боролся в Испаніи и готовил военный союз с Японіей. Послѣ первой, *расистской* базы «идеологическаго» режима, разрушенной захватом Чехословакіи, здѣсь приносилась в жертву и вторая база, *антикоммунистическая*: от идеологіи ничего не оставалось, кромѣ поисков «жизненнаго пространства», — угрожавших больше всего юго-востоку Европы, включая и самую Россію.

Что мог значить этот шаг Гитлера? Жест отчаянія, послѣднюю ставку запутавшагося игрока? Ловкій расчет на то, чтобы в послѣднюю минуту разсорить противников и, спутав карты, произвести «мирный» захват Польши? Первое впечатлѣніе, произведенное во всем мірѣ гитлеровской «бомбой», было впечатлѣніе недоувѣрія, недоумѣнія, нѣкоторой растерянности. Но это было только в первые часы и минуты. Осмотрѣвшись, иные стали

даже заключать, что, в сущности, не случилось ничего нового: акты о ненападении, когда-то введенные в моду Литвиновым, вместе с понятием «недѣлимого» мира, и долженствовавшие замѣнить «коллективную безопасность» на восточной границѣ Европы — это было так же старо, как блаженной памяти договор Келлога - Бриана. Обычная оговорка этих договоров, что такой пакт автоматически теряет силу, если договаривающаяся сторона сама совершает нападение на третью сторону, окончательно лишала пакты о ненападении всякаго практическаго значенія. К тому же СССР пробовал заявлять, что совѣтско - германскій пакт нисколько не мѣшает продолженію переговоров о военном союзѣ с Англійей и Франціей. Было, конечно, ясно, что такія толкованія слишком оптимистичны и что в дѣйствительности пакт развязывает Германію руки для немедленной расправы с Польшей и для созданія «совершившагося факта». Приходилось спѣшно принимать послѣднія мѣры предосторожности. Короли, министры и их помощники спѣшно вернулись со своих вакацій, совѣщались кабинеты, был созван англійскій парламент, призваны новыя категоріи резервистов и т. д. На слѣдующій день, 23 августа, стало извѣстно, что провокація Гитлера не удалась. Англія и Франція попрежнему были непреклонны в защитѣ Польши, а Польша, поддержанная свѣжим договором с Англійей, — непреклонна в защитѣ своих прав на Данциг. Нужно было ждать опубликованія самаго содержанія договора, который собирались заключить в Москвѣ, чтобы придти къ окончательным рѣшеніям. В ожиданіи Чемберлен послал к Гитлеру Гендерсона, чтобы напомнить ему о рискованности его намѣренія и о твердой позиціи Англии.

24 августа, среди многих откликов и разнорѣчивых слухов, мы прочли сообщеніе, что в ночь на этот день договор между «Сталиным и Гитлером» подписан. В нем, прежде всего, не оказалось упомянутой оговорки о ничтожности договора в случаѣ нападенія договаривающейся стороны на третью. Вместо нея говорилось, наоборот, о «нападении на договаривающуюся сторону» (т. е. на Германію) нѣкоей третьей — и об обязанности другой договаривающейся стороны (т. е. Россіи) «не помогать этой третьей ни прямо, ни косвенно». Можно было еще спорить, как понимать «нападеніе» и кого считать «агрессором» в каждом конкретном случаѣ. Но вот параграф 4 устанавливал уже не подлежащее перетолкованію общее правило: договаривающіяся стороны обязуются «не участво-

вать ни прямо, ни косвенно в группировках держав, направленных против другой стороны». Если, с одной стороны, это обязывало самого Гитлера — не заключать «антикоммунистических» договоров против СССР, то, с другой, разрушало союз СССР с Францией и лишало СССР права продолжать переговоры о союзе с демократическим блоком. Военным представителям Франции и Англии в Москвѣ, конечно, было больше нечего дѣлать, и, прощаясь с ними 25 августа, Ворошилов безцеремонно и заявил им об этом.

Трудно судить в данную минуту, что получал взамен СССР, принимая предложеніе Риббентропа? Говорилось о секретных условіях договора — предоставить СССР ту свободу дѣйствій относительно балтійских государств, на которую не соглашался Чемберлен, о поддержкѣ Китая против Японіи, даже о раздѣлѣ Польши и возвращеніи Бессарабіи. Все это зависѣло от шансов германской войны с Европой! Конкретно было лишь одно: возвращеніе СССР к его политикѣ нейтралитета в европейском конфликтѣ и (если вѣрить обѣщаніям Гитлера) десятилѣтняя отсрочка расчета с Гитлером по плану «Майн Кампф». Сам Гитлер, очевидно, ошибся в расчетѣ. Помимо полного и окончательнаго крушенія своей идеологии, он терял вмѣстѣ с нею и своих друзей и союзников по борьбѣ с мировым коммунизмом. Японія спѣшила заявить о полной независимости своей политики от «оси»; Испанія освобождалась от тяжелой опеки своих недавних покровителей. Италія, официально, продолжала дѣлать довольный вид в плохой игрѣ; по, если бы началась из за Данцига европейская война, ея тактика уже предусматривала глубокія измѣненія. Подставить себя под первый удар Франціи она отнюдь не желала. Нервная переписка и частые телефоны между Берлином и Римом ясно свидѣтельствовали о предстоящем отходѣ от Гитлера и этого участника «оси». Вмѣсто угрозы Европѣ, Гитлер должен был выбираться из тупика в одиночествѣ.

24 августа Чемберлен перед палатой, 25 — Даладье перед микрофоном сказали свое последнее слово. Надежда еще не покинула Чемберлена, но он рѣзко противопоставил Гитлеру свой тезис: разрушеніе независимости государств не означает защиты «національных» и «жизненных» интересов, и призвал англійскій народ к единенію перед угрозой войны. Даладье об'единил настроеніе в критикѣ поведенія СССР и связал защиту свободы народов Европы с судьбой самой Франціи.

Раздалось в эти дни нѣсколько благородных голосов в защиту мира: обращеніе Рузвельта к итальянскому королю, Гитлеру и Мосцицкому; заявленіе бельгійскаго короля Леопольда III от имени государей сѣверной Европы; прозвучал призыв папы Пія XII. Ужас перед приблизившейся катастрофой, грозившей гибелью европейской цивилизаціи, заставил демократію и ея друзей прибѣгнуть еще раз к попыткам воздѣйствія на Гитлера, предложив ему вернуться от угроз к методу переговоров и посредничества. Четыре раза Рузвельт возобновлял свои предложенія в этом направленіи. Но Гитлер не только оставался непреклонен, а и повышал, по своему обычаю, свои требованія: условіем переговоров он ставил теперь *предварительную* уступку ему Данцига и коридора. Он вызвал к себѣ англійскаго и французскаго послов в Берлинѣ — но только для того, чтобы сообщить им эти неприемлемыя условія. Нить переговоров едва держалась на том аэропланѣ, на котором Невиль Гендерсон слетал 27 - 28 августа из Берлина в Лондон и обратно. Он вернулся с зрѣло - обдуманым отвѣтом англійскаго кабинета. 29 августа собрался англійскій парламент, чтобы выслушать результат поѣздки и заявленія Чемберлена. Но отвѣта Гитлера еще не было, засѣданіе было отложено на 30-е. Это не помѣшало Чемберлену сказать рѣчь, которая отклоняла предложенія об опредѣленіи общих взаимоотношеній Англійи и Германіи до рѣшенія вопроса о Данцигѣ. В этом заявленіи как бы заранее отклонялись извѣстныя предложенія Гитлера. И Гитлер, очевидно, рѣшил, что пора кончать словесную дуэль. Начался послѣдній акт драмы, проведенный Гитлером крайне неудачно. Сочинив послѣднія, явно неприемлемыя условія для Польши, он скрыл их до послѣдней минуты от польскаго посла и невнятно прочитал британскому; не принял польскаго; а когда послѣдній, уступая настояніям Чемберлена, заявил согласіе на обожужденіе предложеній, Риббентрон заявил, что срок пропущен; а Гитлер, сообщив ложно рейхстагу, что Польша не приняла предложеній и что он принужден противопоставить «силѣ — силу», вторгся 1 сентября с нѣскольких сторон в предѣлы Польши, бомбардировал города и т. д. Послѣ того Англія и Франція потребовали удаленія войск, но отвѣта не получили. Это означало — войну. 2 сентября Франція объявила всеобщую мобилизацію.

От трагических событій в Европѣ мы должны перейти к тому, как отразились они на ходѣ борьбы на Дальнем Востокѣ. СССР

принимал в ней участие на сторонѣ только - что покинутых им европейских демократій, защищая общіе интересы Европы против представляемаго Японіей азіатскаго расизма. Затянувшаяся (и все же не объявленная формально) война с Китаем заставила Японію нѣсколько раз измѣнить свои планы, все время расширяя круг своих дѣйствій, чтобы, наконец, сломить сопротивление Китая. Первоначальным намѣреніем вождей Квантунской арміи, полковника Дойхара и майора Тада, талантливых исполнителей знаменитаго завѣщанія Танаки, было — оторвать пять провинцій сѣвернаго Китая от связи с Нанкинским правительством Чан-Кай-Шека, образовать там отдѣльную область, связанную с Манчжуко, и тѣм вдвинуть клин против Россіи через Внѣшнюю Монголію. Лишить Китай пяти провинцій, из которых три (Хоней, Шантунг и Шанси) богаты шерстью, хлопком, желѣзом и которые, главным образом, наполняли таможенную кассу Тяньцзиня, — это значило окончательно обезкровить южное правительство Китая и осуществить широкій план японскаго протектората над Азіей. Расчет этот не удался. Японцы надѣялись на легкую побѣду путем измѣны мѣстных генералов и губернаторов. А столкнулись они с крестьянской массой, распропагандированной Гоминданом при помощи мѣстной студенческой интеллигенціи. Из первоначальнаго плана ничего поэтому не вышло, кромѣ «кукольнаго» квази-китайскаго правительства в Хопеѣ и Чахарѣ... и огромнаго роста контрабандной торговли — особенно наркотиками. Тогда, в концѣ 1937 года план непосредственнаго захвата сѣвернаго Китая был замѣнен другим: нанести прямой и рѣшительный удар нанкинскому правительству, которое только выигрывало морально в глазах китайцев в результатѣ японских воздушных налетов вглубь страны и неудачной попытки напасть на Шапхай с моря. Этот второй, болѣе сложный план затянул войну и истощил матеріальныя средства Японіи. Чан-Кай-Шек противопоставил ему старую русскую тактику — отступление вглубь страны, как было в борьбѣ против Наполеона, — чтобы побѣдить пространством и временем. Японцы имѣли в своем распоряженіи сѣть стратегических желѣзных дорог, ими же заблаговременно построенную. Главные центры страны могли, таким образом, быть легко захвачены — и часто сдавались без боя; но живая сила ускользала от попыток окруженія. Японцы владѣли городами и желѣзнодорожными путями, а на обширных пространствах между линіями желѣзных

дорог шла энергическая борьба крестьянской герильи. Пользуясь наводненіем, китайцы разрушили плотины на Желтой рѣкѣ и тѣм задержали японцев на пути к Ханькоу. Тогда возник, в средѣ флота, третій план: перенести войну к Кантону, блокировавъ южное побережье. Этот план должен был столкнуть японцев уже не с китайцами, а с еврпейцами. Оправдывал его тот мотив, что только таким способом можно было отрѣзать от театра внутренней войны европейскую помощь оружіем. Но борьба с европейцами требовала примѣненія иной идеологіи, нежели борьба с Китаем. Если там лозунгом была борьба с коминтерном, то тут пришлось откровенно выдвинуть расовый принцип: Азія для азіатов. Этот лозунг, далеко не новый, сближал Японію с расистами европейской «оси». Но он же и полагал границу сближенію. Можно было на этом принципе построить «антикоммунистическій пакт». Нельзя было построить тѣснаго военнаго союза. Вѣдь германцы с начала войны и долгое время были главными поставщиками оружія для Китая, а их торговые интересы в Китаѣ были так же затронуты націоналистическим движеніем в Азіи, как и интересы других европейцев. За гитлеровским сентябрем 1938 года послѣдовал японскій октябрь: японцы безпрятственно высадились сѣвернѣ Гонконга, и Кантон — к общему удивленію — был уступлен без боя. Англичане не двинули пальцем. Китайцам пришлось уйти и из Ханькоу. Путь для доставки оружія через Гонгконг на Кантон - Ханькоускую дорогу был отрѣзан. Другой путь шел через французскій Индокитай, откуда строилась желѣзная дорога в Юннан; но, уступая японским угрозам, Франція пріостановила постройку. Оставался третій путь через Бирму, находившійся в руках англичан, и четвертый, самый трудный путь, — через СССР и Внѣшнюю Монголію. Возникал также вопрос о способѣ уплаты Китаем за доставленное оружіе. Но, самое главное, теперь открыто выступала, с требованіем признанія, своего рода «доктрина Монро», нѣсколько прикрытая новой терминологіей: «признанія новаго порядка на Востокѣ». Принцип Коноэ заявлял об этом уже осенью 1938 г. «Міровыя націи должны признать новое положеніе на Востокѣ. В прошлом Китай был территоріей, пожертвованной импералистскому честолюбію других держав. Японія признает необходимым произвести коренную перемѣну в этом положеніи и желает создать новый мир и порядок в Восточной Азіи на основѣ справедливости... Японія не отвергает сотрудничества других держав и не намѣревается вредить закон-

ным интересам этих держав. Если эти державы поймут истинные намерения Японии и усвоят политику, соответствующую новым условиям, то Япония, не колеблясь, будет с ними сотрудничать». Очевидно, понятие и размеры «сотрудничества» зависели от того, как истолковать это «если» и насколько будут признаны европейцами «новые условия».

Таково было положение, сложившееся в третьем периоде войны Японии с Китаем и наложившее свой отпечаток на описываемый теперь период европейской международной политики. Как там, в Европу, так и здесь, в Азии, «новые условия» международного — не «сотрудничества», а «соперничества», застали мирные демократические нации врасплох. Началась и на дальневосточном пункте борьба между совершившимися фактами и — словесной дуэлью. Азиатская «проба силы» носила при этом иной характер, нежели европейская. Японцы выбрали для обострения конфликта — специально с англичанами — самую оскорбительную морально форму нападения на отдельных английских граждан. В сфере влияния квантунской армии была устроена блокада британской концессии в Тяньцзинь; вход и выход из нея английских подданных был обставлен самой унижительной процедурой обысков, разбиваний, издевательств, побоев и т. д. Правительство в Токио солидаризировалось с этой тактикой армии и поставило условием примирения принятие вышеназванных требований принца Коноэ. Чемберлен, не желая осложнять европейские дела дальневосточным конфликтом и понимая слабость британских сил на Дальнем Востоке, повел чрезвычайно мягкую и примирительную политику. Правда, в рѣчь 17 июля он заявил, что «Англия не может мѣнять своей внешней политики по требованию другой державы»; по фактически занял очень уклончивую позицию в начатых по его предложению беседах британского посла Крѣги с министром иностранных дел Аритой. Англия настаивала на отдельном обсуждении Тяньцзиньского «инцидента»; японцы, по требованию армии, ставили предварительным условием переговоров о Тяньцзинь признании «нового порядка» и отказ от поддержки Чан - Кай - Шека. При таком положении переговоры в Токио были явно осуждены на провал. Японцы тем временем занимали один за другим порты между островом Формозой и Гонконгом. В результате, заключено было соглашение 21 июля, по которому Англия признала *фактическое положение*, создавшееся в Китае, и обязалась не вредить японской армии. Крѣ-

ги тщетно пробовал вставить пояснительныя слова: «положеніе, созданное военными операціями». Чемберлену пришлось доказы-вать в палатѣ, что соглашеніе не означает перемѣны политики относительно Китая. Неудачны были и комментаріи Галифакса в палатѣ лордов. Китайская печать прямо называла соглашеніе «дальневосточным Мюнхеном». Чемберлен утверждал, что за то теперь открыт путь к ликвидаціи Тяньцзинскаго инцидента. Но... блокада концессіи продолжалась и даже была усилена. Очень ярко прозвучало, при этих условіях, рѣшеніе Соед. Штатов (27 іюля) денонсировать торговый договор с Японіей. Токійская конференція окончательно зашла в тупик, когда японцы потребовали от аягличан запретить обращеніе китайскаго доллара в концессіи и выдать китайское серебро из англійских банков в Тяньцзинѣ. Эти требо-ванія подчеркнули, как широко понимают японцы обязательство не вредить их дѣйствіям. Идя дальше по пути уступок, Англія согласилась выдать японцам четырех китайцев, заподозрѣнных в убійствѣ таможеннаго инспектора в Тяньцзинѣ (это, собственно, и вызвало мѣры против англійской концессіи). На новыя энергическія возраженія палаты Чемберлен отвѣтил на этот раз (4 авгу-ста) откровенными признаніями. «Наше положеніе трудно... При нѣкоторых условіях Англіи придется вести войну (в Европѣ). Я не хочу принимать на себя такія-же обязательства на Дальнем Во-стокѣ. Мы имѣем дѣло со страной, силы которой трудно опредѣ-лить... Благоразуміе предписывает нам извѣстные предѣлы... У нас нѣтъ на Дальнем Востокѣ морских сил, превосходящих флот Японіи... Возможно, что при нѣкоторых обстоятельствах нам при-дется послать эскадру на Дальній Восток»...

К этим заявленіям трудно что-нибудь прибавить. Чемберлен характеризовал их, не как «угрозу», а как «предостереженіе». Но тоталитарный блок в Европѣ только того и добивался, чтобы это предостереженіе стало дѣйствительностью. Гитлеру важно было отвлечь морскія силы англо - французскаго блока на Дальній Во-сток. На 860 тысяч тонн японскаго флота британскій флот на-считывал в лѣтніе мѣсяцы только около 120 тысяч тонн, т. е. был в 7 раз слабѣе по водоизмѣщенію, а французскій составлял толь-ко 40 тысяч тонн. Тихоокеанскій флот Соед. Штатов, со своим милліоном тонн, был очень далеко — на разстояніи 16.000 кило-метров от Гонгконга, а намѣренія Америки в цѣлом (не Рузвель-та) были неизвѣстны.

Не только иностранные концессии в Шанхае, но и французский Индокитай и английский Гонгконг и Сингапур с этими слабыми силами защищать было трудно. А Германия настаивала на превращении антикоммунистического пакта «оси» в военный союз — и находила сильную поддержку в шовинистическом настроении квантунской армии. Эта армия, по признанию самих японцев, была лучшей и сильнейшей. Ее держали, в количестве около 400.000 человек, намеренно в Манчжуо, чтобы употребить, когда придет время, против советской России. С китайцами японцы, по их выражению, вели войну «левой рукой». Они выставили против 1.200.000 войск Чанг - Кай - Шека второстепенные войска своей южной армии (250.000).

Интересы Японии, конечно, были прямо противоположны намерениям Германии. Японскому правительству было важно отвлечь силы демократического блока в европейские воды. И на настойчивые предложения Германии и Италии о заключении военного союза против коммунистического японского правительства еще в июне выставило контр - предложение: оно готово заключить военный союз, *но — только против СССР*. Оттягивая решительный конфликт с Англией, японцы даже были готовы, в ответ на уступки Чемберлена, пойти на некоторое смягчение требований военных кругов. Хиронума, премьер правительства, защищал эту примирительную точку зрения. Но военный министр Итагаки поневоле настаивал на требованиях армии. Японский посол в Риме, Ширатори, также поддерживал настояния Германии. Шли слухи, что защитники «ограниченного» союза с «осью», министр ин. дел Арита и морской Ионаи, должны будут подать в отставку. Однако, до второй половины августа сторонники ограниченного союза с «осью» (*только против СССР*) удерживали свою позицию. Представители армии, в виде протеста, уехали из Токио, где англо - японская конференция о Тяньцзинь бесплодно влачила свое существование. Они заявляли, что вернутся лишь тогда, когда Англия согласится на радикальную перемену политики.

Тем решительнее была предоставлена квантунской армии свобода военных действий на севере против СССР. Война без объявления войны была здесь в полном разгаре. Поводом к конфликту давно уже служили мины, принятые советским правительством для ограничения прежних уступок на Охотских берегах и в северном Сахалине, которые пришлось в тяжелые годы сделать японцам.

Вопросы о сокращеніи размѣра японских ловель в рыбных мѣстах, о введеніи в тѣсныя рамки угольных и нефтяных концессій на Сахалинѣ были улажены лишь временными и срочными соглашениями. По существу СССР дѣйствовал тут наступательно. Не менѣе энергично совѣтская власть реагировала против японских попыток территориальнаго захвата, свидѣтельствовавших о существованіи опредѣленнаго плана японской агрессіи. Попытка расширенія японских позицій у залива Посьета — в направленіи к Владивостоку — была, как извѣстно, отброшена, и в Москвѣ шумно праздновали годовщину совѣтских побѣд у озера Хасан.

Но теперь усилія квантунской арміи направились в обратную сторону — к внѣшней Монголіи. Выбор направленія был сдѣлан не случайно. В сѣверо - восточном углу внѣшней Монголіи, за озером Буир и рѣкой Халка, впадающей в него с юго-востока, имѣется выступ территоріи, по которому проходит спорная граница. Японцы лицемѣрно удивляются, зачѣм этот пустырь нужен русским. Но владѣніе «пустырем» в руках русских дает плацдарм для продвиженію в Манчжурію, а в руках японцев — служит опорной точкой для захвата озера и рѣки, откуда уже идет самый легкій путь на запад, по долиנѣ р. Керулена, впадающей в о. Буир, к Улан - Батору (Ургѣ), столицѣ внѣшней Монголіи, а на сѣвер, по долинѣ между двумя горными хребтами — к верховьям рѣки Шилки и к Читѣ, т. е. к оккупациі Забайкалья. Уже в іюнѣ здѣсь начались воздушные налеты японцев, за которыми послѣдовали попытки наступленія частей квантунской арміи. Монгольскіе пограничники отбили первые приступы японцев, а за ними стояли совѣтско - монгольскія войска, которыя перешли с своей стороны в наступленіе за р. Халку. Бои на этих границах продолжались в теченіе всего обозрѣваемаго періода, причем с монгольской стороны подошли сильныя подкрѣпленія и введены в дѣйствіе моторизованныя части. В виду противорѣчивых реляцій обоих военных штабов трудно слѣдить за дѣйствительными успѣхами сторон, но фактической успѣх русско - монголов засвидѣтельствован заявленіем квантунскаго командованія (13 іюля), что дальше р. Халки японцы идти не предполагают. Надо прибавить, что именно в это время (16 іюля) японскій посол в Москвѣ передал ультимативное требованіе об улаженіи дѣла о нефтяных концессіях на сѣверном Сахалинѣ, и совѣтское министерство ин. дѣл вернуло «ультиматум», не обсуждая (18 іюля). Получив свѣдѣнія о положеніи в

Монголії, японское правительство предпочло не обострять спора: сахалинская нефть была для него важнѣе успѣхов в Монголіи. В концѣ первой недѣли августа японскіе концессіонеры подписали новый договор сроком до конца года. А воздушные бои на р. Халкѣ продолжались до конца отчетнаго періода.

Внезапное опубликованіе совѣтско - германскаго соглашенія произвело на азіатском материкѣ потрясающее впечатлѣніе. Конечно, борьба против идеологіи коминтерна была только дымовой завѣсой, за которой стояли отнюдь не идейные интересы. И именно поэтому она не могла привести к тѣсному военному союзу с европейскими членами «оси», у которых имѣлись свои интересы, свои цѣли, своя тактика. Но мы видѣли, что армія отнеслась к антикоммунистической борьбѣ очень серьезно — и в этом направленіи давила на Токио. Выдав секрет этой дипломатической завѣсы, Гитлер сразу освободил токійское правительство от обязанности проводить армейскую политику. В ближайшіе же дни по опубликованіи пакта, японское правительство заявило, что вся политика Японіи должна быть пересмотрѣна, и круто повернуло тактику борьбы против англичан. Окруженіе Гонгконга было совершенно готово с военной стороны; японцы воздержались от осады. Отношенія к англичанам в Тяньцзинской концессіи сразу были смягчены. Наконец, правительство Хиранумы почувствовало себя настолько свободным от вліянія арміи, что в полном составѣ подало в отставку с цѣлью замѣны себя другим, болѣе умѣренным и менѣе зависимым правительством.

Важнѣйшія событія

І Ю Л Ь

1. Американская палата приняла закон, запрещающій поставку вооруженія иностранным державам.

— Англійская рабочая партія обратилась к «германскому народу» с воззваніем, в котором разоблачает воинствующую политику Гитлера.

2. Боннэ предупредил германскаго посла в Парижѣ, что Франція не допустит никакой перемѣны данцигскаго статус-кво.

3. Возобновились оскорбленія англійских граждан в Тяньцзинѣ.

4. Прибывшій в Париж Хор Белиша обмѣнялся с Боннэ рѣчами, в которых подтверждается полная солидарность Англии и Франціи во во всѣх вопросах международной политики.

— В Берлин прибыл болгарскій премьер Кюсейванов.

— Австрійскій кардинал Инницер, в первый день аншлусса при-

знавший власть Германіи, жестоко избит націонал - социалистами.

5. Москва прислала отвѣтъ на очередныя предложенія Англии. Отвѣтъ произвел в Лондонѣ неблагоприятное впечатлѣніе.

6. На манчжуро - монгольской границѣ, в районѣ озера Буира, снова произошли бои.

— В Данциг прибывают орудія и «добровольцы» из Германіи. Польща извѣстила Париж и Лондон, что намѣрена сдѣлать по этому поводу энергичное представленіе данцигскому сейму.

7. Англія открыла Польшѣ. Румыніи и Турціи кредит в размѣрѣ 60 милліонов ф. ст. Германская печать негодует.

8. Чиано выѣхал в Испанію.

— Молотов, Сидс и Стрэнг бесѣдовали в теченіе двух часов.

— В СССР торжественно отпраздновано 230-лѣтіе полтавской битвы.

9. Новая бесѣда между Стрэнгом, Сидсом и Молотовым длилась три часа.

— На монголо - манчжурской границѣ, на рѣкѣ Халкѣ, идут ожесточенные бои.

10. Чемберлен сдѣлал в палатѣ специальное «заявленіе о Данцигѣ»: Англія выполнит всѣ свои обязательства по отношенію к Польшѣ.

— В Мадридѣ приговорен к 30 годам тюрьмы бывший предсѣдатель кортесов Бестейро, сдавший столицу націоналистам во избѣжаніе напраснаго кровопролитія.

11. Сенатская комиссія отложила обсужденіе закона о нейтралитетѣ, что является новой неудачей для Рузвельта.

— Между Италіей и Германіей заключено соглашеніе об удаленіи из Тироля всѣх германских элементов: тирольскіе нѣмцы будут от-

правлены частью в Германію, частью в Ливію.

12. Гранди уволен с поста итальянскаго посла в Лондонѣ и назначен министром юстиціи.

— Англійская воздушная эскадра совершила учебный полет над Франціей.

— Итальянскія власти выселяют иностранцев из Тироля. Швейцарія заявила протест.

13. Франко заявил, что в случаѣ войны, Испанія останется нейтральной.

— Из Рима выслан послѣдній французскій корреспондент.

14. Традиціонный парад 14 іюля прошел в Парижѣ с небывалым подъемом. Населеніе привѣтствовало англійскія войска, принимавшія участіе в парадѣ.

— Призваны офицеры запаса британскаго флота.

— Начались англо - японскіе переговоры об инцидентах на Дальнем Востокѣ.

15. Рузвельтъ обратился к конгрессу с посланіем, в котором настаивает на необходимости пересмотрѣть закон о нейтралитетѣ.

— Вся Германія наводнена письмами англійскаго офицера, Кинг Холла, который обращается к представителям широких народных масс, а также к членам нац. - социалистической партіи с разъясненіем междунаціональнаго положенія. В письмах цитируются рѣчи Чемберлена и Галифакса, скрывааемыя от германскаго населенія.

16. В Польшу выѣхала британская военная миссія, во главѣ с генералом Айронсайдом.

17. Новая бесѣда с Молотовым еще не привела к окончательному результату.

— Замѣститель берлинскаго полпреда был торжественно встрѣчен

на мюнхенской выставкѣ расистскаго искусства. Из всего дипломатическаго корпуса присутствовал только итальянскій посол.

18. Японія заявила в Москвѣ протест по поводу конфликтов на Сахалинѣ.

— Совѣтское правительство вернуло ноту, не обсуждая ее.

19. Англія и Франція посылают в Москву новыя предложенія.

— Обсужденіе проекта об измѣненіи закона о нейтралитетѣ в Соед. Штатах отложено.

— Рузвельт, уступив конгрессу, рѣшил отложить до осени обсужденіе законопроекта о нейтралитетѣ.

20. Новый инцидент в Данцигѣ — убит поляк - пограничник.

— «Таймс» сообщает, что между Германіей и совѣтской Россіей ведутся переговоры о кредитах.

21. В Германіи призваны под знамена новыя контингенты в 600 тыс. человекъ.

22. Личный эмиссар Гитлера, Вольфат, прибывшій в Лондон официально для участія в китоловной конференціи, зондирует почву о возможности сговора между Англіей и Германіей.

23. Ген. Квейпо де Льяно, один из сподвижников Франко, выступил с рѣчью против нынѣшняго порядка в Испаніи. Он отстранен от всѣх должностей.

— Миссія Вольтата в Лондонѣ потерпѣла крах. Министр торговли Хадсон, вошедшій с ним в контакт, вынужден был заявить, что сдѣлал это «в частном порядкѣ». Чемберлен осудил его дѣйствія в палатѣ.

— В Испаніи — бунт генералов против политики Франко, ведущей к усилению иностраннаго вліянія.

24. Англія, ведущая переговоры с Японіей, обязалась не принимать никаких мѣр, враждебных послѣд-

ней, и признала создавшееся положеніе в Китаѣ.

25. В Испаніи обнаружен монархическій заговор военных. Франко рѣшил реорганизовать правительство.

26. Франція и Англія рѣшили отправить в Москву военныя миссіи.

27. Соед. Штаты денонсировали торговый договор с Японіей.

— Ирландскій террор в Англіи усиливается. Из страны высылаются всѣ подозрительные ирландцы.

28. В красной арміи произведена новая чистка.

30. В Данцигѣ заканчиваются военныя приготовления. Город укрѣплен.

31. Англо - японскіе переговоры несмотря на сдѣланныя Англіей уступки, зашли в тупик и фактически даже прерваны.

А В Г У С Т

1. Агентство ТАСС официально сообщает, что расхожденіе между СССР и западными державами заключается в отношеніи к бездѣйственным государствам. Россія не желает оставлять агрессору никакой лазейки для нападенія на эти государства, Англія же предлагает туманную формулу.

2. Берлинскій корреспондент «Ньюс Кроникль» сообщает, что Гитлер, с цѣлью срыва московских переговоров, предлагает СССР гарантію неприкосновенности границ с тѣм, чтобы Великобританія оставалась нейтральной в случаѣ войны.

— Англія и Франція в связи с Tokio протест по поводу студенческих демонстрацій, организуемых властями в Японіи и в свѣ. Китаѣ.

3. В Москвѣ состоялся совѣщаніе высшаго военнаго командованія генерал-полковника Думенком, и главными участниками

адмиралом Планкеттом. С совѣтской стороны для веденія переговоров назначен Ворошилов и др.

4. Англійская палата распущена до 3 октября, послѣ успокоительных завѣреній Чемберлена.

5. Возобновились японо - совѣтскіе бои на р. Халкѣ.

6. Маршал Рыдзь-Смиглый произнес в Краковѣ рѣчь: Польша отразит всякое посягательство на ея права, прямое или косвенное.

7. Стрэнг возвратился в Лондон. В Москву он больше не поѣдет. Переговоры между военными миссіями не пошли дальше перваго контакта.

8. Японскій кабинет, обсуждавшій вопрос о присоединеніи к «стальному пакту», не принял никакого рѣшенія, несмотря на давленіе арміи.

9. Предсѣдатель данцигскаго сейма Грейзер встрѣтился с польским комиссаром Хоцаким и вел с ним переговоры об улаженіи таможенных инцидентов.

10. В Зальцбургѣ состоялось свиданіе Чіано - Риббентроп.

11. Чіано и Риббентроп выѣхали в Берхтесгаден к Гитлеру.

— Англія согласилась выдать Японіи четырех китайцев, из-за которых возник тянцзинскій конфликт.

12. Чіано запросил дополнительных инструкцій у Муссолини. По свѣдѣніям англійской печати, между обоими партнерами «оси» возникли тренія.

13. Германія усиливает давленіе на Венгрію с цѣлью добиться ея содѣйствія в операціях против Польши.

14. Буркгардт, комиссар Лиги Націй в Данцигѣ, выѣзжал к Гитлеру.

— Американскій депутат Гамиль-

тон Фиш выступил с проектом 30-дневнаго перемирія для рѣшенія всѣх спорных вопросов.

17. Назначен командующій германскими вооруженными силами в Словакии. Японія начала блокаду Гонконга.

18. В Москвѣ состоялся авіаціонный праздник, на котором присутствовали члены англо - французской военной миссіи.

— Румынія прекратила доставку Германіи нефти, т. е. приостановила дѣйствіе торговаго договора. Мотив — Германія не платит наличными.

19. Венгерскій министр ин. дѣл Чаки посѣтил Гитлера и выѣхал в Рим.

20. Заключен германо - совѣтскій торговый договор.

— Чемберлен спѣшно вернулся в Лондон.

21. Риббентроп выѣхал в Москву, гдѣ начнутся переговоры о заключеніи германо - совѣтскаго пакта о не-нападеніи.

— Всѣ британскіе министры с'ѣзжаются в Лондон.

22. Германо - совѣтскій пакт подписан в присутствіи Сталина.

23. Начался призыв запасных во Франціи. Англія принимает чрезвычайныя военныя мѣры.

— Германская и совѣтская печать в один голос доказывает своевременность союза между двумя народами, «связанными общностью исторических судеб». «Правда» доказывает, что «идеологическія соображенія в данном случаѣ никакой роли играть не могут».

— Англійскій посол был принят Гитлером, заявившим, что «не потерпит нарушенія германских прав Польшей».

24. Палата общин вотировала чрезвычайныя полномочія Чембер-

яэну всѣми голосами против 4.

— Папа Пій XII обратился по радио с призывом к правителям и народам о сохранении мира.

— Рузвельт обратился к итальянскому королю с посланием, в котором умоляет принят мѣры к спасению мира.

— Форстер объявил себя «главой вольного города Данцига и его территории».

— Германо - советскій пакт вызвал негодование в Японіи, которая не была о нем предупреждена. Японская миссія не поѣдет на нюрнбергскій конгресс. Японскій посол заявил в Берлинѣ протест против пакта, «идущаго вразрѣз с антикоммунистическим пактом».

25. Рузвельт обратился к Гитлеру и Мосцицкому с предложением вступить в переговоры. Мосцицкій немедленно отвѣтил согласіем. Рузвельт препроводил его отвѣт Гитлеру с вторичным призывом.

— Гитлер принял послов англійскаго, французскаго и итальянскаго. Гендерсон вылетѣл в Лондон с посланием Гитлера.

— Англо - французская миссія покинула Москву.

— Подписан англо - польскій пакт взаимной поддержки.

26. Даладье предложил Гитлеру начать непосредственные переговоры с Польшей. Гитлер отказался.

— Британскій кабинет вырабатывает отвѣт Гитлеру.

— Гитлер и Муссолини непрерывно обмѣниваются посланіями.

27. Итальянская печать утверждает, что «нѣт вопроса, который не мог бы быть рѣшен мирным путем».

— В Германіи введены карточки на молоко, сахар и др. продукты.

— Отмѣнены танненбергскія торжества и нюрнбергскій сѣзд.

28. Гендерсон вылетѣл в Берлин с отвѣтом Англии. Ночью состоялась бесѣда между ним, Гитлером и Риббентропом.

— Во Франціи введена цензура. Границы с Германіей закрыты.

— Голландія объявила всеобщую мобилизацию.

— Между Римом и Берлином происходят непрерывные переговоры.

29. Германскія войска оккупировали Словакію. Польша заявила протест.

— Бельгійскій король и голландская королева предложили свое посредничество между Германіей и Польшей.

— Германія отвѣтила на англійскую ноту. Текст не опубликован.

30. Закончены военные приготовления в Германіи. Всѣ границы закрыты.

— Во Франціи реквизированы желѣзныя дороги. Из Парижа эвакуируются дѣти.

— Итальянскій король отвѣтил Рузвельту, что «Италія всегда стремилась к миру, основанному на справедливости».

— Англія отвѣтила на послѣднюю германскую ноту. Содержание переписки попрежнему неизвѣстно.

31. Германія опубликовала ночью сообщеніе, в котором заявляет, что на будто бы сдѣланное ею предложеніе, от Польши не послѣдовало отвѣта, и потому, ей остается только прибѣгнуть к силѣ. Предложенія сводились к уступкѣ Данцига, плембисциту в коридорѣ через год, с немедленной эвакуацией его поляками.

— Ратифицирован, в Москвѣ и в Берлинѣ, герmano - советскій пакт.

— Командованіе итальянской арміей раздѣлено между принцем Пьемонтским и маршалом Грациани.

БИБЛИОГРАФІЯ

Софія Прегель. Полдень. Париж 1939. — **Марія Вега.** Мажор в минорѣ. Париж, 1939. — **Илья Никонов.** Путешествіе на Джербу. Париж, 1939.

В серіи «Русских поэтов» вышла новая, восьмая книжка стихотворений. «Полдень» С. Прегель очень близок первым ея книгам «Разговору с Памятью» и «Солнечному производству»: стихи крѣпко слажены, полнокровны и насыщены особым, я бы сказал, физическим оптимизмом. О чем бы Прегель ни писала — о войнѣ, о русской революціи, о голодѣ, какія бы страшныя картины ей ни вспоминались, все же чувствуется, что главное для нея — полное ощущение данной, реальной жизни.

Всѣ входящіе были желанны,
И привѣтствовал их не раз
Гомон птиц, и свѣтлый, и рьяный.
Открывались лѣсныя поляны
Остротѣ искушенных глаз.
И торжественнѣе и гуще,
Но звучал еще солнечный строй
Над стрекочущей, над поющей
Обагреной лучами землей.

Порою безудержность и напористость прегелевских стихов даже утомляет читателя — в стихах нѣтъ полу-тонов, как будто все написано только что выдавленными из тюбиков, не смѣшанными друг с другом красками. И глаз и ухо утомляются, прежде, чѣм успѣваешь дочитать стихотвореніе до конца и вмѣсто отчетливаго музыкальнаго рисунка получается непрерывное пересѣченіе рѣзких, иногда взаимно исключаящих друг друга звуковых линий. Вѣроятно этой же напористостью объясняется и плодovitость Софіи Прегель — через год по книжкѣ стихов. В цитируемой книгѣ нѣтъ ни срывов, ни ошибок, но хотѣлось бы большей внимательности и большей заботливости о каждом отдѣльном стихотвореніи. Несмотря на рѣзкость, Софія Прегель в «Полднѣ» дала цѣлый ряд удачных стихотворений, особенно цѣнных в то время, когда, казалось бы, поэты совсѣм разучились крѣпко чувствовать и крѣпко жить.

Совершенно неожиданным сюрпризом оказывается книжка Марин Вегги (какой неудачный псевдоним!), с безкусным названіем «Мажор в минорѣ». И псевдоним, и названіе настраивают читателя на легкомысленный лад — еще одна книжка дамских стихотворений. И вдруг —
— О пусть меня зарѣжет темный вор
В каком-нибудь московском переулкѣ,

Когда из запотѣвшаго трактира
 Взывает к звѣздам пьяная шарманка,
 Пусть я умру убитой или просто
 Свалюсь в овраг у дымнаго села,
 Насупившаго крыши до сугробов,
 Но русской смерти я прошу у Бога!
 Но только права лечь в родную землю
 В глубокой бархат, сочный и живой.

Конечно, стихи М. Веги неравноцѣнны, среди удачных стихотвореній попадаются и очень слабыя, иногда даже несамостоятельныя — ея «Мексика» (стихотвореніе совсѣм не плохое), черезчур уж близка Гумилеву, но ради настоящей музыки, ради необыкновенно сильной воли к творчеству, ради настоящаго поэтическаго темперамента, можно простить всѣ недочеты и срывы. Надѣюсь, что то радостное смущеніе, которое я испытал, открыв ея книгу, не обманет, и что М. Вега, поэта, вѣроятно еще очень молодая, с годами научится с большей строгостью относиться к своим стихам и — к названіям своих книг.

У Ильи Никонова, несмотря на мужественное, гумилевское названіе книги — «Путешествіе на Джербу», стихи, увы, весьма дурного вкуса..

И эпитеты, подобранные Никоновым, соответствуютъ его вкусу: «миражный час», «золотая заря», «изящная гамма», «дѣвственное тѣло», «безцѣнный дар», «упойтельный чад» и т. д. Попутно выясняется, что «он» и пьяница, и Дон Жуан, а «она» разом душиется из трех флаконов — и фіалками, и вѣрвеной, и миозотисом.

Нѣтъ, уж лучше плохое названіе книги и хорошіе стихи, нежели удачно назвать книгу и заполнить ее эротическою безвкусицей.

Сергій Осокин

Александр Гефтер. «Игорь и Марина». Роман. Изданіе «Петрополис». — Брюссель. 1939.

То, чѣм прельстился и увлекся в этой книгѣ ея автор, ему явно не удалось: написать роман с конца, с эпилога, и, начиная с тринадцатой главы, идти к первой, — дѣло сложное и требующее от писателя большаго опыта и умѣнія.

Автор «Игоря и Марины» ограничился тѣм, что главы романа почти механически помѣстил в обратном порядкѣ. Что же из этого получилось? Усиліе, которое затрачивает читатель на непрерывныя аппеляціи к. по существу, наипростѣйшему сюжету (роман из эмигрантской жизни), — ничѣм не оправдывается и никак не вознаграждается. Больше того, — единственным, чѣм бывает богат писатель, когда ничѣм другим похвастаться не может, — **интригой** (в этом неизсякаемый интерес к авантюрному роману), — А. Гефтер пожертвовал ради новизны композиціи. Отсюда увлеченіе, которое возникает у читателя при чтеніи эпилога и сохраняется еще при тринадцатой главѣ, — постепенно исчезает и замѣщается в концѣ книги (или к «началу романа») усталостью и равнодушіем. Это тѣм болѣе достойно сожалѣнія,

что как раз здѣсь единственно удавшіяся страницы книги, которыя вряд ли дождутся вниманія читателя. Я имѣю в виду эпопею гибели миноносца «Дивнаго» в дни крымской эвакуаціи и провал проекта подводнаго казино.

Композиція романа болѣе чѣм неудачна. Но не будем особенно упрекать Гефтера за это: мы имѣем здѣсь дѣло с опытом, который, как всякій опыт, заслуживает вниманія. Главная бѣда Гефтера — это небрежность к языку и стилю: повтореніе одних и тѣх же эпитетов, относящихся к разным предметам, на разстояніи одной - двух строк; употребленіе таких выраженій (в устах автора), как «было тихо и лирично», «факт, а не реклама», «круглая шея Діаны - Охотницы» и т. п. Но вверх совершенства — это описаніе «идилліи», которая разворачивается «на мягком и упругом покровѣ хвои»; Игорь лепечет «библейски - насыщенные слова, как „Соломон в Пѣснѣ Пѣсней“, Марина в том же «тонусѣ чувства»; чтобы прозрачнѣе намекнуть на создавшееся положеніе, автор выпускает «фазанью курочку», а за ней «великолѣпнаго золотого пѣтуха с торчащим пером хвоста».

Б. С.

С. К. Максимов. «Чудо Рюмина», Роман. — Париж, 1939.

«Чудо Рюмина» нѣсколько странная, явно неудавшаяся книга. — и все же о ней стоит поговорить.

На ряду с тѣм, что французы называют *grand art*, существует, назовем его, искусство малое: множество картин, повѣстей, арій — для арміи неискушенных, но жажущих возвышеннаго: в нѣкотором родѣ интеллектуальной «ширпотреб». Это «малое искусство» имѣет полное право на существованіе: исполняет важную культурную функцію, пропагандируя геніальные образы, идеи больших художников и творцов.

К сожалѣнію, в Россіи такіе скромные культуртрегеры, честныя, но недостаточно талантливые художники, всегда были в загонѣ. Их даже презирали; от писателя требовалось нѣчто под стать непременно Толстому или Достоевскому, что и привело к постепенному исчезновенію этого типа скромных и средних писателей, коими так богаты великія западно - европейскія литературы. Позволителен даже вопрос. чѣм опредѣляется великая литература: двумя - тремя замѣчательными писателями или наличностью большого числа менѣе значительных, но художественно - культурных дарованій, популяризирующих чужіе видѣнія, пророчества, образы?

Роман Рюмина имѣл бы нѣкоторые шансы войти в эту послѣднюю категорію — книг безвредных, занимательных и в мѣру культурных, если бы автору, по нестремимому русскому литературному обыкновению, не захотѣлось вдруг попытаться создать нѣчто равное твореніям Достоевскаго. Несмотря на всю вздорность основной линіи повѣствованія, роман С. Максимова заслуживает нѣкотораго вниманія; автор не лишен дарованія—нѣкоторыя главы весьма занимательны, — знает бытъ людей, которых описывает. и описывает их на хорошем русском языкѣ.

В. С. Я.

Д. С. Мережковский. Данте, 2 тома. 1: Жизнь Данте. — II: Что сдѣлал Данте. — Брюссель, 1939.

Мало есть книг, в которых автор собственноручно воздвиг бы столько психологических и критических препятствій к возможности объективной оцѣнки его труда, как «Данте» Д. Мережковского. На этот раз, в отличие от «Жанны д-Арк», виноват даже не апологетическій и политически - злободневный тон книги. Можно доходить в апологетикѣ и в стремленіи подвести всѣ духовные и душевные процессы человечества под предвзятую религиозную цѣль до таких предѣлов, каких достигал великій проповѣдник и догматик Боссюэт, утверждавшій, что великая англійская революція была сдѣлана Богом, чтобы испытать дух и силу католическаго рвенія французской принцессы Генриетты, супруги англійскаго короля Карла II... Но эта грандіозная по наивности концепція Боссюэта была овѣяна таким торжественным и волнующим пафосом, что она, при всей своей несуразности, невольно поражала, даже восхищала своей монументальностью. У Мережковского пафоса нѣтъ, а есть богатая, изощренная словесная канва, — увы, в изобиліи прошитая бѣлыми нитками...

Болѣе чѣм рискованно утверждать религиозную цѣльность Данте автору, который написал когда то «Толстого и Достоевскаго». Невольно все время вспоминается неистовая фигура Шатова, — как Мережковский изумительно «раскрыл» его в своей книгѣ! — безпрестанно вопіющаго о Богѣ, но не имѣющаго другаго отвѣта на прямой и безцеремонный вопрос Ставрогина: «а сами то вы в Бога вѣрите»? — «я... я буду вѣрить...» Мережковский дает все время готовые религиозныя формулы, безпрестанно вскрывает мистическую, магическую, даже астрологическую суть событій и душевнаго матеріала. Но сам тут же раздробляет свои положенія острой діалектической бороздой. На каждом шагу вы можете встрѣтить фразы вроде того, что, если это не Христос, то это — величайшая ересь, если это не то, что я думаю, то это — бездна и т. д. Этой рѣзкой дилемой «если нѣтъ, — то» автор насилует читателя, толкает его к какому-то навязчивому догматизму и одновременно волнует сообразом: «если нѣтъ, — то...»

В первом томѣ Д. Мережковский дает сильную, мѣстами художественно - яркую исторію жизни Данте, трагической сказки его любви к Свѣтлой Беатриче, рисует его идейно - политическій образ и дает яркое изображеніе его скитаній и скорбнаго одиночества. Второй том: «Что сдѣлал Данте» — вызывает размышленія и сомнѣнія, изложенныя выше. Зажечь необъятный океан художественных и идейных эмоцій Данте, всю сложность его противорѣчивой и через край переливающейся натуры одной религиозной, даже церковной свѣчей, — свѣчей, которая больше поражает своим **языческим** воском, нежели проблематическим пламенем от св. апостола Павла, — это уже слишком большой и вызывающій законное сопротивленіе діалектической размах.

Данте — это раньше всего центральная проблема индивидуальной и коллективной культуры на грани вѣков. Это нѣчто, способное стать достояніем апологій, только послѣ объективной критики. Интегрировать

Данте религиозно - мистически нельзя, не подвергнув его раньше культурно - философской «дифференциации». Оставив эту задачу в стороне, Мережковский вообще отказался от рѣшения задачи. Вот почему он никогда не был так мало убѣдителен, как на сей раз. Он никогда так часто не противорѣчил самому себѣ. Самый тяжелый и досадный примѣр: Гете, котораго автор в самом началѣ противопоставляет Данте, а в дальнѣйшем безпрестанно сопоставляет с ним. Доказывать же справедливость своих мистических проникновеній в Данте обильными цитатами из Библии без соответствующих, мало-мальски убѣдительных ссылок на самого Данте, — это уже не художественная критика и не мистическая биографія, а тенденціозная апологія, которая, надо полагать, даже не для всѣх вѣрующих, обязательна.

Я. Л.

Georges Duhamel. Mémorial de la guerre blanche. — Mercure de France. 1939.

«Мы знаем теперь: существуют двѣ разновидности войны: красная и бѣлая. Чтобы вести бѣлую, не нужно давать сраженій: достаточно только пріоткрыть свою игру, доказать или заставить повѣрить, что располагаешь достаточным числом самолетов, пушек, танков и укрѣпленій. Чехословакія — первая из побѣжденных в этой бѣлой войнѣ. С нею было поступлено совершенно так же, как если бы она была побѣждена в красной, то-есть, кровавой «войнѣ». Бѣлая война заставляет народы жить в состояніи вѣчнаго смертнаго томленія и страха. Если бы Гитлер не говорил «так громко и так часто», он, может быть, услышал бы ропот человѣческих множеств. «начинающих повсюду глухо выражать свою горечь, свой ужас и свое осужденіе».

Дюамель не политическій писатель. По всему своему лирическому и мягкому, милосердному душевному складу он человѣкъ, не созданный для «джунглей» политической борьбы. До войны, как многіе французскіе дѣятели искусства, он вообще был далек от общественной жизни. Но событія послѣдних лѣтъ, когда натиск тоталитарных государств поставил вопрос о самом существованіи гуманистической культуры и гражданственности, заставили его, как Томаса Мана и столяких других писателей и философов, заговорить демосфеновским языком. «Я всегда думал, что писатель должен сохранять свою независимость и работать в стороне от партійных группировок. Я продолжаю так думать. Но в исключительно грозных обстоятельствах, в которых находится наша родина, я убѣжден, что люди, посвятившіе себя интеллектуальному труду, должны почувствовать свой долг дѣйствовать. Они должны служить».

Дюамель, всѣ послѣвоенные годы придерживавшійся пацифизма, выступает с рѣшительным осужденіем Мюнхена. «Я всегда расположен слушать слова мира. В качествѣ доктора, я продѣлал всю войну. Я видѣл ея неискушимый ужас и дал себѣ клятву посвятить свою жизнь миру. Но, как всѣ, я слушал рѣчи Гитлера и я говорю: это не голос мира, это голос насилія, голос духа зла... Если Германія одержит еще одну побѣду, подобную мюнхенской, для нея станет возможным добиться у

своих противников так же, как у своих союзников, окончательного удушения всѣх моральных сил, являющихся в этот час, как всегда, благородством и надеждою міра. Тогда народы привыкнут к рабству. Они потеряют самое чувство и вкус свободы. Религія силы будет преподаваться повсюду, как сегодня в храмах и школах преподается религія справедливости и права».

В укрѣпленіи воли к сопротивленію должны принять участіе всѣ. Необходимо не только усилить военную мощь, но и организовать защиту «моральных позицій», так как, стремясь добиться капитуляціи матеріальных сил противника превосходством своего вооруженія, гитлеровскій рейх в то-же время пытается сломить и его духовныя силы. Чудовищно развитому аппарату пропаганды стран диктатуры Франція, Англія, Америка должны противопоставить пропаганду своих идей, своего духа. В организациі этой пропаганды для спасенія цивилизаціи, «дѣтьми, строителями и солдатами» которой они являются, без колесбани должны принять участіе и люди интеллектуального труда, люди науки и искусства. «Бывает время, когда поэт должен возвысить свой голос и философ выйти из своего уединенія».

Книга Дюамеля—сборник статей о политических событіях. В ней нѣтъ ни поэтического вымысла, ни приключеній воображаемых героев, ни всего того, что считается обязательным для художественной литературы. Но мы находим в ней тот же «климат» человѣчности, памяти о братствѣ, что и в романах Дюамеля, то «единство нравственного отношенія автора к предмету», которое Толстой считал «цементом» всео искусства.

В. Д.—

Е. Тарле. Нашествіе Наполеона на Россію. 1812 год. — ОГИЗ. Академія Наук СССР. Институт Исторіи. — 1938.

Это очень увлекательная книга, поучительная во многих отношеніях — и не только для юношества. «Научность содержанія сочетается с доступностью изложенія», — справедливо замѣчает анонимный автор, редактировавший или выпускавший книгу. Справедливо и его замѣчаніе, что книга Е. В. Тарле «дает яркое и убѣдительное описаніе героической борьбы русскаго народа с вражеской интервенціей, сдѣланное на основѣ широкаго привлеченія мемуарнаго и документальнаго матеріала, с использованием также архивных фондов».

Героическая эпопея читается с захватывающим интересом, и вниманіе не задерживается на неизбѣжных для всякой работы, выходящей в СССР, приатках и недостатках: на почтительнѣйших ссылках на Маркса - Энгельса - Ленина или тривиальных выпадах против «так называемой «школы» М. Н. Покровскаго». И от научно - исторической работы «заказ» требует непремѣнно отклика и «созвучности» с международной обстановкой и внѣшне - политической установкой совѣтской власти. Отсюда и подчеркнутая в книгѣ связанность судеб русскаго сопротивленія иноземному нашествію с столь же героическим

сопротивлением Наполеону испанцев. Отсюда и трафаретно - противорѣчивое сужденіе: всему виной Англія, с ея континентальной блокадой и корыстью, — злой геній Отечественной войны. англійскій комиссар при русской арміи, генерал сэр Роберт Вильсон, «тайно слѣдившій за Кутузовым и доносившій на него царю», который «не терпѣл фельдмаршала и по существу был вполне солидарен с этим англійским согладатаем»; а, с другой стороны. — «из всѣх войн Наполеона война 1812 г. является наиболѣе откровенно империалистической войной, наиболѣе непосредственно продиктованной интересами крупной французской буржуазіи».. Отсюда же и противопоставленіе: Россія и — Европа, направляемая Англіей, — что, в свѣтѣ новѣйшей политики СССР, приобрѣтает особую выразительность. «Спасать» ли Европу или... предоставитъ державам европейскаго континента бороться самим за свое освобожденіе от тирании завоевателя, а Великобритани — бороться самой за свое торгово - промышленное верховенство над земным шаром», — так, в изображеніи Тарле, стал вопрос 14 декабря 1812 г., когда маршал Ней, со свитой из нѣскольких офицеров перешел послѣдним через нѣмецкій мост на прусскій берег. На этот вопрос Александр I отвѣчал: «Да, спасти Европу и помогать Англіи», тогда как Кутузов отвѣтил: — «Нѣтъ». Автор — или его редакторы - издатели — с Кутузовым.

Замѣните Наполеона, Александра. Кутузова, другими, современными нам именами, и чтеніе книги окажется актуальнѣйшим — исполненным злободневной политики.

Вся книга пронизана ультра - патриотическим и почти безудержным народническим духом. «Вся, — подчеркивает Тарле, — война против вторгшагося Наполеона была сплошной народной войной. Наполеон подсчитал в своей стратегіи количество своих войск и войск Александра I, а сражаться ему пришлось с русским народом, о котором Наполеон позабыл. Его-то рука и нанесла величайшему полководцу всемірной исторіи непоправимый, смертельный удар». «Алплуйщина» Отечественной войнѣ заставила включить в героическій народ не только «эксплуатируемый класс». но и дворян, купечество, духовенство. Мѣстами изображеніе приближается к примитивной идеализаціи народников 70-х годов, Юзова и др., и возстает в памяти характеристика русскаго народа - «богоносца» Достоевским эпохи «Дневника Писателя». Неудивительно, что «Нашествіе Наполеона на Россію» из номера в номер перепечатывается в парижской легитимно - младоросской «Бодрости», почитающей себя в прямом родствѣ с славянофилами!..

При постоянном возмущеніи крестьянства помѣщичьим душевладѣніем, — «без чего не обходился буквально ни один год за все время существованія крѣпостного права». — Тарле подчеркивает «относительную рѣдкость» этого явленія для години наполеоновскаго нашествія»: «эти волненія крестьян в 1812 г. были буквально каплей в морѣ сравнительно с гигантским под'емом чувства гнѣва к иноземному хищнику, разорителю и оскорбителю Россіи»..

«Послѣ 1812 г. Россія стала какая-то «новая», вродѣ Москвы, которая дѣлит свою исторію «до француза» и «послѣ француза». С 12-м годом связан и «первый революціонный порыв новѣйшей русской исторіи» — возстаніе декабристов 14 декабря 1825 г., — «и не только потому, что нѣкоторые декабристы в 12-м году подняли оружіе за Россію против Наполеона, как в 1825 г. они подняли оружіе за Россію против Николая». Автор позволяет себѣ при этом сдѣлать дополненіе к «ленинской» точной формулѣ: «декабристы пробудили Герцена». Эта «дополнительная формулировка», конечно, — «не имѣет той точности, какую имѣет формула Ленина», но заключается в том, что «двѣнадцатый год в своих ближайших послѣдствіях пробудил декабристов».

Это вѣрно: — «двѣнадцатый год понимался молодыми поколѣніями 1812 - 1825 г. г. и позднѣйшими, как борьба за свободу, как избавленіе от того добавочнаго иноземнаго угнетенія, от тѣх новых цѣпей, которыя нес с собой в Россію Наполеон». Неслучайно и Лев Толстой, задумав писать «Декабристов», оказался вынужден предварительно сосчитаться, или написать «1805-й год», как первоначально была озглавлена первая часть «Войны и мира». Но и главное дѣйствующее лицо и герой Отечественной войны — русское крестьянство — имѣло всѣ основанія рассчитывать, что освобожденіе от иноземнаго завоевателя принесет ему в той или иной формѣ свободу и от крѣпостной неволи.

Нашествіе Наполеона разбилось не только о «скифскую» стратегію Барклая и Кутузова, не только о русскія пространства и морозы и героическую стойкость народа; оно потерпѣло крушеніе и из-за грубѣйшей политической оплошности, допущенной Наполеоном. В Россію наслѣдник — и «укротитель» — революціи почему-то не понес идеи свободы, как он имѣл обыкновение это дѣлать при завоеваніи южной и средней Европы, гдѣ в итогѣ нашествія иноземцев рушилась феодальная система и слабѣли цѣпи крѣпостничества. Растопчин зло и зря клеветал, когда еще 17 декабря 1806 г. доносил царю, что «соловье слуг уже ждет Бонапарта, дабы быть вольными». И в 12-м году русское крестьянство не оказалось перед соблазнительным искусом: ради удовлетворенія своего законнѣйшаго социальнаго требованія поступиться или предать не менѣе законные интересы отечества...

М. В.

Итоги выполненія второго пятилѣтняго плана развитія народнаго хозяйства Союза ССР. — Госпланиздат. М. 1939 г., 157 стр., ц. 3 руб.

Книга эта, выпущенная плановой комиссіей при совнаркомѣ, содержит чрезвычайно обильныя и очень цѣнныя данныя по всѣм отраслям совѣтскаго народнаго хозяйства и культуры. Как бы критически ни относиться к совѣтским статистическим данным, — а они этого критическаго отношенія вполне заслуживают, — но, во-первых, иных данных для сужденія о совѣтской жизни у нас нѣтъ, а, во-вторых, совѣтская статистика все же дает общую картину.

За годы второй пятилѣтки промышленная продукция СССР выросла больше чѣм в 8 раз по сравненію с 1913 г. и в 4,3 раза по сравненію с 1929 г. Мощность электростанцій в 1937 г. составляла 8.100 тыс. квт. против 4.677 тыс. квт. в 1932 г. Выработка электроэнергии достигла в 1937 г. 36,4 млрд. квтч. против 13,5 млрд. квтч. в 1932 г. Добыча каменного угля выросла в 64,3 млн. тон. в 1932 г. до 128,0 мил. тон. в 1937 г. Добыча нефти увеличилась с 22,27 млн. т. в 1932 г. до 30,5 млн. т. в 1937 г. В 1937 г. в СССР было выплавлено электрической стали в 8,4 раза больше, чѣм в 1932 г. Болѣе, чѣм удвоилась выплавка черной мѣди. Аллюминіевая промышленность выплавил в 1937 г. 37,7 тыс. тон. металла против 0,9 тыс. тон. в 1932 г. Продукція химической промышленности выросла в 1937 г. по сравненію с 1932 г. в три раза.

Мы привели данныя, выраженные не в неопредѣленных и искажающих дѣйствительность рублях, а в вѣсовых и энергических единицах.

И эти данныя рисуют картину чрезвычайно сильнаго количественнаго роста совѣтской тяжелой промышленности. Гораздо менѣе утѣшительную картину представляют данныя, касающіяся легкой промышленности, которая попрежнему чрезвычайно отстает и по сравненію с ростом тяжелой промышленности и по сравненію с потребностями населенія.

Вторая пятилѣтка по своему заданію, в отличіе от первой, должна была, как выражалась совѣтская печать, «освоить» достигнутые результаты, т. е. на ряду с вопросом количества поставить и вопрос качества. Для сужденія об этих качественных достижениях рецензируемая книжка дает мало, а попадающіяся то и дѣло ссылки на разрушительную и вредительскую работу «троцкистов, бухаринцев» показывают, что и авторы книги признают неблагополучіе качественной стороны дѣла.

Книга содержит много данных и о культурѣ жизни страны: о числѣ учащихся, библиотек, больниц, театров, радіо и т. д., и т. д. Само собой разумѣется, что она изобилует обычным хвастовством на тему «догнать и перегнать» и прославленіем Сталина. Книжка необходима каждому, кто хочет получить фактическія представленія о совѣтской жизни.

П. Берлин

Непринятая рукописи Редакція не возвращает.

Издательство „Русскія Записки“

51, rue de Turbigo, Paris (3).

Вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

М. А. Алданов. — Начало конца.

Цѣна во Франціи — 35 фр.; за-границей — 1 д. 20 ц.

М. А. Алданов. — Бельведерскій торс. Линія Брунсильды.

Цѣна во Франціи — 25 фр.; за-границей — 0.85 ц.

Б. К. Зайцев. — Москва.

Цѣна во Франціи — 30 фр.; за-границей — 1 дол.

Фр. Моріак. — Волчица (перев. Г. Кузнецово#).

Цѣна во Франціи — 15 фр.; за-границ. — 0.70 ц.

В. В. Сирин. — Соглядатай.

Цѣна во Франціи — 25 фр.; за-границ. — 0.85 ц.

Н. А. Тэффи. — Нѣжность.

Цѣна во Франціи — 25 фр.; за-границ. — 0.85 ц.

Н. А. Тэффи. — Зигзаг

Цѣна во Франціи — 35 фр.; за-границ. — 1 долл. 10 ц.

Готовятся к печати:

М. А. Алданов. — Давнее.

В. В. Сирин. — Весна в Фіальтѣ.

Адрес Издательства: «ANNALES RUSSES»

51, rue de Turbigo, PARIS (3°).

Адрес Редакции и Конторы:
« ANNALES RUSSES », 51, rue de Turbigo, PARIS (3°).
Tél.: Arc. 43-98.